

Максим Бельский

Нетолерантность

Максим Бельский
Нетолерантность

«Моя Строка»

Бельский М.

Нетолерантность / М. Бельский — «Моя Строка»,

ISBN 978-5-996512-13-3

Книга о политике и истории.

ISBN 978-5-996512-13-3

© Бельский М.

© Моя Строка

Содержание

Об авторе	5
Лукавый	6
Авиаконструктор Яковлев	21
О свободе слова	39
Антигитлеровское сопротивление в Германии	43
Генерал – фельдмаршал Вицлебен на суде нацистов	47
Марлен Дитрих в фильме «Голубой ангел»	49
Генерал – майор Хенниг фон Тресков, герой Движения сопротивления	51
Антифашистское сопротивление в Польше в период Второй мировой войны	52
Ракетный террор	68
Катастрофа и героизм. Маша Брускина, Минск, 1941 год	74
Памяти Александра Печерского	108
Вспоминая телеспектакль	118
Лихой рейд на Берлин, 1757 год	121
Тюильри, 10 августа 1792 года	125
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Максим Бельский

Нетолерантность

Об авторе

Бельский Максим Александрович родился в 1970 году в г. Минске (СССР), с 1991 года проживает в Иерусалиме (Израиль). Закончил с отличием Открытый университет Израиля по специальности «история и социология». Работает в Министерстве образования Израиля.

Лукавый Тёмные тайны генералиссимуса Сталина

*Лишь очень немногие своей кончиной доставили
столько радости столь многим.*

Уильям Коннор 1

Я хорошо помню тот момент, когда по советскому телевидению начали показывать эпопею «Освобождение». Ещё живы были моя бабушка и дедушка со стороны матери. Меня тогда поразило, как изменились их лица, когда на экране появился Сталин (артист Бухути Закариадзе). Дед, военный инженер в отставке, казалось, хочет встать по стойке смирно. На мой вопрос, кто это такой, они с большим трудом объяснили мне то, что можно было объяснить малышу.

Годы шли. Мне удалось прочитать машинописный текст «секретного» доклада Хрущева на XX съезде КПСС. Оказывается, понял я, и в лубочной истории СССР тоже были свои тёмные пятна. Это была новая веха для меня, хотя я и представить себе не мог, что сделал этот доклад в 1956 году, какой эффект разорвавшейся бомбы он создал!

Перестройка ещё более приоткрыла информацию, и стали печатать засекреченные ранее документы, они переворачивали сознание. Стало совершенно очевидным, что речь шла не о каких – то перегибах отдельных людей, а о преступном государстве, зловещей диктатуре. Согласитесь со мной, что планомерное убийство миллионов людей и депортация целых народов не может оставить равнодушным.

Затем я репатриировался в Израиль, и эта тема надолго перестала меня интересовать. До тех пор, пока я не прочитал книгу Э. Радзинского, который сумел «накопать» фактов на умопомрачительное произведение. Словом, со мной случился эффект Сократа: «Scio me nihil scire» или «Scio me nescire» («Я знаю, что ничего не знаю»). Теперь же я могу произнести эту фразу в полном объёме: «Я знаю только то, что ничего не знаю, но другие не знают и этого». Знанием поделюсь.

I

Про этого политического деятеля уже написано столько книг и научных исследований, что, казалось бы, глупо начинать вновь толочь воду в ступе. Тем не менее, поскольку время течёт и люди со свойственной их природе беззаботностью забывают все те чудовищные преступления, которые совершил этот коммунистический тиран, а помнят лишь фальшивый образ из многочисленных фильмов, в которых он – «отец народов, великий генералиссимус и победитель Гитлера», стоит напомнить, кем на самом деле был Иосиф Джугашвили. Он с большой аккуратностью следил за тем, чтобы в кинематографе его образ был показан именно так, как он хотел – в красивой и идеально сидящей форме генералиссимуса. Камера показывала его стройным гигантом, который возвышался во весь свой исполинский рост на фоне толпы ослеплённых им пигмеев. Словом, добрым и всемогущим Мессией, победителем вселенского зла, принесшим людям счастье. И даже на кадрах кинохроники он старался выгодно отличаться идеально сшитой маршальской формой от своих коллег – инвалида – колясочника Рузвельта, толстяка Черчилля и очкарика Трумэна (хотя по своим моральным качествам он им в подмётки не годился). Пора напомнить суровую правду: это был коротышка и злобный урод с прокурными черными зубами и испещрёнными следами оспы лицом, который на протяжении всей своей жизни был верным слугой вселенского зла, принесший людям нечеловеческие страдания

и забравший миллионы жизней. Как на самом деле выглядел этот «добрый дедушка», можно понять из немногочисленных свидетельств. Почему немногочисленных? Потому что, как правило, жертва сталинского гнева не оставалась в живых! Из бесед К. Симонова с адмиралом флота Советского Союза И. С. Исаковым от 21 мая 1962 года: «Сталин в гневе был страшен, вернее, опасен, трудно было на него смотреть в это время и трудно было присутствовать при таких сценах. Я присутствовал при нескольких таких сильных вспышках гнева, но всё происходило не так, как можно себе представить, не зная этого».

* * *

Сталин. Некоторых чудом уцелевших в ГУЛАГе и вырвавшихся из его когтей людей довелось увидеть и мне. Особенно поразила одна пожилая женщина, сохранившая в свои преклонные годы фигуру без единого грамма лишнего веса – последствия многолетнего голода, с которой мне довелось коротко познакомиться в первые годы после репатриации в Израиль. Однажды без всякой видимой причины она вдруг звонко запела:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так БЫСТРО ДОХНЕТ человек.

Собственно, эти переделанные строки насквозь лживой песни и есть квинтэссенция всего сталинского режима.

* * *

В 1917 году у России было два варианта развития событий. Первый – продолжать тяжёлую мировую войну, в которую вот – вот должны были вступить Соединённые Штаты Америки, после чего победу России, Франции и Англии можно было считать делом решённым и скорым. После победы Россия неизбежно стала бы сильнейшей и богатейшей державой в мире, получила контроль над Константинополем и проливами Босфор и Дарданеллы. И второй путь – именно тот, по которому она пошла: так называемая революция и постепенное сползание в состояние хаоса, затем большевистский переворот, предательство союзников и заключение позорного сепаратного мира с Германией и Австро – Венгрией, кровопролитная Гражданская война, бегство миллионов самых образованных людей за границу, жесточайшие репрессии против собственного народа. После окончательного установления советской власти террор не прекратился, а после небольшого перерыва на НЭП и внутрипартийную борьбу, усилился. Пресловутые индустриализация и коллективизация повлекли за собой миллионы жертв. Потом наступил период Большого террора 1937–1938 гг., который, собственно, не закончился, а лишь масштаб сократился, и возобновился с началом войны, в 1941 году. Шли непрерывные войны, война с гитлеровской Германией унесла уже десятки миллионов жизней, послевоенный голод снова убил миллионы, и до самой смерти Сталина (либо его убийства?) маховик репрессий, расстрелов и войн не останавливался ни на мгновение.

* * *

Вопрос, как такое могло произойти, некорректен. По – другому произойти не могло. Исключением из правил является именно мирное и разумное развитие событий, поскольку,

очевидно, в самой человеческой природе заложен какой – то дефект. Например, все поражаются тому, что Германия после прихода к власти нацистов смогла стала кровавой тиранией. Возмущенные голоса горестно всхлипывают: «Ах, ведь это родина Баха и Канта!» По моему глубокому убеждению, именно рождение таких гениев, как Фридрих Шиллер, Людвиг ван Бетховен или Альбрехт Дюрер, является исключением из правил. А правилом является появление страшной серой массы, во главе которой из века в век становятся новые и новые монстры, садисты и маньяки, которые живут ради погибели, разрушения и войн. Вся история человечества по сути являет собой огромную мясорубку бесконечных войн и насилия. Вместо того, чтобы сделать соответствующие выводы и объявить все войны вне закона, повернуть с гибельного пути в сторону прогресса и процветания, люди во всём мире празднуют свои славные победы над врагом и готовятся к новым сражениям. Надо бы объявить такие дни днями памяти погибших и не допустить повторения безумия, но это не более чем мечты.

В России до революции 1917 года сложилась уникальная ситуация. С одной стороны, власть была сосредоточена в руках императора Николая Второго и его жены. Они, с моей точки зрения, представляли собой страшный симбиоз идиотизма и религиозного фанатизма. Управлять громадной империей им было явно не по силам, но они этого не осознавали и до самого конца пребывали в глубокой уверенности, что народ их страшно любит и не желает для себя никакой иной судьбы, кроме как радостно жить под крылом двуглавого орла династии Романовых. Следствием такой слепоты была революция 1905–1907 гг., которая пошатнула устои трона и явилась тревожным звонком, после которого вполне могло начаться смутное время. После кровавого подавления той революции августейшей семье пришлось пойти на некоторые уступки, но реальных шагов **по спасению собственной жизни** они так и не сделали. Вместо этого весь мир с омерзением и смехом наблюдал за приключениями полуграмотного мужика по имени Григорий Новых, который вошёл в историю под кличкой, которую ему дали односельчане – Распутин, которого Николай Второй и Александра Фёдоровна считали чуть ли не святым, посланным спасти их и, соответственно, Россию. Личный секретарь Распутина Симанович 2 (он, кстати, был убит нацистами в Аушвице в 1944 году) оставил нам портрет этого человека, который имел неслыханное влияние на императора и императрицу: «Борода же его всегда была в беспорядке. За столом он вёл себя малокультурно. Ножом и вилкой пользовался в редких случаях, предпочитая брать кушанья с тарелок своими костлявыми и сухими пальцами. Большие куски он разрывал, как зверь. Только немногие могли смотреть при этом на него без отвращения. Его рот был очень велик, но вместо зубов в нём виднелись какие – то чёрные корешки. Во время еды остатки пищи застревали в его бороде... Он носил русскую рубашку, опоясанную шёлковым шнурком, широкие шаровары, высокие сапоги и на плечах поддёвку...» «Святой» маразматик назначал и снимал министров, к его квартире в Петербурге выстраивалась огромная очередь из просителей, которые совершенно открыто давали взятки, а «святой человек» так же открыто их брал, а затем публично устраивал пьянки и оргии, которые заканчивались грандиозными скандалами. Такая публичная дискредитация монархии имела свои последствия: даже родственники августейшей семьи глубоко презирали и ненавидели их. Оплоты трона – дворянство и офицерский корпус – мечтали лишь о том, чтобы сместить коронованных ослов и установить конституционную монархию либо республику, подобно Франции. Главнокомандующий русских войск великий князь Николай Николаевич обещал при появлении Распутина на фронте его повесить. В конце ноября 1916 года, выступая на заседании Государственной думы, лидер черносотенцев Владимир Митрофанович Пуришкевич сказал: «Надо, чтобы впредь недостаточно было рекомендации Распутина для назначения гнуснейших лиц на самые высокие посты. Распутин в настоящее время опаснее, чем некогда был Лжедмитрий!» Великий князь Дмитрий Павлович, князь Юсупов и Пуришкевич организовали и успешно осуществили убийство Распутина. Но было слишком поздно, империя рушилась и вскоре пала, широко раскрыв двери власти для людей, напроочь лишённых моральных устоев.

Про все остальные слои общества и говорить не приходится. Вдобавок Россия действительно являлась тюрьмой народов. Из – за притеснений и унижительных ограничений кроме этнических русских также огромное число поляков и евреев обратилось к революционной деятельности. Другие народы не отставали, в рядах революционеров были представители практически всех народов Российской империи. Могло ли быть иначе при императоре, который с гордостью носил на своём мундире почетный знак черносотенцев из пресловутого «Союза русского народа» (СРН) и называл всех нерусских граждан своего государства «инородцами»? Бессмысленная мясорубка Первой мировой войны лишь ускорила процесс. Страна мечтала об упразднении монархии, а затем повторила в ускоренном режиме Великую французскую революцию, когда после мыслителей и великих реформаторов, таких как Оноре Габриель Рикети (граф де Мирабо) и Мари Жозеф Поль Ив Рош Жильбер дю Мотье (маркиз де Ла Файет), пришли откровенные отморозки – якобинцы во главе с кровавым деспотом Робеспьером. Во Франции всё закончилось диктатурой Наполеона, который залил кровью не только Францию, но и вообще всю Европу. Ленин был военным преступником меньшего масштаба, но и у него были определённые успехи.

Впрочем, вскоре после смерти Ленина у штурвала встал человек, который установит такую диктатуру и прольёт столько крови, что будет совершенно невозможно найти **аналог в мировой истории**.

* * *

Любой большевистский вождь мог принести несчастной стране лишь разорение, репрессии и в перспективе абсолютный крах. Троцкий, Каменев, Дзержинский, Антонов – Овсеенко или Бухарин – особой роли это не играло. Однако никто из них не смог бы превратить жизнь народов в огромной многонациональной стране в постоянный ледяной ужас, который опутал всех, словно щупальцами гигантского спрута. Лучше всех это понял В. Пелевин, который так написал в книге «Чапаев и Пустота»: «Ты прикинь, как тогда было. Все знают, что по ночам в Кремле окошко горит, а за ним – Он. И он тебя любит как родного, а ты его и боишься до усеру, и тоже как бы любить должен всем сердцем. Как в религии. Я про Сталина почему вспомнил – стал думать, как так можно – бояться до усеру и одновременно любить всем сердцем». Грубо, но абсолютно верно. Stockholm syndrome (стокгольмский синдром) охватил всю страну и вышел далеко за её пределы. Приговорённый к расстрелу Николай Бухарин написал из камеры смертников более сорока писем своему убийце Сталину. Это почти что откровения гомосексуалиста, который питает интерес к своему возлюбленному: «Ночь 15 апреля 37 года. Коба! Хочу тебе написать, ибо я теперь ощущаю тебя как какого – то близкого. Все мои мечты последнего времени шли только к тому, чтобы прилепиться к руководству, к тебе в частности. Чтобы можно было работать в полную силу, целиком подчиняясь твоему совету, указаниям, требованиям. Я понял, как дух Ильича почиет на тебе. Мне было необыкновенно, когда удавалось быть с тобой. Я стал питать к тебе такое же чувство, как к Ильичу, – чувство родственной близости, громадной любви, доверия безграничного, как к человеку, которому можно сказать всё, всё написать, на всё пожаловаться. Книгу я задумал написать. Хотел её тебе посвятить, чтобы все знали, что я целиком признаю себя твоим».

До того, как его арестовали, судили и приговорили к смерти, Бухарин написал «Поэму о Сталине» (в семи песнях) и послал её Сталину лично 16 ноября 1936 года. Имеет смысл почитать завершающие строки этого «великого» произведения:

Уже готовили злодеи пули,
Чтоб в сердце революции стрелять
И черною предательской работой

Подрыть устои мира нового. Но тщетно!
Трубит труба времен. И на пороге
Годов решающих, среди друзей без счета,
Средь миллионных толп, среди армий, среди героев,
Стоит наш Сталин, наш любимый полководец,
Готовый взмыть на крыльях к солнцу битв.
Трубит труба времен. И громкий клич несется:
«Веди нас в новый бой, коль недруг нападет!»
И мудро смотрит вдаль, пытливым взором глядя
На полчища врагов, Великий Сталин.

Не давая оценку художественной ценности этого произведения, надо признать, что оно полностью подтверждает утверждение Пелевина о том, что так называемые соратники и советские граждане смертельно боялись, но при этом нечеловечески любили своего вождя. Подумаем, мог ли человек, будучи в здравом уме, написать подобные строки? А ведь он был главным редактором газеты «Правда» и ведущим партийным идеологом! При этом мелким интриганом: в 1929 году он даже публично назвал Сталина «мелким восточным деспотом», всё время глупо и неумело пытался организовать оппозицию против него.

С другой стороны, что, кроме презрения, мог испытывать Сталин к этому перевертышу?

При этом нужно помнить, что Бухарин после революции стал одним из главных идеологов красного террора и в своих «трудах» (например, в брошюре «Программа коммунистов») теоретически обосновал необходимость массовых репрессий, организацию красного террора и т. д. Но и после окончания Гражданской войны он не мог остановиться и писал: «Пролетарское принуждение, начиная от расстрелов и до трудовой повинности, является методом выработки коммунистического человечества»³. Вспоминал ли он в камере смертников о своих идеях?

А разве только один Бухарин был таким? Практически все осуждённые на московских процессах в годы Большого террора в своё время занимали высокие должности и проливали океаны крови «буржуев». А в последнем слове славил Сталина и объяснялись в любви к нему даже непосредственно перед расстрелом. Это поразительно, но, кроме Генриха Ягоды, никто из них перед смертью не вспомнил о Боге: «Должен быть Бог. Он наказывает меня за мои грехи».

Что же говорить об остальных? Вот типичное описание атмосферы истерии тех лет. Из книги «О Конституции СССР» 1937 года: «Появление тов. Сталина встречается продолжительной, бурной овацией всего зала. Весь зал встает. Со всех сторон несутся крики: «Ура тов. Сталину!», «Да здравствует тов. Сталин!», «Да здравствует великий Сталин!», «Великому гению, тов. Сталину, ура!», «Виват!», «Рот фронт!», «Тов. Сталину слава!»

II

Как получилось, что человек, рождённый в прекрасной Грузии, превратился в беспощадного тирана?

Несомненно, мрачный, неграмотный отец – алкоголик приложил к этому руку, избивая ребёнка. А затем он отправил его в семинарию, из которой молодой человек вышел окончательно озлобленным. Вместо веры в Бога он потерял веру в людей.

Его дочь Светлана Аллилуева была убеждена, что наихудшее влияние на становление его личности оказала именно учёба у духовной семинарии. Она пишет в мемуарах «Двадцать писем к другу»: «Я убеждена в том, что духовная семинария, где он провёл в общей сложности более десяти лет, оказала большое влияние на формирование его характера и на всю его дальнейшую жизнь. Она развила и усилила его врожденные свойства. Религиозного чувства

у него никогда не было. У молодого человека, который ни минуты не верил в духовное, не верил в Бога, бесконечные молитвы и навязанная дисциплина могли привести только к противоположному результату... Семинарский опыт внушил ему, что люди нетерпимы и грубы, что духовные пастыри обманывают свою паству, для того чтобы крепче держать её в руках, что они занимаются интригами, лгут и что у них очень много других пороков, но очень мало достоинств...»

Да и сам он, Сталин, подтверждал это в интервью Э. Людвигу⁴: «Меня сделало марксистом мое социальное положение... прежде всего, жесткая нетерпимость и иезуитская дисциплина, так беспощадно давившая на меня в семинарии»⁵.

Не получивший никакого образования, никакой профессии Иосиф Джугашвили вступил в ряды революционеров. Вероятно, его вполне устраивала перспектива превратиться из грязи в князи. После этого вся его жизнь до революции протекала по ссылкам и тюрьмам, а средой общения были революционеры социал – демократы, после раскола партии – большевики.

Первая жена Сталина Екатерина (Като) Семёновна Сванидзе быстро умерла, успев родить мужу сына Якова. Смерть наступила в результате тяжёлой болезни, денег на лечение у Джугашвили не было. Некоторые исследователи говорят о том, что Сталин любил свою жену. Этого я не знаю, зато хорошо знаю судьбу его сына, а также участь родственников покойной жены. «Сына воспитывали многочисленные грузинские родственники. Яков Джугашвили родился 19 марта 1907 года. Его мать – Екатерина Сванидзе – первая жена Сталина – умерла от брюшного тифа спустя восемь месяцев. До 14 лет его воспитывала тетка, Александра Монаселидзе, а в 1921 году Яков переехал в Москву к отцу»⁶.

Очень «романтической» была вторая любовь этого преступника. Старшая сестра второй жены Сталина А. Аллилуева записала это со всеми подробностями: «В 1918 году Сталин был послан в Царицын (переименованный в 1925 году в Сталинград) для обеспечения скорейшей отправки хлеба в Москву, Петроград и другие промышленные центры, где продовольственное положение приняло катастрофический характер. Вместе со Сталиным в салон – вагоне ехали мой отец, старый большевик Сергей Яковлевич Аллилуев, оказавший Сталину ряд услуг еще во времена царизма, и моя 17-летняя сестра Надя, работавшая секретарем – машинисткой в Управлении делами СНК. По тогдашним железнодорожным условиям поезд до Царицына двигался медленно, подолгу останавливаясь на промежуточных станциях.

В одну из ночей отец услышал душераздирающие крики из купе, где находилась Надя. После настойчивых требований дверь отворилась, и он увидел картину, которая ни в каких комментариях не нуждалась: сестра бросилась на шею отцу и, рыдая, сказала, что её изнасиловал Сталин. Будучи в состоянии сильного душевного волнения, отец вытащил пистолет, чтобы застрелить насильника, однако Сталин, поняв нависшую над ним серьезную опасность, опустившись на колени, стал упрашивать не поднимать шума и скандала и заявил, что он осознает свой позорный проступок и готов жениться на дочери.

Сестра долго сопротивлялась браку с нелюбимым человеком, к тому же старше её на двадцать с лишним лет, но была вынуждена уступить, и 24 марта 1919 года был зарегистрирован брак между Сталиным, которому шел 40-й год и 18-летней Аллилуевой, а через пять месяцев родился их сын Василий (кстати сказать, она не изменила своей девичьей фамилии).

Тем не менее, Сергей Яковлевич, презиравший Сталина, описал это глубоко возмущившее его событие, оставившее неизгладимый след в его душе, а рукопись, отлично зная характер и повадки своего зятя, закопал на даче под Москвой. Эту тайну он доверил лишь мне, своей старшей дочери...»⁷.

Это не поведение человека, это повадки дикого зверя!

Брат первой жены по имени Александр Сванидзе также был большевиком (партийный псевдоним Алёша). Он и его жена Мария считались близкими друзьями Сталина. Сталин даже назначил его на должность наркома по финансам в Грузинской ССР, позже – зампреда Гос-

банка по внешним торговым операциям. Мария была оперной певицей. В декабре 1937 года Александра арестовали, следствие по его делу длилось до 1940 года. Брата покойной жены Сталина обвинили в пособничестве испанским троцкистам и шпионаже в пользу Германии. Его приговорили к расстрелу, но приговор был приведён в исполнение не сразу, а лишь летом 1941 года. Также была арестована его жена (очевидно, плохо пела!) и сестра Маро. Их обеих расстреляли 3 марта 1942 года по постановлению Особого совещания НКВД.

Кроме пения Мария занималась ещё и тем, что вела дневник. Недолго, с 1934 по 1937 год. В дневнике она высказывает недовольство тем, что по всей стране развелось так много вредителей и диверсантов. Например, помехи в радиовещании она объясняла именно вредительством! В записи от июня 1935 года она записала свои впечатления от первой поездки в метро, которое построили в Москве. Среди прочего она пишет: «И. (Иосиф Сталин – М. Б.) всё время ласково улыбался, глаза у него были добрые, добрые и ласковые. Думаю, что его при всей его трезвости все – таки трогала любовь и внимание народа к своему вождю».

И далее развивает тему: «Он как – то сказал об овалциях, устраиваемых ему – народу нужен царь, т. е. человек, которому они могут поклоняться и во имя которого жить и работать».

5 марта 1937 года она написала с праведным большевистским гневом о проклятых троцкистах и врагах народа: «... крупное событие – был процесс троцкистов – душа пылает гневом и ненавистью, их казнь не удовлетворяет меня. Хотелось бы их пытать, колесовать, сжигать за все мерзости, содеянные ими. Торговцы родиной, присосавшийся к партии сброд».

В августе 1937 года она продолжает изливать желчь на страницы дневника: «Хочется просто выразить своё возмущение и недоумение. Как мы могли всё проглядеть, как могло случиться, что вражеский элемент расцвел таким пышным цветом, – в чём причина и содержание этого разговора? Я часто, идя по улице и всматриваясь в типы и лица, думала: куда делись, как замаскировались те миллионы людей, которые по своему социальному положению, воспитанию и психике не могли принять сов. (советского – М. Б.) строя, не могли идти в ногу с рабочими и бедняцким крестьянством, в ногу к социализму и коммунизму? И вот эти хамелеоны на 20-м году революции обнаружили во всем своем лживом облачении. Ни элементарной честности, ни патриотизма, ни чисто животной хотя бы привязанности к своему государству в них не нашлось. Вредить, продаваться, шипеть, ненавидеть, предавать, только бы не процветание самого справедливого строя». Затем следует вообще умопомрачительная фраза: «Столько чуждого и недоброжелательного элемента в момент революции присосалось к партии – как клещи, всосались и пили соки, все они взгромоздились на командные высоты, сначала маскировались, прикидывались правоверными, а потом, снюхавшись и объединившись, обнаглели и, к счастью, выявились, правда, с большим опозданием, так как успели уже сорганизоваться и причинить немало вреда стране».

Спустя несколько месяцев выяснилось, что вся их семья и она сама состоит из одних врагов народа. Наверное, она очень возмущалась тому, что «товарищи» её считали врагом народа, но если **абстрагироваться** от того смысла, который вкладывали в это большевики, и рассмотреть ситуацию объективно, то надо честно признать, что и она сама, и вся её семья действительно были злейшими врагами народа, которые навязали стране неслыханную в мировой истории кровавую тиранию и верно служили деспоту. Мне лично их трагический финал кажется весьма справедливым воздаянием за большевистскую деятельность.

Ужасна была и судьба сына Сталина Якова. Он впервые увидел отца лишь в 1921 году, когда его, говорившего только по – грузински, привезли в Москву. Сталин называл его волчонком и никогда не воспитывал. Яков оказался способным молодым человеком и хорошо учился, но только вот Сталин любил его примерно так же, как и всех остальных Сванидзе. В результате этой любви Яков попытался покончить с собой выстрелом в сердце, но пуля прошла навылет и после долгого лечения он выздоровел. В сердце Сталина не закралась жалость, он издевательски насмеялся над сыном, а потом написал (9 апреля 1928 года) своей второй жене,

которая хорошо относилась к юноше: «Передай Яше от меня, что он поступил как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и не может быть больше ничего общего. Пусть живёт, где хочет и с кем хочет».

Ещё раз процитирую дневник Марии Сванидзе, в котором она описывает сталинскую семейку: «28-го были «тетушки» в Кремле на рождении Светочки (11 лет). Впервые был Яша с женою. И. (Иосиф Сталин – М. Б.) не пришел, по – моему, умышленно. Он отодвигает это удовольствие познакомиться с новой невесткой. И впрямь радости мало. Она хорошенькая, старше Яши – он у нее – пятый муж, не считая иных прочих, разведенная особа, не умная, мало культурная, поймала Яшу, конечно, умышленно всё подстроив. В общем, лучше, если б этого не было. Жаль и нашему не блестящему кругу еще один член общества. Жаль И. Подумать, полуумная (так написано в оригинале – М. Б.) О. Е.8, идиот Федор, слабоумный Павел и Нюра, недалекий Стах, ленивый Вася, слабохарактерный Яша. Нормальные люди Ал., Женя, я и всё искупающая для И. Светочка. Да, еще хорош дедушка, с причудами, но хороший старик – и это близкие более или менее люди для И. И к чему еще Юлия – какая – то авантюристка, как было б хорошо если б Яша женился на скромной, милой девочке из своей революционной семьи, мы б её любили и баловали – а эта принесла сплетни, злость и пересуды». Ничего, добрый Иосиф скоро довёл сына до попытки самоубийства. «Яша стрелялся у нас в кухне, рядом со своей маленькой комнаткой, ночью. Пуля прошла навывлет, но он долго болел. Отец стал относиться к нему за это ещё хуже», – записала Светлана.

Яков сумел получить два высших образования! В начале войны Яков, старший лейтенант Красной армии, попал в плен. На сотрудничество не пошёл, был отправлен в концлагерь Заксенхаузен на территории Германии, где при попытке к бегству был убит охранником выстрелом в упор. Досталось и его вдове Юлии – полтора года она провела в тюрьме: сначала в Москве, потом в Энгельсе. Её выпустили на свободу лишь в 1943 году, после поступления достоверных сведений по агентурным каналам о том, что Яков погиб как герой и на сотрудничество с нацистами не пошёл. После освобождения из тюрьмы долго тяжело болела и умерла в 1968 году.

III

Помните, что записала в дневник Мария Сванидзе? «Он как – то сказал об овациях, устраиваемых ему – **народу нужен царь**, т. е. человек, которому они могут поклоняться и во имя которого жить и работать». Это она метко отметила. Я не знаю, читал ли Сталин книгу «История нравов. Галантный век» немецкого писателя Эдуарда Фукса⁹, но, на мой взгляд, после своего воцарения на вершине власти, стал действовать не как республиканец, а как самый одиозный абсолютистский монарх. Многие колеблются в определении того, какой именно строй установился при Сталине. Чаще всего говорят о тоталитаризме. Но на мой взгляд, это типичный пример монархии. Единственное, что не осуществил Сталин, так это свою коронацию по примеру Наполеона. Но Наполеон создал свою империю на принципах противоположных абсолютной монархии. Сталин же, прикрываясь фиговым листочком Конституции и атрибутами республиканского правления, на деле создал самую совершенную в мире абсолютную монархию. Судите сами. Вот цитаты из книги «История нравов. Галантный век» Фукса, в которой он пишет про сущность королевской власти: «Так как в лице абсолютного монарха на землю спустился сам Бог, то личность его священна. Отсюда неприступность и величие, свойственные каждому его шагу, окружающие его атмосферой, непроницаемой для простых смертных.

...государь далее постоянно окружен плеядой придворных. Одинок только ничтожный и бессильный. Знаку всемогущего повинуются вся Вселенная. Придворные – вестники его могущества...

Абсолютный государь становится в своих глазах, а также в глазах всего мира высшим земным существом... Такой типичный абсолютный государь, как Вюртембергский герцог Карл Евгений, имел своим девизом слова: «Государь – образ и подобие Божье. Он имеет право делать добро и зло, как ему заблагорассудится». Из такого воззрения само собой возникает убеждение, что единственный и высший закон для страны – его благо, его удовольствие: *suprema lex regis voluntas* (воля короля есть высший закон)...

В этом ключ к разгадке и логическое оправдание всех поступков самодержавного государя. Божество может распорядиться всем. Оно вольно над жизнью и свободой подданных, в особенности же над их собственностью. Всё принадлежит по праву королю. Всё государство – его личное владение.

...возводится в догмат, который в продолжение столетий принимается на веру и если критикуется, то только украдкой и тайком, фраза «*car tel est notre plaisir*» («потому, что нам так хочется») всё оправдывала или же опровергала.

Наука и искусство обязаны прославлять лишь короля, и они в самом деле поют только ему – всемогущему – хвалу. История становится описанием героизма и подвигов его и его предков... Монарх полон мудрости и добродетели. Никогда раньше мир не видал подобного соединения в одном человеке благородства, величия и возвышенности...

У народа одно только «право» – безропотно подчиняться. Непосредственным последствием подобного тезиса стало убеждение, что нет большего преступления, как сомнение в законности этого режима или стремление к его изменению, бунт против него. История не знает принципа развития, её закон – неизменность всего существующего – так декретировал абсолютизм. Не меньшим преступлением является и критика поведения носителя власти. Критика – кощунство. Для такого преступника тюрьма слишком мягкое наказание.

И не только критика существующего строя есть преступление. Когда речь идет о массах, то преступлением надо считать уже самостоятельное мышление.

К числу важных для характеристики общей картины эпохи порождений абсолютизма принадлежит **возникновение верноподданнической психики...**

Когда абсолютизму удалось сломить гражданскую свободу и низвести народ до уровня стада баранов, то нравственный закон эпохи перекинулся в свою собственную противоположность, так как интересы абсолютизма требовали наличия совсем иных «добродетелей». Отныне нравственным долгом каждого становилось «верноподданническое» подчинение власти абсолютного государя, а постоянное соблюдение этого принципа – высшей и похвальной добродетелью гражданина. Ведь держать стадо баранов в повиновении можно только тогда, когда отдельная личность отказывается от собственной воли и беспрекословно подчиняется приказам вожака. Так как духовное влияние на массы, их психическое порабощение всегда тем глубже, чем ярче обнаруживается господствующая власть в области политической, то абсолютизм этой цели достиг в совершенстве, ибо, как известно, никакая другая исторически сложившаяся власть не могла так категорически распоряжаться народом, как именно абсолютизм.

Наиболее характерная черта верноподданнической психики – принимаемая как нечто естественное и само собой понятное – несамостоятельность отдельного лица: каждый слушается без колебания и без раздумья. Люди не верят больше в себя, так как у них нет больше идеалов, созданных ими же самими: у них есть только идеалы, навязанные им насильно. Поведение их поэтому лишено всякого истинного величия, как лишена его и общая картина культуры такой эпохи. Люди уже не устанавливают новых вех, новых целей для человечества, они, напротив, услужливо помогают, когда абсолютный монарх произвольно переставляет пограничные столбы своих прав, возводит выше валы своего могущества и грубой рукой срубает древо свободы, вокруг которого народы плясали в дни юности в радостном сознании своей силы.

«Подданный» из принципа трус, из покорности глуп и из мести подл. В этом все проявления его жизнеспособности, в этой сервильности (сервильность – раболепство, прислужничество, рабская угодливость), тогда ставшей массовым явлением. Одно неотделимо от другого. Там, где существуют «подданные», неизбежна сервильность. Сервильность не что иное, как официальная форма подчинения господину в полной уверенности в законности такого подчинения. Подданный говорит своему господину: «Топчи меня, обесчесть меня, унижай меня – для меня всё почет и наслаждение; я буду целовать ногу, которая ступала по мне, я сам укажу путь к моему позору, который для тебя – удовольствие».

Для населения был установлен самый строгий табель о рангах. Что было запрещено делать по отношению к монарху придворным, не могла себе позволить служанка по отношению к госпоже, мещанка по отношению к даме и т. д.

Само собой понятно, что при таком резком делении на классы выскочки особенно ярко подчеркивали своё классовое превосходство, подобно тому как мелкие деспоты настойчивее других требовали, чтобы в них видели образ и подобие Божье. Это так понятно, потому что претензии этих выскочек считаться в рядах людей высшего порядка в большинстве случаев покоились лишь на милости монарха или могущественного министра.

У простого народа это верноподданническое чувство выражается еще, кроме того, в безграничном, никогда не прекращающемся благоговении перед носителем абсолютной власти и в не менее безграничном доверии. Простой народ относится к абсолютизму, как к религии.

Само собой понятно, что «чернь» была отделена от монарха не только гранями незримыми, но и строгими предписаниями, неприступными стенами, изгородями и заборами. Вход в огромные парки и сады, окружавшие резиденции государя, был строжайше запрещен, для их посещения требовалось особое разрешение, и нарушение этого правила каралось обыкновенно драконовыми наказаниями. Когда монарх совершал прогулку по городу, то нередко целые улицы и бульвары оцеплялись, и только издали народ обретал высокое счастье лицезреть священную особу монарха. Так было в Веймаре при жизни Гете. А тот, кто удаивался его взгляда или милостивого обращения, постигал величайшее счастье, которое только может выпасть на долю смертного, и на всю жизнь он чувствовал себя вознесенным высоко над своими согражданами. На нем покоилось око самого божества, его коснулся луч божьей милости. А тот, кто почувствовал постоянный интерес государя, до известной степени сам приобщался к его божественности».

Думаю, лучше всех природу нового режима понял М. Булгаков. Для него было очевидно, что Сталин лишь использует в своих целях внешние атрибуты коммунистического режима: идею всеобщего равенства, марксистскую идеологию, интернационализм, марксистско – ленинскую философию и т. д. А на деле он является абсолютным монархом, новым Людовиком XIV. Собственно, Булгаков не был идиотом и понимал, что его до сих пор не уничтожили лишь благодаря Сталину, которому понравились его книги. Более того, ему позволили работать. Вот тогда он и написал – очевидно, с дальним прицелом – пьесу «Кабала святош». В пьесе речь идёт о судьбе знаменитого французского комедиографа Жана – Батиста Мольера. Церковники запретили к исполнению его пьесу «Тартюф», и он ищет справедливости и покровительства у короля Людовика XIV. Образ короля описан льстиво, это скромный гений, стоящий высоко над миром и невероятно умный, более того, лишь он один и способен понять по – настоящему беднягу Мольера. Зато настоящими злодеями и фальшивыми лизоблюдами, скрывающими свои злые намерения под маской благочестия, рисуются святоши и слуги «короля – солнца». Пьеса содержала очевидный двойной смысл: гениальный Сталин и плетущие против него заговоры «соратники».

Неизвестно, прочитал ли Сталин эту пьесу. Вероятно, прочитал, поскольку, хотя её и запретили сразу же после премьеры, тем не менее Булгаков благополучно избежал трагической участи других жертв Большого террора. Всех их, стоявших у самого трона, расстреляли, как

бешеных собак, или превратили в лагерную пыль. А Булгаков, который в пьесе показал свою полную лояльность, был оставлен в живых и на свободе. Правда, судьба оказалась гораздо более жестокой по отношению к великому писателю, чем вождь народов – он умер молодым, находясь на самом пике своего творчества.

Я считаю И. Сталина абсолютным преступником, который по масштабам своих злодеяний намного превзошёл своего «коллегу по цеху» тиранов А. Гитлера. Поэтому при оценке любых событий, связанных с его демонической личностью, следует принимать за аксиому установку: **ВСЕ его мысли, слова и деяния были преступны.**

А. Авторханов в книге «Загадка смерти Сталина» пишет: «Сталин никого не убивал из любви к убийству. Не был он и садистом и еще меньше – параноиком. Такие оценки его действий вытекают из неправильной «антропологической» предпосылки: Сталина рассматривают как человека со всеми человеческими атрибутами, а поэтому все его нечеловеческие поступки сводят к душевной болезни. Между тем все поступки, действия, преступления Сталина целестремлены, логичны и строго принципиальны. У него нет зигзагов душевнобольного человека: помрачение ума, а потом просветление, восторг сейчас, меланхолия через час, злодеяние сегодня и раскаяние завтра, как бывало с действительно больным Иваном Грозным. Сталин был политик, действующий уголовными методами для достижения цели. Более того, он представлял собою уникальный гибрид политической науки и уголовного искусства, превосходя этим всех других политиков. Сталин был принципиально постоянным в своих злодеяниях – в восемнадцать лет он выдал свой марксистский кружок в Тифлисской духовной семинарии жандармам (оправдывая себя тем, что так он сделал кружковцев революционерами); в двадцать восемь лет он руководил убийством людей на Эриванской площади в Тифлисе во время вооруженного ограбления казначейства; в тридцать восемь лет он лично командовал в Царицыне массовыми расстрелами пленных белогвардейцев; в сорок восемь лет начал подготовку к истреблению крестьянства; ему было пятьдесят восемь лет, когда по его приказу в 1937–1938 гг. чекисты умертвили миллионы невинных людей; ему было уже семьдесят лет, когда он без суда расстрелял дюжину членов ЦК, своих ближайших помощников. Теперь он решил взяться за остальных. Сумасбродные действия, как говорит Хрущев? Ничуть не бывало. Целестремленные и целеоправданные действия с гениальным чутьем предвидения. Если бы Сталину удалось уничтожить Политбюро 1952 года, он, вероятно, жил бы подольше, а антисталинского XX съезда партии в истории вовсе не было бы».

Единственное отличие от бесноватого фюрера заключалось в том, что он умело маскировал свои преступления и всегда носил добродушную маску, за которой скрывалось кровавое чудовище. До такой степени, что очень многие до сих пор сомневаются, а был ли он столь плох на самом деле? Ведь именно он был Верховным Главнокомандующим в годы войны с нацистами, «освободил» Восточную Европу от нацистской чумы и так далее. Это колоссальная ошибка, поскольку даже то небольшое, что можно записать ему в позитив, на поверку также оказывается преступлением, правда, завёрнутым в яркий цветной фантик. Например, на Ялтинской конференции в 1945 году Сталин подписал обязательство в освобожденных от нацистов Красной армией странах провести свободные выборы. В «Декларации об освобожденной Европе» было четко определено право народов на самоопределение: «Установление порядка в Европе и переустройство национально – экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору». Но как сталинская система могла дать народам тех стран, куда ступал сапог советского солдата, свободу, если в самом СССР не было никакой свободы? Конституция, демократические выборы, власть народа, справедливое правосудие – всё это было не более чем филькиной грамотой и потёмкинской деревней. Одиозный сталинский прокурор Андрей Януарьевич Вышинский по профессии был юристом, закончил юридический факультет университета в Киеве. Это

малоизвестно, но он написал серьёзный труд по юриспруденции под названием «Теория судебных доказательств в советском праве». Цитата из этого труда: «...было бы ошибочным придавать обвиняемому или подсудимому, вернее, их объяснениям, большее значение, чем они заслуживают этого... В достаточно уже отдалённые времена, в эпоху господства в процессе теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, во всяком случае считавшейся наиболее серьёзным доказательством, «царицей доказательств» (*regina probationum*)». Как автор этих прекрасных строк мог председательствовать на московских процессах 1937–1938 гг.? Презумпция невиновности, которую Вышинский так превозносил в теории, была полностью отвергнута им на практике. На кровавых судилищах он пел соловьём совсем другие песни: «Вся наша страна, от малого до старого, ждёт и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу Родину, расстрелять как поганых псов!.. Пройдёт время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа. А над нами, над нашей счастливой страной, по – прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по – прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождём и учителем – великим Сталиным – вперёд и вперёд к коммунизму!»

Ведь хорошо известно, что те процессы являлись насмешкой над правосудием! Только вот он не мог поступить иначе, поскольку являлся продуктом системы, в которой абсолютно все понятия имели двойной, извращённый смысл. Во время Нюрнбергского трибунала именно он фактически руководил советской делегацией, как самый опытный и квалифицированный юрист. И он вполне оправдал ожидания своего хозяина: на процессе полностью замяли тему о секретных протоколах пакта Молотова – Риббентропа, а также о катынском расстреле пленных польских офицеров. Англичане и американцы понимали, с кем имеют дело, но при этом широко улыбались своему «союзнику». Участие сталинских обвинителей в Международном трибунале отчасти нивелирует весь процесс, поскольку их место было на скамье подсудимых рядом с нацистами, совершившими чудовищные преступления против человечества.

В СССР говорили о мире, а готовились захватить весь мир. Вот только один пример. Газета «Правда» опубликовала официальное сообщение о том, что 26 ноября 1939 года на участке советско – финской границы вблизи деревни Майнила группа советских военнослужащих была обстреляна артиллерией с финской территории, было убито трое рядовых и один младший командир. На этом основании СССР начал вторжение в Финляндию. Нельзя не признать, что Сталин просто скопировал действия своего германского коллеги, который напал на Польшу после реализации операции «Консервы» – инсценировки нападения Польши на немецкую радиостанцию в городе Глайвиц. Конституция в СССР была самой прогрессивной в мире, а на деле граждане страны были лишены даже самых элементарных прав и их планомерно гноили в ГУЛАГе и физически уничтожали миллионами. Царскую Россию справедливо называли тюрьмой народов, но в советской империи преступления великодержавного шовинизма превзошли всё вообразимое, репрессиям подвергались не только отдельные люди, но и целые народы. Президент США Рональд Рейган назвал СССР империей зла, но это была уже издыхающая империя, во времена же Сталина она была в самом расцвете сил.

Так вот, на подписанные в Ялте (а затем и в Потсдаме) международные обязательства Сталин, грубо говоря, чихать хотел. В занятых Красной армией странах в коалиционные правительства на ключевые позиции немедленно были поставлены завезённые из Москвы коммунисты. Прежде всего они занимали кресло руководителей силовых структур, а всё остальное было уже делом техники. На штыках Красной армии и под пристальным надзором тайной полиции

уже в самом скором времени были созданы марионеточные промосковские коммунистические режимы. Так что Черчилль имел все основания заявить в Фултоне, о том, что «от Щецина на Балтике до Триеста на Адриатике над европейским континентом опустился железный занавес». Он также подчеркнул: «Коммунистические партии, которые были весьма малочисленны во всех этих государствах Восточной Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль». К концу сороковых годов с демократией в странах, занятых Красной армией, было покончено.

В своё время Черчилль предвидел подобное развитие событий, пытался договориться с советским диктатором и 9 октября 1944 года подписал с ним *Naughty Document* («Непристойный документ»). На небольшом клочке бумаги он написал названия стран и сферы влияния СССР и союзников в Европе в процентах. Было это так (из мемуаров Черчилля): «Создалась деловая атмосфера, и я заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из – за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам – в Югославии?»

Пока это переводилось, я взял пол – листа бумаги и написал:

«Румыния:

Россия – 90 процентов

Другие – 10 процентов

Греция:

Великобритания (в согласии с США) – 90 процентов

Россия – 10 процентов

Югославия – 50/50 процентов

Венгрия – 50/50 процентов

Болгария:

Россия – 75 процентов

Другие – 25 процентов».

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. <...> Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку». «Нет, оставьте её себе», – сказал Сталин».

После войны Черчилль проиграл выборы и утратил кресло премьер – министра, так что Сталин вовсе не собирался соблюдать договорённости, поскольку с глубочайшим презрением относился к закону и был, образно говоря, настоящим хозяином своего слова: захотел – дал, захотел – взял обратно. Подобно Гитлеру, он презирал западные демократии и относился к международным договорам, как к туалетной бумаге. Сталин вовсе не собирался ограничиваться поглощением одной лишь Восточной Европы, его агентура развила активную деятельность также и в Западной Европе. В правительства Бельгии, Италии и Франции вошли коммунисты и этот процесс, казалось, шёл неудержимо. Главный же оплот западной демократии – США – уже давным – давно последовательно подвергался тайной и явной сталинской экспансии. Коммунистическая партия была образована в США ещё в 1919 году и с тех пор являла собой настоящую пятую колонну, рассадник шпионов и злейших врагов Америки. При этом они закамуфлировались под борцов за социальную помощь неимущим и гражданские права. Не скрывая своей ориентации на Москву, они при этом умело притворялись законопослушными гражданами США. Надо признать, что их идеология нашла широкий отклик в среде левой интеллигенции, которая уже тогда соответствовала тому меткому определению, которое

дал ей В. И. Ленин. Всех прекраснодушных и недалёких людей, симпатизировавших коммунистам, из числа либеральных интеллектуалов, политиков и общественных деятелей Ильич ласково именовал «полезными идиотами». Не могу не признать, что это весьма уместное прозвище. Ещё более правильно он говорил про то, что «капиталисты сами купят веревку, на которой мы их повесим». И опять же он как в воду глядел, поскольку показательна нулевая реакция Америки на чудовищные репрессии в СССР и на голодомор, развязанный большевиками против собственного населения. На официальном уровне хранилось полное молчание по поводу порабощения рабочих, которые трудились день и ночь, создавая оружие Сталину, и на распространение агентов Интернационала по всему миру. Ответ был красноречив: в 1934 году Рузвельт, которого все почитают как величайшего из всех американских президентов, признал Советский Союз. Американская пресса во всё горло пела гимны коллективизации и индустриализации, гению доброго и простого вождя трудящихся, Дяде Джо. С тех пор тираны и диктаторы всего мира начали рассматривать всякого рода либеральные движения как своих союзников в лагере демократических стран. Сам Ленин на скрывал своего презрения к этим, как он говорил, «болтунам, боящимся революционного насилия». Он издевательски делился с писателем М. Горьким своим истинным мнением об умственных способностях интеллигенции, мол: «На деле это не мозг, а говно». А ведь Ленин был дворянином, образованным человеком и интеллигентом, в отличие от Сталина, который был выходцем из самых низов, необразованным и совершенно неинтеллигентным. Можно только представить себе, до какой степени недоучка Сталин ненавидел и презирал интеллектуалов! Он прекрасно осознал, что из них можно верёвки вить и он это использовал в своих целях, умело применяя политику кнута и пряника. Ведь они, словно слепцы, не обращали внимания на чудовищные репрессии в СССР. Их не волновало ни физическое уничтожение всех «буржуев», ни тотальные расстрелы участников Белого движения, ни ликвидация наиболее трудолюбивого крестьянства во время пресловутой коллективизации, ни становление системы ГУЛАГа, ни даже кровавая вакханалия 1937–1938 гг. Так, Лион Фейхтвангер, посетив сталинскую Москву, написал жалкую книжонку, в которой восхвалял кремлёвского тирана и его диктатуру. Среди прочего бреда он, например, написал, что «больше всех разницу между беспросветным прошлым и счастливым настоящим чувствуют крестьяне», которые имеют обильную еду и «ведут своё сельское хозяйство разумно и с возрастающим успехом». К этому времени миллионы людей уже умерли от голода, а оставшиеся в живых с трудом выживали. Даже ПОСЛЕ Второй мировой войны в СССР умерло от голода от миллиона до двух несчастных! Нет, что ни говорите, а Ленин в некоторых своих определениях был исключительно точен.

IV

После революции 1917 года в России большевики кричали на всех углах, что их целью является построение идеального общества, установление рая на Земле – но без помощи Бога, рая материального. В этом благородном деле они не особенно преуспели, зато им вполне удалось построить в своей стране филиал АДА на Земле, который они мечтали распространить на весь земной шар. Во главе этих счастливых чертей, как и положено, после затянувшейся на годы схватки пауков в банке встал человек, ставший живым воплощением Лукавого. Можно сколько угодно верить или не верить христианским догматам, но та характеристика, которая даётся дьяволу, вполне соответствует образу Иосифа Виссарионовича. Был ли он убежденным грешником? Несомненно, ПОСТОЯННОЕ совершение самых чудовищных преступлений было неотъемлемым атрибутом Сталина, его сутью. Все характеристики врага человеческого рода один в один совпадают в воспоминаниях очевидцев с обликом товарища Сталина:

1. Наделенный непомерной гордыней, честолюбивый и тщеславный.

2. Второе качество – это совершенно невероятная ложь, неслыханная раньше. Вполне аргументированно можно заявить, что отец народов на деле был отцом лжи.

3. Сверхкачеством Сталина являлось лукавство, коварство его натуры, извращение всего, что совершает.

4. Коварство и изворотливость являлись сутью его истинной природы. Он был полон несправедного оболыщения, при этом на поверку не являлся действительным лидером, его сила была в том, что он, образно говоря, питался падалью. Марк Солонин совершенно точно отметил: «...у Сталина была удивительная биография, он многократно пользовался чужими трудами, чужими успехами. Мы же понимаем, что не Сталин организовал Великую Октябрьскую революцию и не он выиграл в Гражданской войне. У него хватило звериного чутья и полного отсутствия какой – то морали и совести, чтобы перебить своих. То есть все успехи Сталина – это успешная расправа над своими... Это все – таки шакал. Большой, наглый, очень удачливый шакал».

Я не стану писать о Сталине до революции, поскольку от него в те годы мало зависело. Гораздо интереснее посмотреть на него уже обладающего абсолютной властью. При этом всегда надо помнить о том, что сказал про тирана Борис Стругацкий:

– Кого ни слушаешь, у всех товарищ Сталин всегда в хорошем настроении, добрый и шутит...

– Это называется «селекция наблюдений»... Просто те, кто видел его в плохом настроении, – не выжили, и их рассказов история нам не сохранила¹⁰.

Авиаконструктор Яковлев

Он был одним из немногих, к кому Сталин благоволил. Однако и он, подобно любимцу Гитлера Альфреду Шпееру, лишь чудом избежал репрессий. Карьерный рост Яковлева был подобен взлёту ракеты. К 1939 году в СССР стали пожинать горькие плоды массовых репрессий 1937–1938 гг. Повсеместно наблюдалась нехватка квалифицированных кадров. Война в Испании показала слабость советской авиации в сравнении с германской. Пока в СССР строили огромные самолёты, на которых устанавливали мировые рекорды по дальности перелётов, в Германии построили скоростные маневренные истребители «Мессершмитт 109» и штурмовики «Юнкерс-87», которые били в испанском небе «сталинских соколов». Вместо детального разбора причин отставания начались необоснованные репрессии. И лишь накануне начала Второй мировой войны сталинское руководство спохватилось – а не слишком ли перегнули палку? На наше счастье Яковлев был не только хорошим конструктором, но и прекрасным писателем. Конечно, он не мог написать самого интересного из – за цензуры, но даже то, что ему удалось изложить в своей книге «Цель жизни», поражает воображение. Перед читателем возникает образ настоящего, а не лубочного Сталина – злого, двуличного, лукавого, жестокого деспота. При этом Яковлев явно не желал описать его именно таким. Напротив, он тщательно оправдывает характер Сталина, объясняя всё трудным временем, которое требовало жестоких решений.

С Яковлевым Сталин поступил так же, как и с остальными своими выдвиженцами: сначала возвысил, потом приблизил к себе максимально близко, после чего «медовый месяц» завершился и наступила пора серых будней, тучи над головой конструктора стучались всё больше и больше, милость всемогущего вождя сменилась на недоброжелательное отношение, всё время маячила угроза репрессий. Лишь талант и способность конструировать новые, удачные самолёты, отдалили грозу. А ведь, казалось бы, ну чего ему было опасаться? Весь советский строй, казалось, был создан для таких, как он, молодых людей с пролетарским происхождением. У него в биографии не было ни единого пятнышка, он был незаменим, поскольку лишь единицы имеют талант настоящего конструктора, он вступил в партию и всегда был лоялен. И всё равно он всё время ходил под дамокловым мечом, как и все в этом зловещем, тёмном сталинском царстве, в котором даже его ближайшие родственники не были застрахованы от внезапного и бессмысленного физического уничтожения.

Вот как он описывает один эпизод из жизни, случившийся с ним во время войны. Неожиданная правда. «В начале июня 1943 года мы совершенно неожиданно попали в беду». Мы – это он и его коллега, заместитель министра Дементьев. Дементьев в 1941 году был назначен первым заместителем народного комиссара авиационной промышленности СССР, проработав в этой должности до 1953 года. Во время войны отвечал за серийный выпуск самолётов. После смещения и расстрела Берии в августе 1953 года Дементьев был назначен министром авиационной промышленности СССР.

«В последний момент, когда наши войска готовились к отражению нового наступления противника, выяснилось, что полученные фронтом с восточных заводов ЯКи, составлявшие подавляющее большинство истребительных самолетов на Курском направлении, оказались небоеспособными.

3 июня 1943 года меня и заместителя наркома П. В. Дементьева, ведавшего вопросами серийного производства, вызвали в Ставку Верховного Главнокомандования. В кабинете кроме Сталина находились маршалы Василевский и Воронов. Мы сразу заметили на столе куски потрескавшейся полотняной обшивки крыла самолета и поняли, в чем дело. Предстоял неприятный разговор.

Дело в том, что на выпущенных одним из восточных заводов истребителях ЯК-9 обшивка крыльев стала растрескиваться и отставать. Произошло несколько случаев срыва полотна с крыльев самолета в полете. Причиной этому явилось плохое качество нитрокраски, поставляемой одним из уральских химических предприятий, где применили наспех проверенные заменители.

Краска была нестойкой, быстро подвергалась влиянию атмосферных условий, растрескивалась, и полотняная оклейка крыла отставала от фанеры.

Мы уже знали об этом дефекте и всеми мерами стремились ликвидировать его».

Собственно, такое безобразие могло произойти только при плановой экономике, когда у людей нет почти никакой личной заинтересованности в выпускаемой продукции. Сталин компенсировал это и придавал необходимую заинтересованность применением жестоких репрессий.

«Сталин, указывая на куски негодной обшивки, лежавшие на столе, спросил:

– Вам об этом что –нибудь известно? – и зачитал донесение из воздушной армии, дислоцированной в районе Курска, присланное вместе с образцами негодной обшивки.

Мы сказали, что случаи срыва обшивки нам были известны. Он перебил нас:

– Какие случаи? Вся истребительная авиация небоеспособна. Было до десятка случаев срыва обшивки в воздухе. Летчики боятся летать. Почему так получилось?!

Сталин взял кусок полотна, лакокрасочное покрытие которого совершенно растрескалось и отваливалось кусками, показал нам и спросил:

– Что это такое?

Дементьев сказал, что мы о дефекте знаем и принимаем меры к тому, чтобы прекратить выпуск негодных самолетов и отремонтировать уже выпущенные машины. Дементьев обещал в кратчайший срок исправить положение и обеспечить боеспособность всех самолетов, выпущенных за последнее время.

Сталин с негодованием обратился к нам:

– Знаете ли вы, что это срывает важную операцию, которую нельзя проводить без участия истребителей?

Да, мы знали, что готовятся серьезные бои в районе Орел – Курск, и наше самочувствие в тот момент было ужасным.

– Почему же так получилось?! – продолжал всё больше выходить из себя Сталин. – Почему выпустили несколько сот самолетов с дефектной обшивкой? Ведь вы же знаете, что истребители нам сейчас нужны как воздух! Как вы могли допустить такое положение и почему не приняли мер раньше?

Мы объяснили, что в момент изготовления самолетов этот дефект обнаружить на заводе невозможно. Он обнаруживается лишь со временем, когда самолеты находятся не под крышей ангара, а на фронтовых аэродромах, под открытым небом – под воздействием дождя, солнечных лучей и других атмосферных условий. Выявить дефект на самом заводе трудно было и потому, что самолеты сразу же из цеха отправлялись на фронт».

А теперь самое интересное.

«Никогда не приходилось видеть Сталина в таком негодовании.

– Значит, на заводе это не было известно?

– Да, это не было известно.

– Значит, это выявилось на фронте только перед лицом противника?

– Да, это так.

– Да знаете ли вы, что так мог поступить только самый коварный враг?! Именно так и поступил бы, – выпустив на заводе годные самолеты, чтобы они на фронте оказались негодными! Враг не нанес бы нам большего ущерба, не придумал бы ничего худшего. Это работа на Гитлера!

Он несколько раз повторил, что самый коварный враг не мог бы нанести большего вреда.
– Вы знаете, что вывели из строя истребительную авиацию? Вы знаете, какую услугу оказали Гитлеру?! Вы гитлеровцы!

Трудно себе представить наше состояние в тот момент. Я чувствовал, что холодею. А Дементьев стоял весь красный и нервно теребил в руках кусок злополучной обшивки».

Ещё бы! Сталин редко кого вот так, в лоб, называл врагом. А тут как заведённый повторяет, что это работа на Гитлера, а стоящие перед ним чиновники высокого ранга – гитлеровцы. Можно было ожидать немедленной расправы.

«Несколько минут прошло в гробовом молчании. Наконец, Сталин, походив некоторое время в раздумье, несколько успокоился и по – деловому спросил:

– Что будем делать?

Дементьев заявил, что мы немедленно исправим все самолеты.

– Что значит немедленно? Какой срок?

Дементьев задумался на какое – то мгновение, переглянулся со мной:

– В течение двух недель.

– А не обманываете?

– Нет, товарищ Сталин, сделаем.

Я ушам своим не верил. Мне казалось, что на эту работу потребуется по крайней мере месяца два.

Сталин никак не рассчитывал, что так быстро можно исправить машины. Откровенно говоря, я тоже удивился и подумал: обещание Дементьева временно отведет грозу, а что будет потом?

Срок был принят. Однако Сталин приказал военной прокуратуре немедленно расследовать обстоятельства дела, выяснить, каким образом некачественные нитролаки и клеи попали на авиационный завод, почему в лабораторных условиях как следует не проверили качество лаков.

Тут же он дал указание отправить две комиссии для расследования: на Уральский завод лаков и красок и на серийный завод, производивший ЯКи».

Другими словами, Сталин приказал раскрутить дело о заговоре, арестовать и, как вредителей и диверсантов, расстрелять всех тех, кто проявил оплошность. Причём не только с уральского химического предприятия, но и с авиазавода. Задолго до 22 июня 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 года «О запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», который завершал последовательное закабаление горожан вслед за лишенными паспортов колхозниками. Уголовная ответственность за опоздание на работу свыше 20 минут была ещё до войны. Что же говорить о том, как карали за нарушение трудовой дисциплины **во время войны?**

«После чего Сталин обратился ко мне:

– А ваше самолюбие не страдает? Как вы себя чувствуете? Над вами издеваются, гробят вашу машину, а вы чего смотрите?

– Товарищ Сталин, я себя чувствую отвратительно, так как отлично представляю, какой ущерб делу это принесло. Но вместе с Дементьевым обещаю, что мы примем самые энергичные меры, и в кратчайший срок дефект будет устранен.

Когда мы выходили из кабинета Сталина, я облегченно вздохнул, но вместе с тем не мог не сказать Дементьеву:

– Слушай, как за две недели можно выполнить такую работу?

– А ты чего хочешь, чтобы нас расстреляли сегодня? Пусть лучше расстреляют через две недели. Трудно, а сделать надо, – ответил Дементьев».

Дементьев знал, о чём говорил. За подобные проступки у Сталина была лишь одна кара – расстрел. Изворотливому Дементьеву удалось уйти из – под удара лишь потому, что он пообещал диктатору фантастически короткий срок исправления самолётов.

После войны Сталин не забыл про беспорядок в авиации и санкционировал арест главнокомандующего ВВС А. А. Новикова, наркома авиационной промышленности А. И. Шахурин, главного инженера ВВС А. К. Репина, члена военного совета ВВС Н. С. Шиманова, начальника главного управления заказов ВВС Н. П. Селезнева и начальников отделов управления кадров ЦК ВКП(б) А. В. Будникова и Г. М. Григорьяна. Дело было передано в военную коллегия Верховного суда СССР. В вину им вменялся выпуск бракованной продукции, в результате чего с ноября 1942 по февраль 1946 года произошло более 45 тыс. невылетов самолетов на боевое задание, 756 аварий и 305 катастроф. На самом деле обвинять людей в этом было чистым сумасшествием, учитывая особенности советского производства и сумасшедший ритм военного времени. Тем не менее необходимые показания были выбиты и на суде ВСЕ арестованные каялись в своих мифических грехах, при этом оговаривая и топя друг друга.

А. И. Шахурин: «Я совершил приписываемые мне преступления в погоне за выполнением плана и графика, в погоне за количественными данными. Имея сигналы с фронтов Отечественной войны о дефектности наших самолетов, я не ставил в известность председателя Государственного комитета обороны, и в этом самое мое тяжкое преступление».

Г. М. Григорьян: «Будучи заведующим отделом ЦК ВКП(б) по авиационному моторостроению, я знал, что бывший нарком авиационной промышленности Шахурин в погоне за количественными показателями выполнял планы выпуска авиационной техники, не обеспечивая её надлежащего качества. Я виноват в том, что, зная, что Шахурин выпускал и поставлял на вооружение ВВС бракованные самолеты и моторы, не принимал мер к пресечению этой деятельности».

Н. П. Селезнев: «Масса моторов выходила из строя. Беру на себя вину, что военпреды сдавали в части формально «годные», а на самом деле дефектные самолеты».

А. А. Новиков: «Командовал ВВС с апреля 1942 года по март 1946 года. Порочная система приемки самолетов существовала до меня. На фронтах ощущался недостаток в самолетах, и это обстоятельство меня вынудило не реагировать на различного рода дефекты. К тому же я не инженер, в силу чего ряд технических вопросов я просто недоучитывал».

Всех их лишили званий, наград, конфисковали имущество и осудили на долгие годы заключения. После смерти вождя реабилитировали, сделав справедливый вывод о том, что все они свои служебные обязанности выполняли добросовестно и никаких претензий быть не может в принципе.

Вопрос: зачем Сталину было нужно репрессировать всех этих честных трудяг? Ответ: чтобы отвести от себя любые возможные обвинения в том, что он плохо и некомпетентно руководил промышленностью в годы войны, что, несомненно, имело место. Осудив всех этих людей он опять вышел в сияющих одеяниях великого гения, которого все обманывают и лишь неисполнение его мудрых предначертаний и вредительство исполнителей привело к многочисленным катастрофам и выпуску некачественной продукции.

Вскоре подобным образом он очистит себя и от обвинений в бездарном военном руководстве в годы войны. А заодно уничтожит людей, которые стали невольными свидетелями его слабости и откровенно провальных решений во время войны. Именно ради этой цели им было организовано и раскручено кровавое «Ленинградское дело», жертвами которого стали почти все лидеры блокадного города (А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин, Н. В. Соловьев, И. М. Турко, А. Д. Вербицкий, Г. Ф. Бадаев, П. И. Левин, Г. Т. Кедров, М. П. Никитин, П. Т. Талюш, В. П. Иванов, Э. П. Бояр, М. И. Сафонов и многие другие). Иными словами, были уничтожены либо репрессированы практически все руководители Ленинграда времён блокады вплоть до районного уровня.

А. А. Кузнецов был одним из тех, кого Сталин поставил во главе исполнителей «дела авиаторов». С результатами его деятельности мы уже могли ознакомиться выше, говоря казенным языком тех лет, «товарищ Кузнецов вскрыл целый ряд недостатков, допущенных Маленковым в руководстве управлением кадров и министерством авиационной промышленности, и подвергал их заслуженной критике на собраниях аппарата ЦК ВКП(б)». То есть он вступил на путь открытой конфронтации с Маленковым и тот затаил на него злобу и лишь ждал удобного повода для реванша.

Многие представляют это «дело» как результат подковёрной борьбы различных группировок в окружении Сталина. На мой взгляд, это верно лишь отчасти. Основной задачей для Сталина было физическое уничтожение своих потенциальных конкурентов. Окружать себя людьми, которые ненавидели друг друга и постоянно соперничали, – это была старая тактика Сталина. Цель её была проста: постоянная конкуренция не позволяла созреть никакому заговору. Соперничающие министерства и ведомства постоянно занимались слежкой и интригами друг против друга, а Сталин возвышался над всеми, словно строгий, но справедливый воспитатель в детском саду, разнимая разбаловавшихся ребятишек.

Самым главным «ленинградцем» был А. Жданов, тот самый, который во время блокады не вылезал из бункера и даже честно поведал об этом Сталину – мол, не могу найти в себе душевных сил вылезти наружу, там падают бомбы и страшно трушу. Сталину, который сам никогда не появлялся на фронте, вероятно, это было близко, поэтому он никак не наказал Жданова за трусость. Так и продолжал Жданов сидеть в бункере, обжираясь деликатесами, словно барсук, в осаждённом городе с умирающими от голода жителями – до конца блокады. Бабушка писателя Игоря Григорьевича Атаманенко, Евдокия Мироновна Атаманенко, была врачом – кардиологом и в 1941 году входила во врачебную свиту Андрея Жданова. На страницах своей книги И. Г. Атаманенко поделился воспоминаниями бабушки: «В то время как простые ленинградцы получали по 128 граммов хлеба в день, Жданов и его сотоварищи в блокаду ни в чём себе не отказывали. Особенно хорошо это знали врачи, которым подчас приходилось спасать высшую партийную элиту от последствий неумеренных обжорств и возлияний. Она рассказывала, что у него на столе всегда были в изобилии деликатесы и разносолы. Бабушка сама видела, как во время блокады в Смольный привозили и свежие овощи, и живых барашков, и живую птицу».

Так вот, этот человек после войны был наиболее приближён к Сталину, но затем, в 1948 году, после недостаточно яростного осуждения маршала Тито он неожиданно попал в немилость, у него как – то сразу сдало сердце, и в августе 1948 года он скорострительно умер в возрасте пятидесяти двух лет. Трудно сказать, был ли он убит по приказанию Сталина или нет, но в чём нет абсолютно никаких сомнений – вождь воспользовался его смертью для того, чтобы начать новый виток репрессий, на этот раз – против своего ближайшего окружения. Вскоре было объявлено, что Жданов пал жертвой «вредительского лечения», и началось «ленинградское дело», а затем и «дело врачей».

Во время правления Хрущёва была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х гг. Среди прочего эта комиссия занималась и «ленинградским делом». Комиссия выяснила, что это была мясорубка покруче 1937 года! К арестованным применяли страшные пытки, пощады не было даже женщинам и детям – родственникам арестованных «ленинградцев». Фрол Козлов, секретарь Ленинградского обкома в 1957 году, заявил на Пленуме ЦК: «Десятки тысяч ни в чём неповинных людей тогда выслали из Ленинграда в ссылки, в тюрьмы, и на расстрел пошли многие из них, многие из них погибли. Десятки тысяч ни в чём неповинных людей отправляли эшелонами».

Для чего нужны были эти жертвы после чудовищной войны? Ради одного: уничтожить как можно больше свидетелей вопиющей некомпетентности «вождя народов» и его полной несостоятельности как главнокомандующего.

* * *

Вот как описывает Сталина в начале 30-х годов (точнее, в 1932 году) Корнелий Зелинский¹¹: «Сталин – человек среднего роста, не очень плотный и отнюдь не военно – монументальный, как его изображают в гипсовых бюстах. Это ещё вполне крепкий человек, почти без седины; волосы чуть начинают сереть на висках, но ещё тёмные и густые. Когда Сталин говорит, он играет перламутровым перочинным ножичком, висящим на часовой цепочке под френчем. Сталин, что никак не передано в его изображениях, очень подвижен.

Сталин поражает своей боевой снаряжённостью. Чуть что, он тотчас ловит мысль, могущую опровергнуть или пересечь его мысль, и парирует её. Он очень чуток к возражениям и вообще странно внимателен ко всему, что говорится вокруг него. Кажется, он не слушает или забыл. Нет, он всё поймал на радиостанцию своего мозга, работающую на всех волнах. Ответ готов тотчас, в лоб, напрямик. Да или нет. Он всегда готов к бою. Сталин говорит очень спокойно, медленно, уверенно, иногда повторяя фразы. Он говорит с лёгким грузинским акцентом. Сталин почти не жестикулирует. Сгибая руку в локте, он только слегка поворачивает ладонь ребром то в одну, то в другую сторону, как бы направляя словесный поток. Иногда он поворачивается корпусом в сторону подающего реплику. Его ирония довольно тонка. Сейчас это не тот Сталин, который был в начале вечера, Сталин, прыскающий под стол, давящийся смехом и готовый смеяться. Сейчас его улыбка чуть уловима под усами. Иронические замечания отдают металлом. В них нет ничего добродушного. Сталин стоит прочно, по – военному».

Если уж затронули свидетельство К. Зелинского, то он записал и другой замечательный эпизод: «Ещё один неприятный инцидент произошёл во время ужина у А. М. Горького в тот же день. Поэт В. Луговской стал произносить пышный тост за здоровье товарища Сталина. Вождь не принял и этой откровенной лести: сидел с каменным лицом. Увидев его реакцию, поэт осёкся. И вдруг изрядно охмелевший Г. Никифоров встал и закричал на весь зал – воистину, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке: «Надоело! Миллион сто сорок семь тысяч раз пили за здоровье товарища Сталина! Небось, ему это даже надоело слышать...» И. В. Сталин тоже поднимается. Он протягивает через стол руку Никифорову, пожимает его концы пальцев: «Спасибо, Никифоров, правильно. Надоело это уже»».

«Скромный» товарищ Сталин, «не любивший откровенной лести», не забыл про этого искреннего человека. Георгий Константинович Никифоров был арестован 13 января 1938 по «делу о заговоре писателей». На допросах был подвергнут зверским пыткам, но ничего не сказал и виновным себя по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации не признал. Но это было и не важно, его судьба была решена ещё тогда, в 1932 году. Он был расстрелян 2 апреля 1938 года.

А сколько ещё таких людей, говоривших Сталину правду, было? Близких к нему, родственников, друзей, искренне любивших его – ВСЕХ их он убил.

Милован Джилас считался вторым человеком в Югославии, разумеется, после Тито. Он написал книгу воспоминаний «Встречи со Сталиным». Вот два основных, на мой взгляд, отрывка из этой книги. В первом он вспоминает, каким ему запомнился Сталин.

«Самым простым был хозяин. Сталин был в маршальской форме и мягких сапогах, без орденов, кроме золотой звезды – ордена Героя Советского Союза на левой стороне груди. В его поведении не было ничего искусственного, не было никакой позы. Это не был величественный Сталин с фотографий или из документальных фильмов – с замедленной продуманной походкой и жестами. Он ни на минуту не оставался спокойным – занимался трубкой с белой точкой

английской фирмы «Данхилл», очерчивал синим карандашом основное слово темы разговора и потом его постепенно перечеркивал косыми линиями, когда дискуссия об этом приближалась к концу, поворачивал туда – сюда голову, вертелся на месте.

И еще одно меня удивило: он был малого роста, тело его было некрасивым: туловище короткое и узкое, а руки и ноги слишком длинные – левая рука и плечо как бы слегка ограничены в движениях. У него был порядочный животик, а волосы редкие, хотя совсем лысым он не был даже на темени. Лицо у него было белым с румяными скулами – я узнал потом, что цвет этот характерен для тех, кто подолгу сидит в кабинетах, на советских верхах его называют «кремлевским». Зубы у него были черные и неправильные, загнутые внутрь. Даже усы не были густыми и представительными. Всё же голова его не была отталкивающей: что – то было в ней народное, крестьянское, хозяйское – быстрые желтые глаза, смесь строгости и плутоватости».

Перед нами портрет настоящего Сталина – злобного низкорослого азиата с коротким и узким туловищем, с непропорциональными руками и ногами, толстобрюхого, лысоватого, с черными зубами. Как это непохоже на монументальные черты богочеловека Сталина из советского кинематографа!

Про проблему Сталина с рукой написала А. С. Аллилуева, сестра жены Сталина: «Для армии Сталина забраковали в 1916 году.

– Сочли, я буду там нежелательным элементом, – говорил он нам, – а потом придрались к руке.

Левая рука Сталина плохо сгибалась в локте. Он повредил её в детстве. От ушиба на руке началось нагноение, а так как лечить мальчика было некому, то оно перешло в заражение крови. Сталин был при смерти.

– Не знаю, что меня спасло тогда, здоровый организм или мазь деревенской знахарки, но я выздоровел, – вспоминал он.

Но след от ушиба на руке остался на всю жизнь...»

Но Милован Джилас не ограничивается лишь внешним описанием тирана. Во втором отрывке, который я хочу процитировать, он даёт ему такую характеристику: «Сталину было безразлично, искажил ли он при этом ту или иную основу марксизма.

...во времена Сталина ложь и насилие должны были быть вознесены до уровня наивысших принципов... Кто знает, может, Сталин в своем проницательном и немилосердном уме и считал, что ложь и насилие и есть то диалектическое отрицание, через которое Россия и человеческий род придут наконец к абсолютной истине и абсолютному счастью?

...В Сталине можно обнаружить черты всех предшествовавших ему тиранов – от Нерона и Калигулы до Ивана Грозного, Робеспьера и Гитлера. Но, как и любой из них, Сталин – явление новое и самобытное. Он был наиболее законченный из всех, и его сопровождал наибольший успех. И хотя его насилие самое тотальное и самое вероломное, мне кажется, что считать Сталина садистом или уголовником было бы не только упрощением, но и ошибкой.

Сталин был – насколько я заметил – живой, страстной, порывистой, но и высокоорганизованной и контролирующей себя личностью.

...При разговоре со Сталиным изначальное впечатление о нем как о мудрой и отважной личности не только не тускнело, но и, наоборот, углублялось. Эффект усиливала его вечная, пугающая настороженность. Клубок ошетинившихся нервов, он никому не прощал в беседе мало – мальски рискованного намека, даже смена выражения глаз любого из присутствующих не ускользала от его внимания».

Самое важное Милован сказал в конце. «Клубок ошетинившихся нервов». Другими словами, Сталин никогда не был в расслабленном состоянии. Он словно сканировал собеседников и всегда старался навязать свою волю. С исполнителями вроде Милована он был предельно откровенен и жесток, с интеллигенцией играл в кошки – мышки, с руководителями иностранных государств играл свою роль, словно гениальный актёр.

Итак, основные черты характера: беспринципность, ложь и насилие, немилосердность и пронизательность, вероломство и нечеловечески высокоорганизованная, контролирующая себя злоба.

Из воспоминаний личного секретаря Сталина Б. Г. Бажанова: «Тщательно разбирая его (Сталина – М. Б.) жизнь и его поведение, трудно найти в них какие – либо человеческие черты. Единственное, что я мог бы отметить в этом смысле, это некоторая отцовская привязанность к дочке – Светлане. И то до некоторого момента. А кроме этого, пожалуй, ничего»¹².

Особенно удивительно, что при этом ему была невероятно приятна лесть, причём лесть примитивная. Он делал вид, что ему всё равно, но факты говорят об обратном. Талантливых лизоблюдов он не репрессировал. Вот, например, Каганович. Это был настоящий мастер лизоблюдства, он с настойчивостью дятла возвращался к предложению переставить местами Ленина и Сталина, Сталина, естественно, на первое место, поскольку именно под его руководством партия достигла невиданных высот. Свидетельство Никиты Хрущева: «Больше всего меня возмущало, да и не только меня, но и других, поведение Кагановича. Это был холуй. У него сразу поднимались ушки на макушке, и тут он начинал подличать. Бывало, встанет, горло у него зычное, сам мощный, тучный, и рокошет: «Товарищи, пора нам сказать правду. Вот в партии все говорят: Ленин, ленинизм. А надо говорить так, как оно есть, какая существует ныне действительность. Ленин умер в 1924 году. Сколько лет он проработал? Что при нем было сделано? И что сделано при Сталине? Сейчас настало время дать всем лозунг не ленинизма, а сталинизма». Когда он об этом распространялся, мы молчали. Стояла тишина.

Сталин первым вступал в полемику с Кагановичем: «Вы что говорите? Как вы смеее так говорить?» Но произносилось это тоном, поощряющим как бы возражения Сталину. В народе хорошо известен этот прием. Когда мать идет в другую деревню в гости и хочет, чтобы её девочка или мальчонка пошли с ней, чтобы их там покормили, она кричит «Не ходи, не ходи, чертенок!» – и грозит ему пальцем. А когда никто не видит, манит его: «Иди за мной, иди». Он и бежит за ней. Я сам наблюдал такие картины в деревне. Сталин тоже начинал разносить Кагановича, что это он такое себе позволяет. Но видно было, что сказанное ему нравится. Сталин обычно возражал Кагановичу такими словами: «Что такое Ленин? Каланча. Что такое Сталин? Палец». А иной раз приводил такие сравнения, которые ни в какие записи не вмещаются!

Я много раз слышал повторение таких сравнений и бурное реагирование на сталинские утверждения со стороны Кагановича, которого это еще больше подогревало, и он настойчиво повторял свое, потому что видел, что у Сталина явно ложное возмущение».

Просто как в пьесе Евгения Шварца «Голый король», созданной по мотивам сказок Х. К. Андерсена:

Первый министр: Ваше величество! Вы знаете, что я старик честный, старик прямой. Я прямо говорю правду в глаза, даже если она неприятна. Я ведь стоял тут всё время, видел, как вы, откровенно говоря, просыпаетесь, слышал, как вы, грубо говоря, смеетесь, и так далее. Позвольте вам сказать прямо, ваше величество...

Король: Говори, говори. Ты знаешь, что я на тебя никогда не сержусь.

Первый министр: Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по – стариковски: вы великий человек, государь!

Король (он очень доволен): Ну – ну. Зачем, зачем.

Первый министр: Нет, ваше величество, нет. Мне себя не перебороть. Я еще раз повторю – простите мне мою разнузданность – вы великан! Светило!

Король: Ах какой ты! Ах, ах!

Первый министр: Ох, король! (Грозит пальцем.) Ох, умница!

Король: Поди сюда, правдивый старик. (Растроганно.) Дай я тебя поцелую. И никогда не бойся говорить мне правду в глаза. Я не такой, как другие короли. Я люблю правду, даже когда она неприятна.

Причём чем безудержнее лезть, тем лучше. Я не мог понять, как при врождённом антисемитизме он мог терпеть возле себя таких людей, как Каганович, Ворошилов и Мехлис? Оказывается, из – за того, что они всегда выказывали, с одной стороны, рабскую покорность своему Хозяину и были способны на совершенно невероятную лесть, а с другой стороны, как и положено сторожевым псам, были готовы загрызть любого, кто станет на пути Сталина. В этом было основное его различие с Гитлером: тот любил собак, а Сталин любил превращать людей в своих верных цепных псов.

Судите сами. Вот что записал в своих «Военных мемуарах» генерал Шарль де Голль (глава вторая, «Возвращение ранга»): «Сорок человек русских – народные комиссары, дипломаты, генералы, чиновники высокого ранга – все в блестящей военной форме, собрались в зале Кремля, куда вошла и французская делегация. Присутствовали также посол Соединенных Штатов и британский поверенный в делах. Мы поднялись по монументальной лестнице, вдоль которой висели те же картины, что и при царе. На них были изображены ужасающие сюжеты: битва на Иртыше, Иван Грозный, убивающий своего сына, и т. д. Маршал пожал всем руки и провел гостей в обеденный зал. Стол ослеплял невыносимой роскошью, был подан потрясающий обед.

Сталин и я сидели рядом и урывками переговаривались. Г-н Подзеров и г-н Лалуа дословно переводили реплики по мере ведения разговора. Наш разговор касался военных действий на настоящий момент, жизни, которую мы оба вели при исполнении наших обязанностей, нашей оценки врагов или союзников. О договоре речь не шла. Правда, маршал равнодушным тоном спросил, какое впечатление произвели на меня люди из Люблинского комитета, на что я ответил, что они показались мне действенной организацией, но никак не выразителем надежд и чаяний свободной Польши. Сталин вел прямые и простые разговоры. Он старался казаться простым человеком с зачатками культуры, произнося по поводу сложнейших проблем суждения, полные нарочито примитивного здравомыслия. Он ел всё подряд и много и наливал себе по полному бокалу крымского вина, перед ним ставили всё время новые бутылки. Сквозь маску добродушия в Сталине был виден беспощадный боец. Впрочем, русские, сидевшие вокруг стола, были напряжены и внимательно за ним наблюдали. С их стороны в отношении Сталина читались явные подчинение и страх, с его – молчаливая и бдительная властность, такими виделись со стороны отношения главного советского политического и военного штаба с этим руководителем, по – человечески одиноким.

Вдруг картина изменилась. Настал час тостов. Сталин стал разыгрывать потрясающую сцену. Во – первых, он произнес теплые слова в честь Франции и любезные – в мой адрес. Я ответил в том же духе в адрес его и России. Затем он поприветствовал Соединенные Штаты и президента Рузвельта, потом Англию и г-на Черчилля и выслушал с серьезным видом ответы Гарримана и Бальфура. Он выказал уважение Бидо, Жуэну, каждому из присутствующих французов, французской армии, полку «Нормандия – Неман». Выполнив все эти формальности, он приступил к главному театрализованному действию.

Тридцать раз Сталин поднимался, чтобы выпить за здоровье присутствующих русских. Каждый раз он поднимал тост за одного из них. Молотов, Берия, Булганин, Ворошилов, Микоян, Каганович и т. д., народные комиссары, были первыми, к кому обратился маршал, которого здесь называли Хозяин. Затем он перешел к генералам и чиновникам. Говоря о каждом из них, Сталин с пафосом указывал на его заслуги и его должность. При этом он постоянно превозносил величие России. Например, он восклицал в адрес командующего артиллерией: «Воронов! За твое здоровье! Ведь ты отвечаешь за развертывание на полях сражений наших артиллерийских установок. Благодаря этим установкам мы крушим врага вдоль и поперек по всей линии фронта. Давай! Смелей со своими пушками!» Обращаясь к начальнику штаба Военно – морского флота: «Адмирал Кузнецов! Не все знают, на что способен наш флот. Потерпи! Однажды мы покорим все моря!» Окликнув авиаконструктора Яковлева, разрабо-

тавшего прекрасный истребитель «Як»: «Приветствую тебя! Твои самолеты прочесывают небо. Но нам нужно еще больше самолетов и еще лучше! Тебе их делать!» Иногда Сталин смешивал похвалу с угрозой. Он взялся за Новикова, начальника штаба Военно – воздушных сил: «Ты применяешь в деле наши самолеты. Если ты их применяешь плохо, ты знаешь, что тебя ждет!» Указывая пальцем на одного из своих помощников, он сказал: «Вот он! Начальник тыла. Его задача доставлять на фронт технику и людей. Пусть постарается как надо! А то повесим, как это у нас в стране принято». В конце каждого тоста Сталин кричал: «Иди сюда!» – каждому, к кому он обращался. Тот, встав с места, подбегал, чтобы чокнуться своим бокалом с бокалом маршала, под взглядами других русских, напряженных и молчаливых».

То, как ведут себя сталинские генералы и дипломаты, – это поведение не людей, а псов, которые поджали хвост. Такое впечатление, что Сталин преуспел в их дрессировке больше, чем академик Иван Павлов в изучении рефлексов. Им глубоко наплевать на французов, они преданными тревожными глазами смотрели на своего Хозяина, им важна лишь реакция Сталина, ведь это вопрос жизни и смерти без всякого преувеличения. Тридцать раз Сталин поднимал за столом бокал и произносил тост, причём де Голль утверждает, что до краёв! Представляете, сколько всего алкоголя он выпил в тот вечер? И не пьянел, напротив, становился всё более и более суров. Вероятно, он действительно считал себя реинкарнацией Иоанна Грозного.

Александр Михайлович Орлов. На протяжении своей карьеры Орлов был также известен под именами Лев Леонидович Николаев, под кличкой Швед, Лев Фельдбин и т. д. В разведке дослужился до звания старшего майора госбезопасности, что соответствовало званию генерала РККА. В июне 1938 года, опасаясь за свою жизнь, поскольку являлся одним из приближенных к Сталину и фактически был соучастником всех преступлений, бежал на Запад. Там незадолго до смерти вождя, в 1952 году, в журнале Life он опубликовал несколько статей, на основе которых позднее написал книгу «Тайная история сталинских преступлений», в которой подробно описал преступления Сталина и его окружения. Вот любопытный отрывок из этой книги: «Необычайную осторожность Сталина и его постоянный страх за собственную жизнь лучше всего иллюстрируют такие примеры.

Известно, что во время официальных торжеств на Красной площади Сталин появлялся на Мавзолее, охраняемый отборными воинскими частями и массой телохранителей из НКВД. Тем не менее под кителем он всегда носил массивный пуленепробиваемый жилет, специально изготовленный для него в Германии.

Чтобы быть уверенным в собственной безопасности во время частых поездок в загородную резиденцию, Сталин потребовал от НКВД выселить три четверти жителей улиц, по которым он проезжал, и предоставить освободившиеся комнаты сотрудникам НКВД. 35-километровый сталинский маршрут от Кремля до загородной дачи днем и ночью охранялся сотрудниками «органов», дежурившими здесь в три смены, каждая из которых насчитывала 1 200 человек.

Сталин не рисковал свободно передвигаться даже по территории Кремля. Когда он покидал свои апартаменты и переходил, например, в Большой кремлевский дворец, охранники усердно разгоняли прохожих с его пути, невзирая на их чины и должности.

Ежегодно, отправляясь на отдых в Сочи, Сталин распорядился подготовить одновременно его персональный поезд в Москве и соответствующий теплоход – в Горьком. Иногда он предпочитал уезжать непосредственно из Москвы – в таком случае использовался поезд, в других случаях – спускался по Волге до Сталинграда, а уже оттуда поезд, тоже специальный, доставлял его в Сочи. Никто не знал заранее ни того, какой вариант выберет Сталин на этот раз, ни дня, когда он пустится в путь. Его специальный поезд и специальный теплоход по несколько дней стояли в полной готовности, но только в последние часы перед выездом он наконец сообщал доверенным лицам, какой вариант избирает на сей раз. Перед его бронированным поездом и следом за ним двигались два других поезда, заполненные охраной. Сталинский поезд был так оборудован, что мог выдержать двухнедельную осаду. В случае тревоги его окна автоматически закрывались броневыми ставнями.

...Объявив себя вождем рабочего класса, Сталин никогда не бывал в рабочее время ни на одном из заводов, боясь встречаться лицом к лицу с рабочими...

...убийство Кирова фигурировало на каждом крупном политическом процессе и каждый раз вменялось в вину всё новым группам обвиняемых...

Многие критики этих, так называемых московских, процессов считали, что сталинское решение истребить старых большевиков объясняется его неутолимой жадной мести этим людям. Мести за то, что они не соглашались с его политикой. За то, что настаивали на выполнении ленинского завещания, где предлагалось сместить Сталина с поста генерального секретаря ЦК партии. Невольно приходила на ум сталинская концепция «сладоу мщениа» – он высказал её как будто в дружеской беседе с Каменевым и Дзержинским. Дело было летним вечером 1923 года, задолго до всех этих процессов. «Выискать врага, – будто бы откровенничал Сталин, – отработать каждую деталь удара, насладиться неотвратимостью мщениа – и затем пойти отдыхать... Что может быть слаще этого?..»

Сталин пришёл во власть после октябрьского переворота 1917 года, когда Ленин назначил его наркомом по делам национальностей, а главное – максимально приблизил к своей персоне. Вплоть до болезни Ленина Сталина в партии будут называть «левая нога Ленина»... Однако после того, как Ленин заболел и по этой причине отошёл от дел, он немедленно этим воспользовался и с огромной энергией и изворотливостью взлетел на самый верх Олимпа власти, а вот для Ленина уже не места на Олимпе не осталось. Я не знаю, действовал ли он так, как коварный Клавдий (влил яд в ухо короля) у Шекспира, но вся история с преждевременной смертью Ленина выглядит очень и очень сомнительно. Ленин стал балластом для Сталина, и потому он без всяких сантиментов избавился от него. После смерти Ленина Сталин показал себя истинным крысиным королём и перегрыз всех остальных претендентов на роль вождя. Для этого он вступал в блоки с одними лидерами партии, а затем с другими, всю использовал тактику *divide et impera* (**разделяй и властвуй**). После изгнания в 1927 году из страны Троцкого власть Сталина была уже практически абсолютна. Но ему мало было сместить всех своих политических противников, всех их он со временем убил. А для начала он принялся за крестьян, сведя на нет политику НЭПа, которая привела к расцвету экономики, и приступил к своей пресловутой коллективизации. В декабре 1927 года XV съезд ВКП(б) принял специаль-

ную резолюцию по вопросу о работе в деревне, в которой провозгласил «курс на коллективизацию». Ставились задачи:

- 1) создать «фабрики зерна и мяса»;
- 2) обеспечить условия для применения машин, удобрений, новейших агро – и зоотехнических методов производства;
- 3) высвободить рабочую силу длястроек индустриализации;
- 4) ликвидировать разделение крестьян на бедноту, середняка и кулака.

Аренда земли и использование наемного труда были запрещены. После небольшой раскочки большевики возвели «раскулачивание» в ранг государственной политики. Политика эта была проста – обычное ограбление богатых людей в деревне. Потом пришла очередь тех, кто вообще сводил концы с концами. Сам Сталин в разговоре с Черчиллем во время войны назвал коллективизацию войной более суровой, чем война с нацистами. Последствия этой войны против собственного народа были чудовищны. Страна густо покрылась сетью концлагерей и так называемых поселков «спецпереселенцев» для миллионов ограбленных и лишённых всего людей, которым не позволили даже остаться на родной земле, а этапировали семьями в Сибирь или в другие места со страшным климатом, где они массово умирали. Рабский труд стал широко использоваться, на костях «спецпереселенцев» был построен в рекордные сроки Беломорканал. А в стране с тех пор наступил голод, который иногда утихал, но при этом оставался постоянной величиной. От голодомора умерли миллионы людей, прежде всего в Украине, этой плодороднейшей стране. Голодомор был частью дьявольского сталинского плана порабощения народов СССР и низведения их до бесправного состояния. Свои преступления он переложил на плечи других, мол, это некоторые представители партии на местах переусердствовали и пошли против его мудрых указаний. Почему? Да потому, что они оказались скрытыми врагами народа. И началось по нарастающей – коллективизация, индустриализация, Большой террор, Вторая мировая война, послевоенный голод, последние годы жизни тирана – во всех своих преступлениях он обвинял других людей, а сам оказался в стороне, в сияющих ризах великого вождя, стоящего выше всего этого ужаса, которому только и приходилось, что отражать направленные на него со всех сторон отравленные клинки бесчисленных врагов народа. Миллионы жертв коллективизации? Это перегибы на местах. Большой террор? Это проделки злодеев Ягоды и Ежова! Заключение пакта Молотова – Риббентропа с нацистами? Из самого названия этого пакта можно понять, что виноват Молотов, а не Сталин. Страшное поражение в 1941 году? Опять же, виноват не Сталин, а предатели – генералы во главе с Павловым, которые вместо того, чтобы бдительно следить за потенциальным врагом, лишь пьянствовали и морально разлагались, подставив армию под неожиданный удар.

В современной России славят подвиг дедов, сломавших хребет германскому нацизму. При этом не отдают себе отчёта в том, что война в принципе не могла бы начаться, если бы Сталин не уничтожил крестьянство, не заставлял бы миллионы новых обездоленных рабов умирать миллионами на стройках первых пятилеток, не расстреливал бы миллионами самых способных и лучших людей страны, оставил бы в живых десятки тысяч уничтоженных командиров Красной армии. Особенно больно слушать восхваления в адрес Сталина относительно его роли Верховного главнокомандующего и победителя нацистов. Начать можно с того, что, если бы не Сталин, то никакой войны никогда не произошло бы.

В 1937–1938 гг. вооружённые силы Германии ничего из себя не представляли, их только предстояло воссоздать. А в СССР в эти годы уже давно была создана и укомплектована самым современным оружием одна из самых мощных армий в мире. И именно в этот момент Сталин решил организовать в стране Большой террор. Но если бы под расстрел пошли лишь руководители партии и государства, если бы шла только чистка партийных рядов, а Красную армию оставили бы в покое и она продолжала бы наращивать свою мощь, то тогда, вероятно, ситуация не была бы столь катастрофична к 1941 году. У гитлеровцев тоже в конце июня – начале

июля 1934 года произошла фильтрация рядов, получившая название «Ночь длинных ножей». Германский фюрер потерял терпение и с целью упрочения власти жестоко расправился с теми, кто привёл его к этой власти, – с командованием СА (штурмовых отрядов) во главе с Э. Рёмом. Заодно они обвинили в заговоре и расстреляли некоторых неугодных правых политиков. Это название для расправы позаимствовали из «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, который описал сцену массового убийства саксами кельтской знати на пиру. Гости все поголовно были зарезаны той ночью длинными сакскими ножами, нечто похожее сняли в «Игре престолов» под названием «Красная свадьба». Всего в 1934 году было убито несколько сот попавших в немилость штурмовиков. Армия, за исключением нескольких офицеров, не пострадала вовсе. Несколько сот человек... А как обстояли дела в СССР? А в СССР чудовищный по масштабам террор обрушился и на Красную армию, выкашивая из её рядов офицеров и генералов. Скандально известный В. Суворов даже написал книгу под названием «Очищение. Зачем Сталин обезглавил свою армию?», в которой категорично утверждал, что физическое уничтожение десятков тысяч офицеров явилось благом для Красной армии, в которой на командные места вместо расстрелянных маршматиков и садистов пришли новые, талантливые командиры. Основной его вывод звучит так: репрессии, обрушившиеся на комсостав, сделали Красную армию гораздо более боеспособной, поскольку все расстрелянные маршалы и генералы не были способны командовать современной армией. Можно как угодно относиться к этому утверждению, но проблема в том, что В. Суворов не пишет всей правды. Он выборочно берёт из списка расстрелянных имена тех командиров, которые хорошо подходят для подтверждения его теории. И полностью игнорирует те факты, которые под его утверждения не подходят. Умалчивание имён действительно выдающихся командиров Красной армии, которых уничтожили в 1937–1938 гг., позволяет усомниться не только в тех выводах, которые он делает в своей книге, но и вообще в его добросовестности.

Я хотел бы процитировать уже упоминавшуюся мной книгу Константина Симонова «Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине», в частности его беседы с маршалом Советского Союза И. С. Коневым. Конев дал в целом нелестную характеристику убитым командирам. Но он проявил объективность и вспомнил про Уборевича. Цитата: «... что касается... уничтожения головки армии – он (Конев – М. Б.) высказался более подробно. Самым крупным военным деятелем из числа всех погибших И. С. Конев считает Уборевича, оценивает его чрезвычайно высоко. Высоко оценивает его опыт в период гражданской войны. Высоко оценивает его как командующего округом, как человека, прекрасно знавшего войска, пристально и умело занимавшегося боевой подготовкой, умевшего смотреть вперед и воспитывать кадры. Плюс ко всему сказанному, по мнению И. С. Конева, Уборевич был человеком с незаурядным военным дарованием, в его лице наша армия понесла самую тяжелую потерю, ибо этот человек мог и успешно командовать фронтом, и вообще быть на одной из ведущих ролей в армии во время войны...»

...Уборевич, который командовал тогда Московским военным округом, потом вызвал меня на «Выстрел», и там я руководил сбором командиров пулеметных рот. Был затем вызван на сбор Уборевичем в Гороховецкие лагеря. Он приказал мне провести переправу, показать образцовую переправу командирам дивизий, которые никак не могли организовать этой переправы. Я её осуществил удачно.

Через некоторое время, когда Уборевич был назначен командующим Белорусским военным округом, он забрал меня туда командиром 37 й стрелковой дивизии. Там во время учений в присутствии иностранных гостей я отказался от принятого тогда метода рыть одиночные ячейки и организовал целый укрепленный район с открытием траншей и ходов сообщения, с возможностью полного маневрирования внутри этого района, не поднимая головы выше уровня земли. Оборудовал командный пункт, на который, кстати сказать, приводили тогдаш-

него начальника штаба французской армии генерала Гамелена, показывали ему как образцовый командный пункт».

Сам Симонов делает вот какой вывод из разговора с маршалом Коневым: «Мне кажется, что справедливее ставить вопрос в другом аспекте. Неизвестно, как бы воевали Тухачевский или Дыбенко – беру крайние точки, – но не подлежит сомнению, что если бы тридцать седьмого – тридцать восьмого годов не было, и не только в армии, но и в партии, в стране, то мы к сорок первому году были бы несравненно сильнее, чем мы были. В том числе и в военном отношении. Во первых, были бы сильнее, потому что у нас было бы еще несколько сот тысяч передовых, преданных коммунизму людей, которых ни за что ни про что погубили в те годы. Эти люди находились бы на командных постах в стране и в армии, на разных командных постах от самых высоких до самых маленьких... И вот все они без всяких оснований были уничтожены. И мы начали, если говорить о руководящих кадрах во всех сферах, войну с тридцатью или сорока процентами тех кадров, которые могли бы иметь, не будь тридцать седьмого – тридцать восьмого годов. Тут не надо персонифицировать: такой то воевал бы так то, такой то – так то. Не в этом дело. Дело в том, что воевали бы и все они, те, которые выбыли. И не только воевали – в армии и партизанских отрядах, но и хозяйствовали, работали в тылу, вообще занимались бы важным делом, вместо того чтобы пилить дрова, рубить лес, если только не были поставлены к стенке.

И наконец, атмосфера. Представим себе войну сорок первого года с иной атмосферой, с тем, что не было тридцать седьмого – тридцать восьмого годов, не было запуганности, не было недоверия, не было шпиономании. Если бы всего этого не было, очевидно, страна ни в коем случае не оказалась бы такой неготовой к войне, какой она оказалась. Это исключено. Только обстановкой чудовищного террора и его отрывкой, растянувшейся на ряд лет, можно объяснить нелепые предвоенные распоряжения.

Представим себе, что самолет наших военно воздушных сил, посадив на борт всё то высшее начальство армии, которое погибло в результате процесса тридцать седьмого года, начиная с Тухачевского, Уборевича и Якира, просто гробанулся, и все эти 10 15 20 человек наиболее видных военачальников нашей армии погибли. И всё. И на этом была бы поставлена точка. Сыграло бы это отрицательную роль в войне, которая началась через четыре года после этого? Разумеется, какую то отрицательную роль сыграло. Но в нормальной обстановке на месте погибших выросли бы новые кадры, они бы заменили их, концепции и стратегические и оперативные не были бы подвергнуты сомнению, процесс арестов и избиений в армии не развернулся бы, и всё это было бы не столь чувствительно. Поэтому абстрактно говорить, что вот были бы эти 15 человек во главе армии, то в сорок первом году было бы всё в порядке, – неправильно. Дело не в этих пятнадцати, хотя потеря их очень чувствительна для армии, тем более такая чудовищная потеря и такая трагическая, бессмысленная, нелепая. Дело в том, что вслед за ними были выбиты тысячи людей, что была обезглавлена армия, обезглавлена в самом широком масштабе, когда, если взять тот пример, что приводил Москаленко, на Хасане бригаду вел заместитель командира одного из батальонов или командир роты, потому что командир бригады был посажен и все командиры батальонов тоже. И начальник штаба просил, умолял не сажать его прежде, чем он не сводит бригаду в бой, если не убьют – потом посадят. Но его, конечно, посадили, и не повел он бригаду в бой, а бригаду повел какой то комроты и засадил её в болото. Так вот, если бы всего этого не было, то не произвела бы такого оглушительного впечатления гибель даже пятнадцати лучших военачальников. И не произвела бы она таких сокрушительных последствий.

А главное, помимо всех потерь в людях, не было бы той тяжелой атмосферы, разлагавшей армию, и государство, и народ, и партию, которая была создана в результате репрессий тридцать седьмого года, не было бы атмосферы этого всеобщего страха.

И, думая над темой – Сталин и война, очень важно установить для себя этапы психологии Сталина, этапы его отношений к людям, к командующим фронтами в том числе. Это очень важно, потому что этапы это были разные, и личность Сталина как главнокомандующего формировалась во время войны. Сначала, в 37 м году, Сталин считал, что любые кадры «под моим руководством сделают все». Потом, в войну, стало очевидным, что – нет, не любые».

Лучше, на мой взгляд, не сказать. Нельзя забывать и про то, что репрессии вовсе не закончились в 1938 году, они продолжались не только вплоть до самой войны, но и начало войны не положило им конец. Трагический конец генерала армии Павлова и его товарищей – яркий тому пример.

В 1939 году кровавый карлик Ежов был арестован и расстрелян, часть оставшихся в живых и прошедших сквозь ад ареста, пыток, несправедного суда, тюрем и лагерей офицеров реабилитировали и вернули в строй. Армия, по мнению Сталина, в достаточной степени очищена от «врагов народа». Перед Красной армией Сталин хочет поставить относительно небольшую задачу – наказать финнов за несговорчивость и пройти победным маршем по этой гордой стране, установив красное знамя над Хельсинки.

В уже упомянутой книге Симонов рассказывает, как «блистательно» действовали сталинские генералы в данной ситуации.

«Как началась финская война? Когда переговоры с Финляндией относительно передвижки границ и уступки нам – за соответствующую компенсацию – территории на Карельском перешейке, необходимой для безопасности Ленинграда, окончательно не увенчались успехом, Сталин, созвав Военный совет, поставил вопрос о том, что раз так, то нам придется воевать с Финляндией. Шапошников как начальник Генерального штаба был вызван для обсуждения плана войны. Оперативный план войны с Финляндией, разумеется, существовал, и Шапошников доложил его. Этот план исходил из реальной оценки финской армии и реальной оценки построенных финнами укрепленных районов. И в соответствии с этим он предполагал сосредоточение больших сил и средств, необходимых для решительного успеха этой операции.

Когда Шапошников назвал все эти запланированные Генеральным штабом силы и средства, которые до начала этой операции надо было сосредоточить, то Сталин поднял его на смех. Было сказано что то вроде того, что, дескать, вы для того, чтобы управиться с этой самой... Финляндией, требуете таких огромных сил и средств. В таких масштабах в них нет никакой необходимости.

После этого Сталин обратился к Мерецкову, командовавшему тогда Ленинградским военным округом, и спросил его: «Что, вам в самом деле нужна такая огромная помощь для того, чтобы справиться с Финляндией? В таких размерах вам всё это нужно?»

Мерецков ответил: «Товарищ Сталин, надо подсчитать, подумать. Помощь нужна, но, возможно, что и не в таких размерах, какие были названы».

После этого Сталин принял решение: «Поручить всю операцию против Финляндии целиком Ленинградскому фронту. Генеральному штабу этим не заниматься, заниматься другими делами».

Он таким образом заранее отключил Генеральный штаб от руководства предстоящей операцией. Более того, сказал Шапошникову тут же, что ему надо отдохнуть, предложил ему дачу в Сочи и отправил его на отдых. Сотрудники Шапошникова были тоже разогнаны кто куда, в разные инспекционные поездки. Меня, например, загнал для чего то на демаркацию границ с Литвой.

Что произошло дальше – известно. Ленинградский фронт начал войну, не подготовившись к ней, с недостаточными силами и средствами и топтался на Карельском перешейке целый месяц, понес тяжелые потери и, по существу, преодолел только предполье. Лишь через месяц подошел к самой линии Маннергейма, но подошел выдохшийся, брать её было уже нечем.

Вот тут то Сталин и вызвал из отпуска Шапошникова, и на Военном совете обсуждался вопрос о дальнейшем ведении войны. Шапошников доложил, по существу, тот же самый план, который он докладывал месяц назад. Этот план был принят. Встал вопрос о том, кто будет командовать войсками на Карельском перешейке. Сталин сказал, что Мерецкову мы это не поручим, он с этим не справится. Спросил: «Так кто готов взять на себя командование войсками на Карельском перешейке?»

Наступило молчание, довольно долгое. Наконец поднялся Тимошенко и сказал: «Если вы мне дадите всё то, о чём здесь было сказано, то я готов взять командование войсками на себя и надеюсь, что не подведу вас».

Так был назначен Тимошенко.

На фронте наступила месячная пауза. По существу, военные действия заново начались только в феврале. Этот месяц ушел на детальную разработку плана операции, на подтягивание войск и техники, на обучение войск. Этим занимался там, на Карельском перешейке, Тимошенко, и занимался, надо отдать ему должное, очень энергично, тренировал, обучал войска, готовил их. Были подоброшены авиация, танки, тяжелая, сверхмощная артиллерия. В итоге, когда заново начали операцию с этими силами и средствами, которые были для этого необходимы, она увенчалась успехом, линия Маннергейма была довольно быстро прорвана.

Говоря о первом периоде финской войны, надо добавить, что при огромных потерях, которые мы там несли, пополнялись они самым безобразным образом. Надо только удивляться тому, как можно было за такой короткий период буквально ограбить всю армию. Щаденко по распоряжению Сталина в тот период брал из разных округов, в том числе из особых пограничных округов, по одной роте из каждого полка в качестве пополнения для воевавших на Карельском перешейке частей.

Финская война была для нас большим срамом и создала о нашей армии глубоко неблагоприятные впечатления за рубежом, да и внутри страны. Всё это надо было как то объяснить. Вот тогда и было созвано у Сталина совещание, был снят с поста наркома Ворошилов и назначен Тимошенко. Тогда же Шапошников, на которого Сталин тоже посчитал необходимым косвенно возложить ответственность, был под благовидным предлогом снят с поста начальника Генерального штаба и назначен заместителем наркома с задачей наблюдать за укреплением новых границ».

Если Шапошников относительно легко отделался за то, что оказался прав, то с Мерецковым Сталин поступил иначе. Сначала он назначил его на должность начальника Генерального штаба (с августа 1940 по январь 1941 года), а затем повысил до должности заместителя наркома обороны, наконец наградил Золотой Звездой Героя. Всё проходило по плану излюбленной Сталиным изодрённой мести: «завербованного агента» сотрудники НКВД арестовали прямо в приемной Сталина, куда его срочно вызвали из Ленинграда. Затем он прошёл проторенным путём всех арестованных офицеров: перенёс чудовищные унижения и пытки, был обвинён в том, что наряду с уже расстрелянными «врагами народа» входил в антисоветскую военную заговорщическую организацию. Он не только во всём признался, но и оговорил генерал – полковника Александра Дмитриевича Локтионова, арестованного летом 1941 года и доставленного на очную ставку с Мерецковым. Мерецков уличал Локтионова в участии в военно – фашистском заговоре и убеждал подписать признательные показания, что ему не особенно помогло, поскольку в результате пыток и избиений он стал инвалидом. Спустя несколько месяцев Сталин помиловал его, вызвал к себе и издевательски поинтересовался о состоянии здоровья. До конца жизни Мерецков с трудом передвигался. Он не понимал, вероятно, что неудачное начало войны спасло ему жизнь, поскольку на каком – то этапе до Сталина, видимо, дошло, что у него не осталось в живых не только толковых генералов, но и даже таких болванов, как Мерецков. Если бы война началась позже, то можно не сомневаться – Мерецков был бы расстрелян за то, что не оправдал надежд вождя народов на победоносный марш в Финляндию.

К войне в мире стремились лишь нацистская Германия, фашистская Италия, Японская империя и СССР. Народы Европы смертельно боялись новой войны, поскольку имели за плечами страшный опыт Первой мировой войны. США к началу Второй мировой войны практически не имела сухопутной армии и ни к какой войне также не готовилась. Гитлер поначалу ловко играл на боязни Запада новой войны и при помощи лжи и запугивания сумел к 1939 году без боевых действий поглотить Австрию и Чехословакию. Италия к этому времени успела захватить Эфиопию и Албанию. Совместно Германия и Италия помогли вооружением и войсками генералу Франко, прямо вмешавшись в Гражданскую войну, и благодаря этому франкисты одержали победу над республиканцами. Собственно, после этих событий западным демократиям стало совершенно очевидным, что Гитлер обманул их в Мюнхене и что мирный сценарий практически невозможен. Поэтому Англия и Франция дали свои гарантии Польше, пообещав, что при нападении на её территорию их армии выступят на защиту своего союзника. Ситуация накалилась до предела, и теперь многое зависело от позиции, которую займет СССР. Надо сказать, что на словах в СССР все были за мир и против фашистов. С другой стороны, было совершенно очевидно, что за этой риторикой скрывается желание воевать. И СССР в равной степени ненавидел всех – и Англию с Францией, и Германию с Италией, а с Японией уже шла необъявленная война – на озере Хасан, а чуть позднее – на Халхин – Голе. Сталин, вероятно, как и Гитлер, с величайшим презрением относился к Англии и Франции, считая, что они находятся в состоянии распада. Поэтому, наблюдая за успехами Гитлера, он в какой – то момент решил попытаться наладить с ним отношения. А затем втянуть Германию в военный конфликт с Англией и Францией. По его представлению – которое подтверждаются уцелевшими очевидцами – новая война должна была быть долгой и кровопролитной, как Первая мировая, а он, Сталин, в нужный момент нанесёт сокрушительный удар и захватит всю Европу, не оставив ни победителей, ни побеждённых. Быстрая победа Германии над Францией и захват нацистами всей Западной Европы полностью уничтожили эти сталинские планы. Однако, даже наблюдая за быстрыми и убедительными победами гитлеровцев над многочисленными противниками, за чудовищной бомбардировкой Югославии, он продолжал верить в своё чутьё, в свой гений, в то, что Красная армия теперь стала сильнее. А на деле Красная армия развалилась при первых ударах. И если бы не невероятное напряжение сил, не мужество и героизм народов, населяющих СССР, страна не выстояла бы под ударом.

А та Англия, которую Сталин так ненавидел и презирал, уже в первый день объявила о том, что окажет всестороннюю поддержку народу, попавшему под каток гитлеровской военной машины.

И самое страшное. С одной стороны, Сталин мило улыбался с Мавзолея, называя своих несчастных подданных «согражданами», «братьями и сестрами», «друзьями». А с другой, победу над гитлеровцами Сталин оплатил десятками миллионов новых жертв. Главным его оружием, как всегда, был террор. На этот раз размах террора поражал воображение, даже если сравнивать с 1937 годом. Вот лишь один пример. Помните Мехлиса, этого сталинского лизоблюда? Помощник генерального секретаря ЦК ВКП(б), главный редактор «Правды», член оргбюро ЦК, начальник Политического (Главного политического) управления РККА, нарком госконтроля СССР... Именно он является автором лозунга «За Родину, за Сталина!», который он выдвинул еще во время боев с японцами на озере Хасан. Он руководил огромной армией политработников – политруков, число которых в 1942 году превысило 250 тыс. человек. Даже сам Сталин подвергал Мехлиса критике за «абсурдное рвение» и называл его «страшным зверем» и «фанатиком»... Вспоминает генерал П. Афанасьев: «...при приезде Мехлиса был расстрелян перед строем личного состава штаба армии начальник артиллерии генерал – майор Гончаренко.

Расстреливать Гончаренко было приказано начинжу армии полковнику Дугареву, который из – за отсутствия начальника штаба армии строил личный состав, в то же время являясь

секретарем парторганизации штаба. На вопрос Мехлиса: «Кто будет расстреливать?» – комиссар штаба назвал его фамилию. Дугарев и Гончаренко в быту были друзьями, поэтому данный факт произвел на него сильное впечатление, и после этого Дугарев стал просто пьяницей...»

Мехлис выполнил поручение Сталина по выявлению виновников поражения РККА в первые недели войны. В результате его расследования были арестованы генералы Д. Г. Павлов, А. А. Коробков, А. Т. Григорьев, В. Е. Климовских и уже через месяц после постоянных допросов и пыток расстреляны.

Из донесения начальника Управления политпропаганды Юго – Западного фронта бригадного комиссара Михайлова: «...За период с 29 июня по 1 июля в частях 6-го стрелкового корпуса задержано дезертиров и возвращено на фронт до 5000 человек. 3-м (особым) отделом расстреляно по корпусу 100 человек дезертиров.

Из числа бежавших с фронта командирами частей расстреляно за дезертирство 101 человек.

В 99-й стрелковой дивизии из числа приписников западных областей УССР во время боя 80 человек отказались стрелять. Все они командованием расстреляны перед строем.

Командир роты 895 сп 139 во время боя самовольно снял роту с фронта и пытался отходить. Командир дивизии генерал – майор Смахотворов тут же застрелил его...»

Всего по приговору трибуналов за годы войны было осуждено 2 530 663 человека. Из них смертный приговор вынесен 284 344. Из них расстреляно 157 593. Это всё, что нужно знать о войне 1941–1945 гг.

Единственными реальными заслугами Сталина были смерть, голод и нечеловеческие страдания сотен миллионов людей, попавших под его тиранию.

Продолжение следует

О свободе слова

Как хорошо известно, Всеобщая декларация прав человека, а именно статья 19, гласит: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Это правовая основа для свободы слова. В США, важнейшей демократической стране мира, свобода слова гарантируется Первой поправкой к Конституции США. Эта поправка – часть Билля о правах, гарантирует свободу слова, религии, прессы, собраний и возможность обращаться с жалобами.

В своё время член Верховного суда Оливер Уэнделл Холмс перефразировал цитату Вольтера, заявив: «Защита свободы слова – это не только свобода мысли для тех, чьи взгляды совпадают с нашими, но еще и защита свободы мысли тех, чьи взгляды мы ненавидим».

В 1969 году Верховный суд США принял историческое решение, согласно которому для принятия обвинительного приговора в случаях подстрекательства к насилию это насилие должно быть намеренным, вероятным и представляющим непосредственную угрозу: «Принцип свободы слова и прессы не позволяет государству запрещать высказывания в пользу использования силы или нарушения закона за исключением случаев, когда такие высказывания направлены на подстрекательство к насилию и к совершению непосредственных противозаконных насильственных действий».

26 апреля 1968 года активист Пол Роберт Коэн, выступающий против воинской повинности, был арестован за ношение куртки с надписью *Fuck the Draft* («На х... призыв») в коридоре двадцатого отделения Муниципального суда Лос – Анжелеса. Он был признан виновным в нарушении параграфа 415 Уголовного кодекса штата Калифорния, который запрещал «злонамеренное и умышленное нарушение оскорбительным поведением мира и порядка любого общественного места или человека», и был приговорен к 30 дням тюремного заключения. Когда дело дошло до Верховного суда, то решение судов низшей инстанции о признании Коэна виновным было отменено. Верховный суд постановил, что люди могут свободно выбирать слова – даже если это гневные или оскорбительные слова.

Уголовное преследование должно быть применено только в тех случаях, когда критика направлена против конкретного человека либо явно провоцирует насилие.

При желании можно было бы рассмотреть ещё немало судебных дел, но это излишне, поскольку и так вполне очевидна позиция Верховного суда США – люди должны иметь возможность свободно выражать свои взгляды, даже если они неприятны.

Но вот наступила эра Фейсбука, который разработал «Нормы сообщества». В параграфе «Достоинство» сказано: «Мы убеждены, что все люди равны в своем достоинстве и правах. Мы ожидаем от наших пользователей уважительного отношения к достоинству других людей, отсутствия травли и унижения».

На мой взгляд это прекрасно. На словах. На деле же всё обстоит иначе.

Несколько раз я лично был заблокирован за нарушение «Норм сообщества в отношении враждебных высказываний».

Поясню, о чём конкретно шла речь. В первый раз я действительно очень резко высказался, когда представителями греческой церкви была выложена в Сеть видеозапись преступлений наемников ЧВК «Вагнер», замучивших мужчину, которого они называли боевиком ИГИЛ. Жертву кувалдой забили до смерти, ножом отпилили голову, саперной лопаткой отрубили руки, а затем сожгли тело. Я назвал их русскими варварами, да, это грубо, но разве они заслуживают иного? Их преступления, на мой взгляд, вычеркнули их из списка цивилизован-

ных людей и лишили национальной принадлежности, не надо было писать, что они русские, у подобного типа людей нет рода и племени. Преступники никогда не являются лицом страны, они её позор. Но они никогда не смогли бы появиться на свет, если бы в РФ их ждало бы уголовное преследование за содеянное. Как получилось, что зверства головорезов (в прямом, а не в переносном смысле слова) нельзя подвергнуть критике? Вероятно, если бы я сегодня написал, что повешенные в Нюрнберге нацистские преступники были немецкими варварами, то блокировка в ФБ была бы мне гарантирована. Или, например, что Троцкий был отщепенцем еврейского народа и душегубом.

Второй раз я был заблокирован за то, что подверг грубой критике действия лидеров палестинцев, которые отравляют своё подрастающее поколение юдофобской пропагандой, с детского сада готовя из детей потенциальных убийц евреев, да и вообще всех «неверных». Говорят, что «Хамас» – это террористическая организация, а руководство ПА – это легитимные лидеры. Если так, то как объяснить чествование убийц – евреев и огромные выплаты семьям «шахидов» именно в Рамалле, а не только в секторе Газа?

В качестве аргумента я привёл знаменитый тюремный эксперимент, проведенный в 1971 году исследователем природы насилия и жестокости, возникающих как реакция человека на ограничение свободы в условиях навязанной ему социальной роли, Филиппом Зимбардо и тремя его коллегами из Стэнфордского университета. Заказчиком был Военно – морской флот США, руководству которого было важно выяснить природу конфликтов в исправительных учреждениях.

Ф. Зимбардо и его коллеги пригласили за денежное вознаграждение (15 долларов в день) студентов последнего курса разыгрывать роли осужденных и охранников. По объявлению пришло в три раза больше желающих, чем требовалось. Поэтому учёные провели с ними собеседование, а также провели тестирование. В результате отбора были отсеяны все кандидаты, которые даже в минимальной степени имели отклонения от необходимой нормы – например, имели судимость, психологические проблемы или инвалидность. Всего было отобрано 24 студента из США и Канады. При помощи жребия их разделили на две равные группы – заключенных и охранников. Длительность эксперимента должна была составлять две недели.

Учёные подошли к эксперименту творчески и воспользовались услугами «консультанта» – преступника – рецидивиста, который провёл за решеткой в общей сложности семнадцать лет. Он подробно описал тюремные порядки и обычаи. Более того, он привёл своих бывших сокамерников. Были приглашены также бывшие работники охраны тюрем. Так что их стараниями была создана почти полная имитация тюрьмы, оборудованной в подвале факультета психологии Стэнфорда. Двери лабораторных комнат были заменены на специально сделанные решетки. Камеры были пронумерованы. Подвальный коридор служил «тюремным двором» – единственным местом, где «заключенным» разрешалось в определённое время прогуливаться или заниматься физическими упражнениями.

В туалет «заключенных» водили с завязанными глазами, чтобы исключить возможность побега. Эксперимент начался с ареста «преступников» полицией, который включал в себя полную процедуру полицейского осмотра, включая снятие отпечатков пальцев, фотографирование в профиль и анфас, зачитывание прав. Полиция препроводила всех «арестованных» в тюрьму, где их раздели, обыскали, надели специально сшитую ради эксперимента униформу и бросили в камеры.

Охранники были вооружены палками и наручниками. Глаза их были надёжно спрятаны под солнцезащитными очками. Вместе с ключами от камер им выдали также свистки. Работа тюремщиков заключалась, как им было сказано, в соблюдении «права и порядка». Ученые напутствовали их: «Создайте у заключенных чувство тоски, чувство страха, ощущение произвола, что их жизнь полностью контролируется нами, системой, вами, мной, и у них нет никакого личного пространства... Мы будем разными способами отнимать их индивидуальность.

Всё это в совокупности создаст у них чувство бессилия. Значит в этой ситуации у нас будет вся власть, а у них – никакой». Для заключенных же также были определены правила: они должны были всё время молчать, есть и отдыхать им полагалось строго по расписанию, обращаться друг к другу по номерам, а к охраннику – «мистер офицер». Также они были обязаны постоянно носить на голове туго сидящие колготки, для имитации бритых голов. И маленькую цепочку на лодыжках, как символ узника. Нарушение этих правил приводило к наказанию. Таймер был включен и эксперимент начался.

Уже вскоре взаимоотношения между тюремщиками и заключенными стали обычными для реально существующих тюрем: охранники начали считать заключенных опасными существами самого низшего сорта, а заключенные стали видеть в тюремщиках наделённых властью садистов. Один из охранников заметил: «Я был удивлен самим собой... Я называл их оскорбительными именами, заставлял чистить туалеты голыми руками. Я расценивал их как скот и должен был следить за ними на всякий случай, если они захотят что – то совершить».

Через несколько дней заключенные устроили мятеж в своей тюрьме. Они забаррикадировались внутри камер, приставив койки к двери. Охране было запрещено применять насилие, поэтому она ограничилась тем, что поливала восставших водой из противопожарных шлангов. Вскоре мятеж был ликвидирован, в качестве наказания кровати были вынесены из камер, заключённым пришлось спать на голом бетонном полу. Кроме того, чтобы пресечь новый заговор заключенных, было установлено дополнительное правило: прогулки стали разрешены лишь в ночное время. В это же время заключенных стали подвергать издевательствам, поскольку тюремщики ошибочно полагали, что видеокамеры выключены.

После этого заключенные пали духом и стали требовать досрочно завершить эксперимент. Они прониклись навязчивой идеей всеобщей несправедливости. У тюремщиков, напротив, развитие событий породило ощущение вседозволенности и способствовало быстрому развитию садизма.

Так, один из охранников, который до эксперимента считал себя добрым и неагрессивным пацифистом, на пятый день записал в своем дневнике: «Я специально выбрал его (то есть заключенного) для оскорбления, потому что я просто не любил его... Этот заключенный отказался есть свои сосиски... Я решил ускорить его кормление, но он не хотел есть. Тогда я размазал еду на его лице. Я не мог поверить, что это сделал я. Я ненавижу себя за содеянное, но его я ненавижу ещё больше».

На шестые сутки эксперимент был приостановлен, поскольку учёным стало совершенно очевидно, что его продолжение может привести лишь к трагическим последствиям. Результат был налицо: эксперимент вызвал у образованных, воспитанных в демократическом обществе, психически здоровых молодых людей длительный физический и эмоциональный стресс.

Филипп Зимбардо, подводя неутешительные итоги эксперимента, написал: «Что наиболее удивляет в экспериментальной псевдотюрьме, так это легкость, с которой возникает садистское поведение у совершенно нормальных молодых людей и эмоциональная патология среди тех, кто тщательно был подобран по признаку психологической стабильности».

Подобный эксперимент никогда никем больше не проводился, поскольку совершенно ясно, что он неэтичен по своей сути.

Спроецировав ситуацию на положение в палестинском обществе, где детей с яслям учат ненависти к евреям и неверным, приучая наивысшей добродетелью считать желание стать камикадзе – шахидом, я, не будучи специалистом, позволил себе сделать предположение о том, что и в этом случае у детей сознательно выращивается эмоциональная патология. Более того, невольно напрашивается мысль о том, что такая патология неисправима, ведь с малых лет из них растят подонков и убийц, закоренелых преступников. Какое будущее может быть у подобного общества, которое по сути представляет собой организованную преступную группировку?

Вероятно, ослеплённые политикой политкорректности цензоры Фейсбука не в состоянии по – настоящему фильтровать информацию и разделять свободу слова от призывов к насилию. Я лишь заострил вопрос, который, как я полагаю, является одним из ключевых в ближневосточном конфликте: может ли общество, живущее по волчьим законам банды с элементами религиозного фанатизма, в принципе желать мирного сосуществования со своими соседями? А получилось, что вопрос я должен был поставить другой: а способно ли западное общество, которое сознательно затыкает рот критически настроенным людям, противостоять настоящим могильщикам цивилизации, которые давно поняли, что сокрушить неверных они могут посредством атрибутов демократии?

Все институты ООН, МУС в Гааге, левацкие СМИ и просторы Интернета давно завоёваны ненавистниками западной цивилизации. Они нацепили маски политкорректности и кропотливо подтачивают изнутри устои свободного мира. Те, кто пытается бороться с этой эпидемией и обнажить истинную сущность проблемы, немедленно шельмуются целой армией «полезных идиотов», на них навешивают ярлыки расистов и фашистов, им затыкают рты и демонизируют. Молодым людям с юных лет вдалбливают, что, образно говоря, волка нужно называть овцой. А если волк ведёт себя как кровавый убийца, то это не его вина, а вина овец, которые спровоцировали его на преступление.

Теперь неэтичные эксперименты в западном мире приобретают масштаб эпидемии. Приведу лишь несколько примеров.

Согласно сообщению Deutsche Welle, к пенсионерам в Швеции будут подселать молодых мигрантов в рамках программы интеграции иностранцев (проект SällBo).

Авторы проекта заявляют, что он поможет пожилым людям избавиться от чувства одиночества, а мигрантам – привыкнуть к новой стране. Программа будет проходить в шведском городе Хельсингборг в специальных общежитиях. 31 квартиру выделяют для пенсионеров, еще 20 – для мигрантов возрастом от 18 до 25 лет. Половина квартир предназначена для приезжих, которые живут с детьми.

«Подобный способ расселения еще не практиковался ни в одной стране мира», – подчеркивают создатели проекта. Они отмечают, что часто мигранты в Швеции даже не контактируют со взрослыми и пожилыми местными жителями. Считается, что совместное проживание поможет приезжим лучше понимать шведское общество.

Или вот ещё – в Швеции кто – то из родителей в школе муниципалитета Эммабода на юго – востоке страны пожаловался на уроки религиоведения в школе, на которых детям провели «ролевою игру» по исламу.

По словам мужчины, педагог заставлял детей молиться на ковриках и разделил учеников по половому признаку. «Девочки должны были стоять в конце класса. Затем они танцевали под арабскую музыку и ели арабский торт», – возмутился родитель. При этом детям читали Коран.

Учитель, в свою очередь, все обвинения отрицает. По его словам, произошедшее было всего лишь «ролевой игрой».

В Европе мигранты массово захватывают частные дома, законные владельцы оказываются лишёнными своей собственности и выброшенными на улицу. Абсурд, скажете вы, такого не может быть, потому что не может быть никогда. Отнюдь, всё происходит на абсолютно законных основаниях. Поинтересуйтесь, например, законодательством Испании.

Только, по моему скромному мнению, такое положение дел не будет продолжаться вечно, поскольку правда в конце концов всегда торжествует, а ещё скорее закончится терпение. Но пока что котёл кипит. Хорошо бы ещё понять – доколе?

Антигитлеровское сопротивление в Германии

К январю 1943 года войска СС и вермахт уже навсегда запятнали свою честь **массовыми казнями**, карательными операциями, а также тем, что творили военные преступления против мирного населения в невиданных масштабах. В полную мощь работали газовые камеры и крематории в лагерях смерти. Нацисты с нарастающей яростью осуществляли массовые репрессии: казнили евреев, цыган, пленных советских солдат, американских лётчиков, собственных граждан – противников режима и т. д.

И вдруг в это время в центре Мюнхена – колыбели нацистского движения – на стенах появились огромные надписи: «Долой Гитлера!» и «Свобода!»

Храбрцами, совершившими этот подвиг в самые тёмные времена диктатуры, оказались студенты Мюнхенского университета, состоявшие в подпольной группе Сопротивления *Weißer Rose* («Белая роза»). Все розыскные мероприятия гестапо окончились неудачей.

Провал подпольщиков ждал 17 февраля 1943 года. В тот день Ганса и Софи Шолль сдал гестапо смотритель университета. В этот день они пришли в университет с чемоданом, набитым листовками, и раскладывали их в пустых аудиториях и коридорах. Софи несколько увлеклась и сбросила с балкона несколько оставшихся листовок студентам, находившимся внизу. Смотритель университета немедленно сигнализировал гестапо. Арест брата и сестры Шолль повлёк за собой провал всей группы. Вскоре гитлеровцы арестовали всех, кроме Александра Шмореля. Но и ему не удалось уйти от погони: нацисты разместили его фотографию на первой странице *Völkischer Beobachter* («Народный обозреватель»), центральной газеты Третьего рейха, с пометкой «Разыскивается преступник» и денежным вознаграждением за его голову. Спустя несколько дней его опознали и арестовали в бомбоубежище, где он прятался во время воздушной тревоги.

Во время следствия гестаповцы выяснили, что группа сумела выпустить антифашистские листовки, размножить их на гектографе и разослать по почте тысячам абонентам согласно адресам из телефонной книги. Начав с критики режима, они постепенно стали призывать немцев к восстанию против коричневой диктатуры. Некоторые члены группы пришли к необходимости начать оказывать сопротивление нацизму после того, как стали очевидцами массовых убийств евреев в Польше. Другие руководствовались религиозными мотивами.

После мучительных пыток героев спешно судили и казнили на гильотине. Приговор гласил: «Обвиняемые призывали к саботажу военной промышленности, они осуждали национал-социалистический образ жизни нашего народа, пропагандировали пораженческие настроения и наихудшим образом отзывались о фюрере. Тем самым они играли на руку врагам Рейха и подрывали обороноспособность нашей страны. За это им придётся заплатить собственной жизнью».

Последними словами Кристофа Германа Ананда Пробста (1919–1943), студента медицинского факультета, члена студенческой антифашистской организации «Белая роза», были: «Да здравствует свобода!»

Их знамя подхватили другие. Только теперь это были не студенты-идеалисты во главе с профессором университета Куртом Хубером, а лучшие офицеры армии. Ведь надо признать очевидное – Гитлер, совершавший неслыханные военные преступления и навлекший на свой народ негодование всего мира, именовал себя солдатом, но при этом ни разу не был на фронте. Он практически не вылезал из своего бункера до самого конца войны. Охрана его была огромна, она именовалась *Reichssicherheitsdienst, RSD* (Имперская служба безопасности). Даже когда исход битвы за Берлин в 1945 году стал очевиден, гибели в бою он предпочёл самоубийство.

Любимец фюрера рейхсминистр А. Шпеер¹³ в своих «Воспоминаниях» (Erinnerungen) дал исчерпывающую характеристику своему шефу: «Дилетантство было у Гитлера доминирующим качеством. Он никогда не учился профессионально и всегда оказывался посторонним человеком во всех областях. Как и большинство самоучек, он просто не имел представления о том, что такое специальные знания, профессионализм. Без всякой озабоченности перед любой задачей он смело пробовал то один способ, то другой...» Напомню, это написал человек, о котором личная секретарша Гитлера, Траудль Юнге (Traudl Junge), сказала: «Шпеер, пожалуй, был единственным человеком, к которому Гитлер испытывал какие – то чувства, кого слушал и с кем иногда даже беседовал». Можно лишь поражаться тому, что люди безропотно принимали и терпели абсолютную власть в стране со стороны такой жалкой личности и его банды. Особенно заметно дилетантство диктатора проявлялось в военной области.

Вот что писал о Гитлере генерал – фельдмаршал Эрих фон Манштейн (Erich von Manstein, 1887–1973), которого часто именовали неформальным лидером немецкого генералитета времен Второй мировой войны, в своих мемуарах *Verlorene Siege* («Утерянные победы»): «Он хотел походить на Наполеона, который терпел только помощников и исполнителей своей воли; но у него не было ни военных знаний, ни военного гения, какими обладал Наполеон... Остаётся ещё рассказать, как протекали споры между Гитлером и крупными военачальниками, неизбежные при тех взглядах, которых придерживался Гитлер по вопросам военного руководства. В отдельных описаниях подобных дискуссий перед нами предстает беснующийся Гитлер с пеной на губах, а при случае и впивающийся зубами в ковёр. То, что у него были взрывы бешенства, когда он терял всякое самообладание, безусловно, верно... Какая – либо внутренняя связь, тесный контакт между диктатором, фанатиком, думавшим только о своих политических целях и жившим верой в свою «миссию», и военными руководителями, естественно, не могли установиться. Личное, по – видимому, не интересовало Гитлера вообще. В людях он видел всего – навсего инструменты, призванные служить его политическим целям. Никакие узы дружбы не связывали Гитлера с немецкими солдатами»¹⁴. Фельдмаршал Манштейн вольно или невольно в нескольких словах вынес приговор вообще всему нацистскому режиму: никакие узы дружбы не связывали партийных бонз с немецкими солдатами!

Зато Гитлер во время войны открыто восхищался своим врагом, советским диктатором. Йозеф Геббельс писал: «Фюрер уже неоднократно говорил мне, что испытывает отвращение к нашему генералитету... Сталину в этом смысле проще – он своих генералов вовремя велел расстрелять, и они ему теперь не могут помешать»¹⁵.

Адъютант плененного в Сталинграде фельдмаршала Паулюса полковник Адам писал: «Необузданное властолюбие и вечный страх диктатора оказаться отеснённым на второй план или быть как – либо ущемлённым, бесспорно, способствовали тому, что он относился к генералам старой школы подозрительно». Если себя он ставил на один уровень с самыми великими полководцами прошлого, то по отношению к генералам вермахта снисходителен не был: «Кругозор моих фельдмаршалов – размером с унитазную крышку». Личный фотограф фюрера Хайнц Гофман вспоминал, что однажды за ужином в FHQ Wolfsschanze (главной ставке фюрера «Волчье логово») он дико кричал: «Мои офицеры – кучка мятежников и трусов. Я больше не допущу их в свой ближний круг...» При прощании со своим личным пилотом Хансом Бауром фюрер с горечью сказал: «На моем могильном камне нужно было бы высечь: «Он стал жертвой собственных генералов»». И таких воспоминаний великое множество!

Впрочем, разве фюрер только мечтал расправиться со своими генералами?! Он получил такое удовольствие после неудачного покушения полковника графа фон Штауффенберга, тщетно пытавшегося взорвать диктатора и организовать государственный переворот (то есть покушение на Гитлера, 20 июля 1944 года предпринятого немецкими офицерами, героями антинацистского сопротивления).

Расправа над офицерами, участвовавшими в попытке устранения Гитлера, была достойна демона из ада, а не человека. «По Германии, в тылу и на фронтах, прокатилась волна арестов, за которой последовали ужасающие пытки, военно – полевые суды и громкие процессы. Приговоры приводились в исполнение по большей части путем медленного удушения жертв рояльными струнами, перекинутыми через крюки для подвески мясных туш. Крюки же брали напрокат в мясных лавках и на скотобойнях. Родственников и друзей обвиняемых тысячами отправляли в концлагеря, где многие из них погибли. С теми немногими, кто приютил у себя скрывавшихся, расправились таким же образом»¹⁶. Всего же до полного разгрома рейха нацисты успели убить около 5 тыс. офицеров!

Сегодня школьников в Германии учат тому, что ответственность за преступления лежит не только на нацистах, но и на всём немецком народе. Однако нельзя не признать при этом, что именно немецкий народ стал первой жертвой нацизма, хотя на партайтаге (съездах нацистской партии) заместитель Гитлера Рудольф Гёсс (Rudolf Walter Richard Heß, 1894–1987) и кричал с пеной у рта: «Партия – это Гитлер; Германия – это Гитлер; а Гитлер – это Германия» («Die Partei ist Hitler; Deutschland ist Hitler; Hitler ist Deutschland»). Ведь этот преступный режим уничтожил не только всех немецких евреев в огне Холокоста, но и около двух миллионов коренных немцев: антифашистов, представителей левых партий, участников движения Сопротивления, христиан и... больных **немецких** детей! А сколько всего немцев было отправлено в концлагеря на «перевоспитание» и там подвергнуто средневековым пыткам и издевательствам? Любое сопротивление режиму немедленно каралось обезглавливанием. В нацистской Германии настоящий ренессанс пережила гильотина: за годы диктатуры таким способом, топором, было обезглавлено около 40 тыс. человек!

Генерал – фельдмаршал Вицлебен на суде нацистов

Многим немцам пришлось покинуть родину по политическим причинам. Десятки тысяч немцев нацисты обобрали до нитки и изгнали. 25 августа 1933 года в газете *Deutscher Reichsanzeiger* был напечатан первый список людей, которых лишали немецкого подданства. Всего же таких списков было 359! За время нацистской диктатуры 39 006 человек были лишены гражданства. Их имущество было конфисковано, а сами они не могли чувствовать себя в безопасности даже за границей. С целью устрашения нацисты вывесили в «Немецком клубе» в Лондоне портреты 33 фигурантов списка с подписью: «Если вы встретитесь с ними – забейте до смерти!». Рудольф Брейтшейд (Rudolf Breitscheid, 1874–1944) – немецкий политик, левый либерал, впоследствии социал – демократ, погибший в концлагере Бухенвальд. Писатели Пауль Томас Манн и его брат Генрих Манн, социал – демократ Отто Вельс (Otto Wels), адвокаты, журналисты, пацифисты, кинематографисты, театральные критики – все они стали персонами нон – грата в Германии. Более 250 немецких писателей уехало от «коричневой чумы» со своей родины. Однажды на одном банкете министр образования Третьего рейха Бернхард Руст спросил у великого математика Гильберта: «Как теперь математика в Гёттингене, после того как она освободилась от еврейского влияния?» Гильберт уныло ответил: «Математика в Гёттингене? Её больше нет (Das gibt es doch gar nicht mehr)»¹⁷.

Великая немецкая актриса Марлен Дитрих (Marie Magdalene Dietrich, 1901–1992), например, не только эмигрировала из Германии, но и публично отклонила все заманчивые и более чем щедрые предложения нацистов о съёмках фильма под эгидой Министерства пропаганды в Третьем рейхе. А в марте 1943 года она прервала актерскую карьеру и **в течение трёх лет** выступала с концертами перед солдатами союзников в Северной Африке, Италии и Франции, чтобы доказать, что далеко не все немцы – нацисты. Всего за годы войны Дитрих выступила более чем в пятистах представлениях. В 1947–1950 гг. её наградили высшим орденом американского военного министерства для гражданских лиц – медалью Свободы, а также двумя французскими орденами Почётного легиона.

Далеко не всем посчастливилось вовремя бежать из нацистского государства. Известнейший немецкий публицист – антифашист, пацифист и лауреат Нобелевской премии мира 1936 года Карл фон Осецкий (Ossietzky Carl von, 1889–1938), не принадлежавший ни к одной из политических партий, ещё до прихода нацистов к власти писал: «Гитлер – это война, это страшная беда и несчастье для немцев». Он смело разоблачал идеологию нацистов, издевался над их лживой пропагандой, убедительно доказывая, что в основе её лежит лишь демагогия. Карл фон Осецкий был одним из немногих немцев, публично раскритиковавший книгу Гитлера *Mein Kampf* как расистскую. В своих статьях он доказывал, что антисемитизм гитлеровцев опасен не только евреям, но и немцам, поскольку толкает Германию на гибельный путь. Особенно яростно он критиковал нацистскую прессу вообще и статьи Геббельса в частности как рассадник расизма и милитаризма. Немедленно после установления гитлеровской диктатуры он стал жертвой нацистов. Его арестовали и бросили в тюрьму Берлина, после этапировали в концлагерь Зоннебург, а чуть позже – в лагерь Эстервеген – Папенбург. Рабский труд и постоянные издевательства быстро свели его в могилу, несмотря на протесты всего мира. «Лиге борьбы за права человека» совместно с международной организацией писателей «ПЕН-клуб» удалось собрать более 50 тыс. подписей с требованием немедленно освободить журналиста, но всё было тщетно. Карл Осецкий скончался от туберкулеза 4 мая 1938 года.

Марлен Дитрих в фильме «Голубой ангел»

Но вернёмся к неудавшемуся заговору 20 июля 1944 года. Незадолго до нападения на Польшу в 1939 году Гитлер прямо сказал своим генералам: «Всё зависит от **меня**, от **моего** существования, от **моих** талантов как политика. Вряд ли кто –нибудь когда –нибудь будет пользоваться доверием всего немецкого народа в такой же степени, как **я**, – это факт. Вряд ли когда –либо появится человек, обладающий большей властью, чем я. Значит, сам факт **моего** существования необычайно важен». На совещании высших офицеров вермахта 23 ноября 1939 года Гитлер заявил: «Я должен сделать выбор между победой и гибелью. Я выбираю победу. Это величайшее историческое решение, которое можно сравнить лишь с решением Фридриха Великого перед Первой силезской войной. Пруссия обязана своим возвышением героизму одного человека»¹⁸. К сожалению, большинство офицеров тогда не осознало, что имеет дело с больным манией величия маньяком. Многие предпочли не только молча выслушивать этот бред, но и верно служили режиму. Некоторые откровенно пресмыкались перед своим кумиром. Так, в 1941 году накануне дня рождения Гитлера газета *Völkischer Beobachter* («Народный обозреватель»)¹⁹ напечатала статью генерал – фельдмаршала Рейхенау (Walter von Reichenau, 1884–1942) под названием «Полководец», в которой он в худших традициях лизоблюдства приводил высосанные из пальца исторические параллели между своим бесноватым кумиром и Фридрихом II, который был и королем, и полководцем. И чем хуже становилось положение зарвавшегося авантюриста и кровавого палача Гитлера на фронтах, тем активнее пропаганда Третьего рейха сравнивала его с великим королем, выражая уверенность в том, что немцы – так же, как это было в Семилетнюю войну, – после самых страшных поражений выйдут победителями из войны с русскими. Граф Шверин фон Крозиг²⁰ записал в своем дневнике рассказ Геббельса о том, как он пытался поднять настроение фюреру, приводя ему выдержку из «Истории Фридриха Великого» Карлейля: 21 «Во время Семилетней войны бывали такие «чёрные периоды», когда одна плохая весть едва не обгоняла другую». «Великий король, – говорил Геббельс, – как и Гитлер, носил с собой ампулу с ядом, который можно было принять в любой момент. Его русский противник доставлял ему ужасные неприятности, но король среди всех невзгод не забывал обмениваться письмами с маркизом д'Аргенсоном, содержащими образцы высокого красноречия и благородного мужества». Гитлера явно вдохновляли цитаты из этих писем, которые с благоговением в голосе читал ему его министр пропаганды. Так, в августе 1944 года Гитлер заявил: «При всех обстоятельствах мы будем вести эту борьбу до тех пор, пока, как сказал Фридрих Великий, кто –либо из наших проклятых врагов устанет бороться долее»²². Словом, он требовал от людей сражаться до последнего, принуждая расплачиваться жизнью и кровью за свои ошибки и чудовищные преступления в надежде на чудесное избавление. Ю. Семёнов в своем романе «Семнадцать мгновений весны» назвал это «алогизмом логики»: «Введение карточной системы? В этом виноваты Кремль, Черчилль и евреи. Отступили под Москвой? В этом виновата русская зима. Разбиты под Сталинградом? В этом повинны изменники генералы. Разрушены Эссен, Гамбург и Киль? В этом виноват вандал Рузвельт, идущий на поводу у американской плутократии». Гитлер и нацисты являлись временщиками, которые дорвались до власти и упивались ею.

При этом имеет смысл говорить об обратной тенденции, ведь прусская военная каста и аристократия относились к нацистскому движению весьма и весьма сдержанно. Да и могло ли быть по – другому, ведь нацисты пусть и в несколько измененной форме, но называли себя революционерами и социалистами. Для офицерского корпуса это было неприемлемо. А лучший представитель пруссачества, уроженец Магдебурга, генерал – майор Хенниг фон Тресков (Henning Hermann Robert Karl von Tresckow, 1901–1944) был одним из лидеров Движения сопротивления и последовательным антифашистом.

Генерал – майор Хенниг фон Тресков, герой Движения сопротивления

Вот что он написал, когда стал очевидным провал «Операции Валькирия»: «Я, как и прежде, твердо убежден, что мы действовали правильно. Я считаю Гитлера заклятым врагом не только Германии, но и всего мира. Когда через несколько часов я предстану перед судом Всевышнего, чтобы отчитаться в своих действиях и упущениях, то, полагаю, смогу с чистой совестью поведать о том, что сделал в борьбе против Гитлера. Господь однажды пообещал Аврааму, что не погубит Содом, если в городе найдутся хотя бы десять праведников, **и я надеюсь, что Он ради нас не уничтожит Германию**. Никто из нас не имеет права сетовать, что пришлось умереть. Тот, кто вступил в наш круг, надел отравленный хитон кентавра Несса. Нравственная ценность человека начинается только с готовности отдать жизнь за свои убеждения».

Слова эти стали, на мой взгляд, настоящим реквиемом всем героям немецкого Движения сопротивления.

Антифашистское сопротивление в Польше в период Второй мировой войны

В 2018 году в Польше на рассмотрение парламента был выдвинут закон, который запрещает обвинять в соучастии в Холокосте не отдельных людей, а всю польскую нацию или польское государство в целом. Польский сенат (верхняя палата парламента) утвердил 31 января закон, который в окончательной формулировке запрещает обвинять всех поляков в соучастии в нацистских преступлениях и прежде всего – в планомерном уничтожении евреев во время Второй мировой войны. За нарушение закона может грозить до трёх лет тюрьмы. Также запрещено использование словосочетания «польские лагеря смерти», – вместо них предписано говорить «нацистские лагеря смерти, расположенные на территории Польши». Таким образом польское руководство однозначно заявило, что не потерпит огульных обвинений в содействии гитлеровским преступлениям в адрес целой страны.

Израиль и многие другие страны осудили принятый закон. В частности, мемориальный комплекс «Яд ва-Шем» так отреагировал на принятие этого закона: «Мы сожалеем, что польский сенат предпочел одобрить проблематичный закон, который может привести к искажению исторической правды. Понятно, что использование термина «польские лагеря уничтожения» ошибочно. Однако закон затрагивает и другие аспекты, которые ставят под угрозу свободную дискуссию об участии некоторых поляков в преследовании евреев в тот период. «Яд ва-Шем» продолжит доискиваться до сложной правды и разоблачать все, что касается отношения польского населения к евреям в период Катастрофы».

Но этим конфликт не закончился. Примерно год тому назад, в феврале 2019 года, исполняющий обязанности главы МИД Израиля Исраэль Кац во время интервью телеканалу Israel's i24 заявил: «Я ребенок выживших во время Холокоста. Мы этого не простим и не забудем, и многие поляки сотрудничали с нацистами». После этого заявления в МИД Польши для разъяснений вызвали посла Израиля Анну Азари, которая пояснила, что премьер говорил не о Польше и не о польском народе, а о тех поляках, которые сотрудничали с нацистами. На этом инцидент казался исчерпанным, однако вскоре последовало заявление Каца. Исраэль Кац сказал: «Премьер – министр высказался ясно... поляки впитали антисемитизм с молоком матери».

После этого министерство иностранных дел Польши снова вызвало посла Израиля, а глава польского правительства Матеуш Моравецкий (Mateusz Morawiecki) дал интервью журналистам. «Я принял решение об отмене визита польской делегации в Израиль, который мы планировали ранее, потому что формулировки, которые произнес исполняющий обязанности главы МИД Израиля господин Кац, абсолютно недопустимы», – сказал премьер.

«Они абсолютно недопустимы не только в дипломатии – для меня недопустимы такие заявления в принципе в публичной сфере».

«Поляки были народом, наряду с евреями и цыганами, наиболее пострадавшим во время Второй мировой войны. Министры иностранных дел стран Вышеградской четверки всё понимают, и премьеры этих стран тоже понимают ситуацию», – добавил премьер – министр Польши.

Издание Rzeczpospolita назвало слова Каца «дипломатической атомной бомбой», так как, по мнению издания, дипломаты, как правило, всегда очень осторожны в своих высказываниях и никогда не произносят «оскорблений, особенно в отношении государств или целых народов»: «В свете дипломатии – это атомная бомба, а по существу – язык ненависти. Потому что такое радикальное суждение обо всех поляках – не что иное, как крайне поляризованное, расистское и лживое обвинение десятков миллионов людей».

«В Польше никогда не было правительства, которое сотрудничало бы с Третьим рейхом, и в ней никогда не было своей дивизии СС, – написал премьер – министр Матеуш Моравецкий в

журнале *Foreign Policy*. – Мои близкие родственники спасали евреев. В самый тяжелый момент связь между поляками и евреями оказалась сильнее невообразимой жестокости нацистской оккупации».

Международный форум памяти жертв Холокоста, посвященный 75-й годовщине освобождения концлагеря Освенцим, должен был стать одним из крупнейших мероприятий с участием десятков мировых лидеров в истории Израиля. Он таким и стал, прибыло 60 делегаций из разных стран, 45 глав государств и правительств, спикеров парламентов, а также королевских особ. Только вот Польша участвовать в этом мероприятии категорически отказалась. Почему? Причину озвучил президент Польши Анджей Дуда: «Я не понимаю, почему в таком месте, по такому случаю и в такую великую годовщину там должны выступить президенты Германии, России, Франции, представители Великобритании и США, а не мог бы высказаться президент Польши, особенно в нынешней ситуации, когда со стороны России, особенно из уст президента России Владимира Путина, в адрес Польши звучат обвинения, полностью противоречащие исторической правде и стремящиеся унижить нас как общество и фальсифицировать историю». Польский лидер также посетовал, что в фильмах, подготовленных организаторами форума, нет ни слова о борьбе поляков с нацистской Германией. Характерно, что одним из главных организаторов этого международного форума был назначен министр иностранных дел Исраэль Кац, тот самый, который заявил, что «поляки впитали антисемитизм с молоком матери».

Тут следует вспомнить о том, что 19 сентября 2019 года была принята резолюция Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», которая напоминает о жертвах сталинизма, нацизма и других тоталитарных и авторитарных режимов. Члены Европарламента недвусмысленно выразили осуждение по поводу попытки российских властей «обелить преступления, совершенные советским тоталитарным режимом», проще говоря, сфальсифицировать и переписать историю – это именно то, в чём Россия неоднократно обвиняла Запад. Реакция Кремля последовала незамедлительно, В. Путин назвал резолюцию полным бредом, заявил, что на Польше лежит часть ответственности за развязывание Второй мировой войны. Также он сказал, что политическое руководство Польши проявляло антисемитизм, а Юзефа Липского, бывшего посла Польши в нацистской Германии в 1935–1939 гг., он назвал «сволочью и антисемитской свиньей».

Израиль в этом конфликте однозначно стал на сторону РФ, более того, на мой взгляд, дипломатически унижил Польшу – демократическую и дружественную Израилю страну, которая неоднократно доказывала это. Первый раз, когда выделил время на выступления глав России, США, Великобритании, Франции и Германии, а вот для президента Польши времени на выступление не дал, чем вольно или невольно скопировал поведение РФ, всегда подчёркивающей «второразрядность» Польши в ряду великих держав. И второй раз – уже после отказа президента Польши приехать: Путина в аэропорту лично встретил... всё тот же Исраэль Кац. С самым любезным видом он сказал Путину:

«Лично для меня и моей семьи события Холокоста имеют особое значение. Моя мать в подростковом возрасте была депортирована в Освенцим. Благодаря Красной армии она была спасена, а после разгрома гитлеровской Германии репатриировалась в Израиль и создала здесь семью».

И тут же Кац опять уязвил Польшу да и вообще весь ЕС, заявив: «Относительно исторических дискуссий, могу сказать: мы точно знаем, кем были освободители».

Я не буду сейчас поднимать тему, ЗАЧЕМ Израилю столь агрессивно торпедировать добрые отношения с Польшей. Меня сейчас больше занимает вопрос – а имеет ли основание подобная позиция?

Где же истина?

Попробуем, опираясь исключительно на факты, разобраться, принимала ли Польша участие в нацистских преступлениях и прежде всего – в планомерном уничтожении евреев во время Второй мировой войны.

1 сентября 1939 года в 4 часа 45 минут согласно плану «Вайс» германские войска начали вторжение в Польшу. Уже 3 сентября 1939 года союзные Польше Великобритания и Франция объявили войну Германии, однако реальных боевых действий на этом этапе союзники не вели. Единственным эпизодом был переход частями 3 й и 4 й французских армий границы Германии в Сааре и занятие несколько деревень. Германская армия никакого сопротивления не оказала, поскольку практически все соединения были переброшены в Польшу, а союзники дальше продвигаться не стали.

Польская армия несла потери и отступала на всех направлениях, однако о полном разгроме речи не шло. Напротив, Битва на Бзуре показала, что исход войны вовсе не предreshён, контрнаступление польских войск смешало карты гитлеровского командования и вынудило перебрасывать новые резервы. А возле Варшавы вермахт и вовсе мог увязнуть в позиционной войне, запасы бомб были на исходе.

Помог Сталин. «Германо – польская война явно показала внутреннее банкротство польского государства. Тем самым прекратили своё действие договора, заключенные между СССР и Польшей», – такую ноту получил польский посол Вацлав Гжибовский, вызванный в НКВД 17 сентября. «Суверенность государства существует, пока бьются солдаты регулярной армии. Наполеон вошел в Москву, но, пока существовала армия Кутузова, считали, что Россия существует. Куда же подевалась славянская солидарность?» – горько заметил Гжибовский, но это уже было неважно – началось вторжение с востока, знаменуя собой очередной раздел Польши. 17 сентября 1939 года Советский Союз нарушил польско – советский договор о ненападении 1932 года и части Красной армии широким потоком полились на территорию Польши, навстречу своим нацистским союзникам. Всё это происходило в полном соответствии с секретными протоколами недавно заключенного пакта Молотова – Риббентропа. Таким образом СССР открыл второй фронт против Польши, совместно с гитлеровскими войсками уничтожив эту страну.

Для войны с СССР у Польши уже не осталось резервов. Тем не менее сопротивление продолжалось, а бои с гитлеровцами за Варшаву продолжались до 28 сентября. После вступления в войну СССР положение польских войск резко ухудшилось. В новых условиях главная тяжесть сопротивления германским войскам выпадала на Центральный фронт Тадеуша Пискора. 17–26 сентября состоялись два сражения под Томашувом – Любельским, самые крупные после битвы на Бзуре. Польские армии «Краков» и «Люблин» под общим командованием Тадеуша Пискора и основные силы Северного фронта, преграждавшие путь на Львов, должны были контратаковать седьмой немецкий корпус в районе Равы – Русской. В ходе ожесточённых боев пробить немецкую оборону так и не удалось, польские войска понесли тяжёлые потери, а 20 сентября 1939 года генерал Тадеуш Пискор объявил о капитуляции Центрального фронта. Очаги сопротивления поляков подавлялись один за другим. 27 сентября пала Варшава, на следующий день – Модлин. 1 октября капитулировала балтийская военно – морская база Хель. 6 октября капитулировал последний очаг организованного польского сопротивления в Коцке.

Польский гарнизон Брестской крепости во главе с генералом Константином Плисовским отбил все атаки гитлеровцев поскольку немецкая артиллерия застряла под Варшавой. На помощь нацистами прибыли части Красной армии, которые обстреливали цитадель из тяжёлых орудий в течение двух суток, польский гарнизон был вынужден капитулировать. Затем состоялся совместный парад, который с германской стороны возглавлял Гейнц Гудериан, а с советской – комбриг Семен Кривошеин. Потери Красной армии в этой войне составили 1475 погибшими и 3858 ранеными. Оккупанты захватили 240 тыс. польских пленных, 300 боевых самолетов, массу техники и военного имущества.

28 сентября 1939 года был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Третьим рейхом. Большую часть Польши захватил СССР. Под контроль СССР перешла территория в 196 тыс. км² с населением около 13 млн человек. Немедленно начались репрессии и советизация захваченных территорий, которые были включены в состав советской Украины и Белоруссии. Для чекистов открылась новая страница в летописи их бесчисленных преступлений. До войны люди на захваченных территориях жили весьма неплохо, поскольку Польша была процветающей европейской страной с развитой экономикой, где соблюдали права на частую собственность. Всё это рухнуло, начались массовые аресты буржуазии, конфискация частной земли, недвижимости, автомобилей и личного имущества. Наиболее активные и образованные люди, священники, активисты различных партий были последовательно арестованы, а затем либо расстреляны (разделив печальную участь многих офицеров Польской армии, попавших в советский плен и убитых в Катыни и других местах), либо получили длительные сроки заключения или ссылки в советских лагерях.

Гитлеровцы же с самых первых дней стали проводить политику последовательного уничтожения всего польского, навсегда запятнав себя чудовищными преступлениями. Не касаясь сейчас преступлений против евреев, рассмотрим общую картину оккупации.

В период с 1 сентября по 26 октября 1939 года, пока территория Польши находилась под управлением немецкого военного командования, военнослужащие вермахта (не СС) совершили 311 массовых казней польских военнослужащих и гражданских лиц. В дальнейшем, 27 октября, власть на оккупированной территории была передана гражданской германской администрации, и ситуация ухудшилась.

8 октября 1939 года в соответствии с декретом Адольфа Гитлера большая часть Западной Польши, площадь которой составляла около 94 тыс. км², была присоединена к Третьему рейху.

26 октября 1939 года аннексированные польские земли были включены в состав двух новых имперских округов:

- рейхсгау Западная Пруссия, который 2 ноября 1939 года в ходе административной реформы был преобразован в рейхсгау Данциг – Западная Пруссия;
- рейхсгау Познань, который 29 января 1940 года в ходе административной реформы был преобразован в рейхсгау Вартеланд.

На этой территории проживало около 10 млн человек, большинство из которых были поляками. Всем им нацисты не оставили никакого будущего. Германское правительство переселило на эти территории около 600 тыс. немцев из Восточной Европы и 400 тыс. из Третьего рейха.

На территории генерал – губернаторства и присоединённых к Германии польских землях была проведена классификация населения на категории с разными правами в соответствии с национальностью и происхождением, началось осуществление расовой политики. Граждане немецкой национальности (рейхсдойче и фольксдойче) имели привилегированное положение, поляки были лишены гражданских прав, а отдельные категории населения (евреи, цыгане, душевнобольные) подлежали физическому уничтожению. В апреле 1940 года генерал – губернатор Франк объявил, что Краков должен стать самым расово чистым городом под его управлением.

В 1940 году на территории генерал – губернаторства были созданы концентрационные лагеря, в которые начали поступать военнопленные союзных армий – французы, норвежцы, бельгийцы, голландцы, а позднее – греки, югославы.

20 апреля 1940 года на территории генерал – губернаторства начала действовать организация Die Volksdeutsche Gemeinschaft, объединявшая этнических немцев.

После нападения нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 года границы генерал – губернаторства вновь изменились: в его состав были включены дистрикт Галиция (создан 1 августа 1941 года) и округ Белосток.

Немцы последовательно проводили политику, направленную на разобщение и внутреннее размежевание населения, проживавшего на оккупированной территории Польши, разжигание межнациональных конфликтов. Директива Управления расовой политики от 28 ноября 1940 года «Некоторые соображения об обращении с лицами не немецкой национальности на Востоке» содержала предписание: «При обращении с лицами не немецкой национальности на Востоке мы должны проводить политику, заключающуюся в том, чтобы как можно больше выделять отдельные народности, то есть наряду с поляками и евреями выделять украинцев, белорусов, гуралей, лемков и кашубов. А если где – либо можно ещё обнаружить остатки национальностей, то выделять и их... Выходцев из таких народностей, особенно небольших по численности, мы будем использовать в качестве служащих полиции и бургомистров... Нельзя допускать объединения народностей».

С сентября 1939 по апрель 1940 года был методично осуществлён первый этап низведения поляков на первобытный уровень посредством уничтожения интеллигенции. Было расстреляно около 50 тыс. учителей, священников, представителей вольных профессий и помещичьего дворянства, общественных и политических деятелей, а также отставных военных и членов патриотических организаций. Ещё 50 тыс. были депортированы в концлагеря, где выжила лишь ничтожная их часть. Расстрелы производились в разных регионах Польши.

В общей сложности во Второй мировой войне Польша потеряла 21,3 % населения (6 028 тыс. человек убитыми и погибшими, из них 644 тыс. погибли в ходе военных действий и 5 384 тыс. – в период оккупации – ИЗ НИХ 2,8 млн. евреев), на принудительные работы в Германию были вывезены 2 841,5 тыс. польских граждан.

В период оккупации на территорию генерал – губернаторства из Германии прибыли 700 тыс. немецких колонистов, в собственность которых были переданы 206 тыс. торговых, промышленных и производственных предприятий, лучшие земельные угодья, дома и собственность польских граждан.

Общий ущерб от боевых действий и немецкой оккупации территории Польши за годы войны составил 38 % национального достояния, были разрушены 20 % промышленных предприятий, 60 % учреждений здравоохранения, более 63 % школьных зданий и научных учреждений, свыше 353 тыс. (22 %) крестьянских хозяйств, 30 % личной собственности населения Польши. Треть населения осталась без крова, не обрабатывалось 50 % земель сельскохозяйственного назначения, а финансы, транспорт и торговля были приведены в расстройство.

Польское сопротивление

Польские части во Франции и Норвегии

Польские воинские части во Франции начали формироваться после подписания 21 сентября 1939 года франко – польского протокола.

Главнокомандующим польскими силами во Франции стал генерал Владислав Сикорский. В конце 1939 года были сформированы польские 1-я и 2-я пехотные дивизии.

В феврале 1940 года была сформирована отдельная горная стрелковая бригада (командир – генерал Зигмунт Бохуш – Шышко), которая была включена в состав англо – французских экспедиционных сил, намеченных к отправке в Финляндию для войны против СССР. Однако 12 марта 1940 года между Финляндией и СССР был заключён мир, и в начале мая 1940 года бригада была отправлена в составе экспедиционного англо – французского корпуса в Норвегию для войны против немцев.

В Норвегии польская бригада успешно штурмовала занятые немцами посёлки Анкенес и Ниборг, немцы были оттеснены к шведской границе. После начала немецкого наступления во Франции к июню 1940 года силы союзников покинули Норвегию.

Находившаяся во Франции польская 1-я пехотная дивизия (3 мая 1940 переименованная в 1-ю гренадерскую дивизию) под командованием генерала Бронислава Духа была отправлена на фронт в Лотарингию. 16 июня польская дивизия была почти окружена немцами и получила приказ французского командования отступить. 19 июня генерал Сикорский приказал дивизии отступить на юг Франции или, если удастся, в Швейцарию. Однако этот приказ было трудно выполнить, и потому достичь юга Франции удалось только 2 тыс. поляков, в Швейцарию ушли около тысячи. Точные потери дивизии неизвестны, но было убито не менее тысячи поляков, ещё не менее 3 тыс. ранено.

В Лотарингии также сражалась польская 2-я пехотная дивизия (переименованная во 2-ю стрелковую дивизию) под командованием генерала Пругар – Кетлинга. 15 и 16 июня эта дивизия прикрывала отход французского 45-го корпуса к швейцарской границе. Поляки перешли в Швейцарию 20 июня и были интернированы там до конца Второй мировой войны.

Помимо пехоты, в польских вооружённых силах во Франции была 10-я бронекавалерийская бригада под командованием генерала Станислава Мачека. Она находилась в Шампани и с 13 июня прикрывала отход двух французских дивизий. Затем по приказу бригада отступила, но 17 июня была окружена. Сумев прорваться через немецкие линии, бригада была эвакуирована в Британию.

Кроме того, в боевых действиях во Франции участвовали несколько польских противотанковых рот, приданных французским пехотным дивизиям.

Польские 3-я и 4-я пехотные дивизии в июне 1940 года были в стадии формирования и не принимали участия в боях. Всего в конце июня 1940 года польские вооружённые силы во Франции насчитывали около 85 тыс. человек.

Когда поражение Франции стало очевидным, главнокомандующий польскими силами решил эвакуировать их в Британию. 18 июня 1940 генерал Сикорский вылетел в Англию. На встрече в Лондоне он заверил британского премьер – министра Уинстона Черчилля, что польские войска не собираются сдаваться немцам и хотят воевать до полной победы. Черчилль распорядился об организации эвакуации польских войск в Шотландию. В итоге эвакуироваться в Британию удалось 17 тыс. польских солдат и офицеров.

Польские части в Сирии, Египте и Ливии

В апреле 1940 года в Сирии была сформирована польская Карпатская стрелковая бригада под командованием полковника Станислава Копаньского (из бежавших через Румынию польских солдат и офицеров), которая в дальнейшем пополнялась за счет бывших военнослужащих вермахта польской национальности – дезертиров и военнопленных.

После сдачи французских войск в Сирии немцам французское командование приказало сдаться в немецкий плен и полякам, однако полковник Копаньский не подчинился этому приказу и увёл польскую бригаду в британскую Палестину.

В октябре 1940 года бригада была передислоцирована в Египет.

В октябре 1941-го польская Карпатская бригада была высажена в осаждённом немцами ливийском городке Тобрук, чтобы помочь оборонявшейся там 9-й австралийской пехотной дивизии. В декабре 1941-го союзные войска ударили по немецким и итальянским войскам, 10 декабря осада Тобрука была прекращена. 14–17 декабря 1941 года польская бригада участвовала в сражении в районе Газалы (в Ливии). Из 5 тыс. бойцов поляки потеряли убитыми и ранеными более 600.

Польские части в Британии

В августе 1940 года британский премьер – министр Черчилль подписал польско – британское военное соглашение, позволявшее польским войскам дислоцироваться в Британии. Польские вооружённые силы в Британии получили такой же статус, как и войска стран Британского содружества, и получили право на формирование новых польских частей.

К концу августа 1940 года польские сухопутные силы в Британии состояли из 5 стрелковых бригад (3 из них были укомплектованы практически только командным составом из – за недостатка рядовых).

28 сентября 1940-го польский главнокомандующий генерал Сикорский отдал приказ о формировании 1-го польского корпуса.

В октябре 1941 года 4-я стрелковая бригада была переформирована в 1-ю отдельную парашютную бригаду (под командованием полковника Сосновского). В феврале 1942-го началось формирование польской 1-й танковой дивизии (под командованием генерала Мачека).

После гибели генерала Сикорского в 1943 году главнокомандующим польскими войсками стал генерал Сосновский.

Польские части в Югославии

Некоторые польские военные участвовали в боях против Германии и её союзников на территории Югославии: при поддержке польской общины Боснии и Герцеговины в партизанской Народно – освободительной армии Югославии был сформирован 5-й польский батальон 14-й центральнобоснийской бригады.

Польские части в СССР

22 июня 1941 года по инициативе подполковника Зигмунта Берлинга 13 офицеров польской армии (в том числе полковник и 4 подполковника) направили правительству СССР коллективное письмо с просьбой предоставить им возможность принять участие в войне с Германией.

30 июля 1941 года в Лондоне посол СССР в Великобритании И. М. Майский и польский премьер В. Сикорский подписали соглашение о восстановлении дипломатических отношений и взаимопомощи в борьбе с Германией, которое предусматривало создание польских воинских частей на территории СССР.

6 августа 1941 года командующим польской армией в СССР был назначен генерал Владислав Андерс (освобождённый 4 августа 1941 года).

12 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ об амнистии для польских граждан на территории СССР.

14 августа 1941 года было подписано военное соглашение, которое предусматривало создание в кратчайший срок на территории СССР польской армии для борьбы против гитлеровской Германии совместно с войсками СССР и иных союзных держав. В соответствии с соглашением, общая численность польских воинских частей в СССР была определена в 30 тыс. военнослужащих. Для подготовки польской армии СССР предоставил польской стороне беспроцентный займ в размере 65 млн рублей (впоследствии увеличенный до 300 млн рублей). Кроме того, СССР предоставил польской стороне беспроцентный займ в размере 100 млн рублей для оказания помощи польским беженцам на территории СССР, а также выделил допол-

нительные 15 млн рублей в качестве безвозвратного пособия офицерскому составу формируемой польской армии.

4 декабря 1941 года была подписана Декларация правительства СССР и правительства Польской Республики о дружбе и взаимной помощи, в соответствии с которой правительство В. Сикорского вновь подтвердило обязательство «вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками». Кроме того, была достигнута договорённость об увеличении общей численности польской армии в СССР с 30 тыс. до 96 тыс. человек.

С начала 1942 года на первый план выдвигается вопрос о сроках отправки польских дивизий на фронт. В феврале 1942 года правительство СССР обратилось к польской стороне с просьбой об отправке на фронт 5-й пехотной дивизии, обучение которой к этому времени было завершено. В. Андерс отверг возможность ввода в бой одной отдельной дивизии, принятое им решение поддержал В. Сикорский.

В марте 1942 года правительство СССР сообщило, что в связи с осложнением положения с продовольствием в СССР количество продовольственных пайков для польских воинских частей в СССР, не принимающих участия в боевых действиях, будет уменьшено до 44 тыс.

В конце марта 1942 года был проведен первый этап эвакуации в Иран армии Андерса – СССР покинули 31 488 военнослужащих польской армии и 12 400 гражданских лиц.

1 сентября 1942 года эвакуация армии Андерса была закончена. В общей сложности в ходе двух эвакуаций из СССР выехало 75 491 военнослужащий и 37 756 гражданских лиц.

Польские части на Ближнем Востоке и в Италии

Выведенные из СССР польские части армии Андерса были размещены в северном Ираке, а в июле 1943 года переброшены в Палестину.

22 июля 1943 года польские части были преобразованы во 2-й польский корпус в составе британской армии.

7 декабря 1943 британское командование приняло решение отправить 2-й польский корпус в Италию.

24 марта 1944 года 2-й польский корпус получил приказ британского командования прогнать немецкие позиции в районе Монте – Кассино, взять штурмом монастырь и занять городок Пьедимонте и тем самым расчистить дорогу на Рим.

В апреле 1944-го 2-й польский корпус имел численность 46 тыс. военнослужащих и состоял из 3-й карпатской стрелковой дивизии (командир – генерал Дух), 5-й кресовой пехотной дивизии (генерал Сулик), 2-й танковой бригады (генерал Раковский) и 2-й артиллерийской группы.

11 мая 1944 года началось четвёртое сражение за Монте – Кассино. После ожесточённых боёв с оборонявшимися немецкими 1-й парашютной и 5-й горной дивизиями утром 18 мая поляки взяли монастырь и подняли над ним полковое знамя 12-го подольского уланского полка и флаг Польши (позже по приказу генерала Андерса был водружён и британский флаг).

Утром 19 мая был очищен от немецких войск весь массив Монте – Кассино. Победа поляков обеспечила 13-му британскому корпусу проход в долину Лири.

25 мая канадские, британские и польские части прорвали линию Гитлера.

Всего за время сражения в районе Монте – Кассино 2-й польский корпус потерял тысячу человек убитыми и 3 тыс. ранеными.

После короткого отдыха генерал Андерс получил приказ двинуть польский корпус по Адриатическому побережью, чтобы захватить портовый город Анкону.

Тяжёлые бои на этом направлении начались 21 июня. 17 июля поляки начали штурм Анконы. 18 июля 2-я танковая бригада отрезала Анкону на северо – западе, затем Карпатский уланский полк вошёл в город. Порт, как требовалось командованием, был взят неповреждённым.

ным. В сражении за Анкону поляки потеряли более 600 убитыми и почти 2 тыс. ранеными. Взятие порта позволило британской 8-й армии продолжить наступление на Болонью.

Затем польский корпус получил приказ прорвать немецкую Готскую линию, что было выполнено в августе 1944 года.

К концу 1944-го 2-й польский корпус был усилен двумя пехотными бригадами, 2-я танковая бригада была переформирована во 2-ю Варшавскую танковую дивизию.

В январе 1945 года американский командующий 15-й группой армий генерал Кларк приказал союзным частям готовиться к последнему наступлению в Италии. Поскольку генерал Андерс был назначен на пост верховного командующего польскими вооружёнными силами, командующим 2-го польского корпуса стал генерал Бохуш – Шышко.

Наступление началось 9 апреля 1945 года. 21 апреля поляки взяли штурмом Болонью, потеряв более 200 убитыми и более 1 200 ранеными.

Польские части в Нормандии, Бельгии и Голландии

Первая танковая дивизия (командующий – генерал Станислав Мачек) была высажена в июле 1944 года в Нормандии и включена в состав 2-го канадского корпуса. В августе 1944 года принимала участие в боевых действиях канадского корпуса в районе города Фалез с целью соединения с американскими частями, наступавшими от Аржантана. В ходе Фалезского сражения польская 1-я танковая дивизия участвовала в окружении немецкой группировки, её военнослужащие взяли в плен более 5 тыс. немцев. Потери поляков составили более 400 убитыми и тысячи ранеными. В конце августа 1944-го польская дивизия с тяжёлыми боями наступала на восток, 6 сентября перешла франко – бельгийскую границу и взяла город Ипр, а позднее – города Тилт, Гент, Локерен, Сент – Николас. 16 сентября дивизия пересекла бельгийско – голландскую границу и получила приказ взять Антверпен. Задача была выполнена, но затем польская дивизия три недели вела бои против перешедших в контрнаступление немцев. В октябре 1944-го дивизия продвинулась в Голландию и взяла город Бреда (городской совет Бреды объявил всех бойцов польской дивизии почётными гражданами города, и после окончания Второй мировой войны многие ветераны польской 1-й танковой дивизии поселились там). 8 ноября 1944 поляки достигли берега реки Маас. Там продвижение прекратилось – до 14 апреля 1945-го, когда польская дивизия после пятидневных боёв прорвала оборону немцев и вошла на территорию Германии. 6 мая 1945 года поляки захватили немецкую военно – морскую базу в Вильгельмсхафене.

1-я отдельная парашютная бригада – на второй день после начала операции «Маркет Гарден», 18 сентября 1944 года, часть польской 1-й парашютной бригады (более 1 тыс. парашютистов) десантирована на северный берег Рейна, чтобы помочь осаждённой в Арнеме британской 1-й воздушно – десантной дивизии. Остальная часть бригады десантирована 23 сентября в 30 км от первого десанта. Лишь небольшой части поляков удалось соединиться с британцами. В целом эта операция союзников была неудачной. Поляки потеряли там более 200 погибшими и пропавшими без вести и более 200 ранеными.

Польский флот за рубежом

Польские военно – морские силы продолжили воевать на западе после сентября 1939 года, поскольку ещё до начала Второй мировой войны три польских эсминца – «Блискавица», «Гром» и «Бужа» – были направлены в Британию. После начала войны две из пяти польских подлодок – «Вильк» и «Ожел» – прорвались из Балтики в Британию.

В ноябре 1939 года было подписано военно – морское соглашение о сотрудничестве между польскими военно – морскими силами и британским флотом. Вскоре после этого военно

– морские силы Польши арендовали у Британии несколько кораблей – 2 крейсера («Драгон» и «Конрад»), 6 эсминцев («Гарланд», «Пиорун», «Краковяк», «Куявяк», «Шлензак», «Оркан») и 3 подлодки («Сокол», «Ястшемб», «Дзик»).

В апреле 1940 года подлодка «Ожел» потопила немецкий транспорт «Рио – де – Жанейро», участвовавший в высадке немецких войск в Норвегии.

В 1941 году эсминец «Пиорун» совместно с флотилией британских эсминцев участвовал в преследовании немецкого линкора «Бисмарк».

В августе 1942 года эсминец «Шлензак» поддерживал артиллерийским огнём высадку британского десанта в Дьепе.

Подлодки «Сокол» и «Дзик» действовали в Средиземном море и получили прозвище Страшные близнецы.

Польские военные корабли принимали участие в обеспечении десантных операций союзников в 1940 году в Нарвике, в 1942 году в Северной Африке, в 1943 году на Сицилии и в Италии. Они также входили в состав охранения арктических конвоев союзников, которые доставляли в СССР вооружение, продовольствие и иные военные материалы по программе ленд – лиза.

Всего польские военные моряки потопили несколько военных кораблей противника (немецких и итальянских), в том числе 2 немецкие подводные лодки, около 40 транспортных судов и сбили около 20 самолётов.

Из примерно 4 тыс. польских военных моряков погибло около 400. Большинство оставшихся в живых по окончании Второй мировой войны остались на Западе.

Польская авиация на Западе

После сентябрьской кампании 1939 года многие польские военные лётчики постарались перебраться во Францию. В ходе обороны Франции польские пилоты сбили около 50 немецких самолётов, 13 поляков – лётчиков погибли.

Затем польские лётчики переправились в Британию, здесь были сформированы 2 польские эскадрильи в составе британских ВВС (302-я и 303-я, но поляки служили и в других британских эскадрильях). В битве за Британию (июль – октябрь 1940 года) участвовали 145 польских пилотов – истребителей, которые сбили 201 самолёт противника.

Польская 303-я эскадрилья стала одной из самых результативных среди британских ВВС, сбив 125 немецких самолётов.

Летом 1940 года были сформированы 2 польские бомбардировочные эскадрильи, позднее общее число польских эскадрилий в Британии достигло 15: из них 10 истребительных, 4 бомбардировочных и 1 эскадрилья наведения артиллерии.

В 1943 году группа польских лётчиков («Цирк Скальского») воевала в Северной Африке.

Польские лётчики бомбили Германию (15 тыс. тонн бомб), в том числе Берлин, Рур и Гамбург, и сбрасывали вооружение и боеприпасы для партизан в Польше (426 вылетов) и других странах (909 вылетов).

Всего за время войны польские лётчики совершили из Британии 73,5 тыс. боевых вылетов. Они сбили 760 немецких самолётов и 190 ракет Фау-1, потопили 2 подводные лодки.

Самыми результативными из польских пилотов были Станислав Скальский, Витольд Урбанович, Евгениуш Хорбачевский и Болеслав Гладыш, сбившие по 15 и более вражеских самолётов каждый.

Потери польских ВВС составили до 2 тыс. погибшими. После окончания Второй мировой войны большая часть польского лётно – технического персонала (всего в мае 1945-го было более 14 тыс.) осталась жить на Западе.

Польская армия в СССР

В мае 1943 года по инициативе «Союза польских патриотов» и при поддержке со стороны советского правительства на территории Советского Союза началось формирование новых польских воинских частей: сначала 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко, а позднее – и иных польских воинских частей и подразделений. Командиром был назначен полковник Зыгмунт Берлинг (бывший начальник военного лагеря Армии Андерса в Красноводске), политруком – Александр Завадский. В июне 1943 года формирование дивизии было завершено, 15 июля 1943 года бойцы дивизии приняли воинскую присягу.

10 августа 1943 года был создан 1-й польский корпус, в состав которого вошли уже существующие польские воинские части:

- 1-я польская пехотная дивизия;
- 1-й польский танковый полк им. Героев Вестерплатте;
- 1-й истребительный авиационный полк «Варшава».

В этот же день командование присвоило Берлингу звание генерала и назначило его командующим польским корпусом.

1 сентября 1943 года 1-я польская пехотная дивизия была отправлена на фронт, она поступила в оперативное подчинение 33-й армии Западного фронта.

12–13 октября 1943 года под Ленино Могилёвской области польские части вступили в первый бой с противником. В ходе боёв дивизия понесла существенные потери и была отведена в тыл для пополнения личным составом.

В январе 1944 года польский корпус был отправлен в район Смоленска. 13 марта 1944-го Ставка решила развернуть польский корпус в 1-ю армию Войска Польского. Для этого корпус был передислоцирован на Украину, в район города Сумы, здесь численность польской армии была доведена до 78 тыс.

Летом 1944 года в состав 1-й армии входили 4 пехотные и 1 зенитно – артиллерийская дивизии, 1 бронетанковая, 1 кавалерийская, 5 артиллерийских бригад, 2 авиаполка и другие части. Численность личного состава в это время составляла около 90 000 человек.

По состоянию на 22 июля 1944 года общая численность 1-й армии Войска Польского составляла 100 тыс. военнослужащих (в том числе свыше 60 тыс. – в боевых частях и подразделениях), кроме того, в советских военно – учебных заведениях проходили обучение 2 554 офицера и свыше 600 лётчиков. На вооружении 1-й армии Войска Польского находились 61 626 винтовок и автоматов; 3 714 пулемётов и ПТР; 1 513 орудий и миномётов; 217 танков, САУ и бронемашин; 3 011 автомашин; 219 тягачей; 171 мотоцикл; 66 самолётов и 779 радиостанций.

20 июля 1944 года артиллерия 1-й армии Войска Польского поддерживала огнём части 69-й армии при форсировании Западного Буга. В этот же день первые польские воины ступили на польскую землю. В течение трёх следующих дней на западный берег Буга переправились основные силы 1-й польской армии. В конце июля – начале августа 1944 года 1-я польская армия находилась на стыке 8-й гвардейской армии и 69-й армии, она участвовала в боях с подразделениями 4-й немецкой танковой армии, в наступлении на Хелм и Люблин, в освобождении Демблина и Пулав. 1-я польская танковая бригада участвовала в обороне Студзянского плацдарма на западном берегу Вислы южнее Варшавы. В трёхдневных оборонительных боях на линии Магнушев – Рычевул – фольварк Студзянка польские воины уничтожили около 1 500 военнослужащих противника, 2 танка «Тигр», 1 танк «Пантера», 12 танков Т-IV, один танк Т-III, 8 САУ, 9 бронетранспортёров, 11 75-мм орудий и 16 противотанковых ружей.

28 июля 1944 года части 1-й армии Войска Польского заняли боевые позиции на восточном берегу Вислы и получили приказ маршала Рокоссовского форсировать реку. В ночь

на 1 августа это попыталась сделать 2-я польская дивизия. В итоге одна рота переправилась через Вислу, ещё одна рота смогла достичь одного из островков посреди реки. Все части, пытавшиеся форсировать Вислу, понесли тяжёлые потери.

Днём 1 августа через Вислу пытались переправиться 1-я и 2-я польские пехотные дивизии. В итоге 2-й полк 1-й дивизии был практически полностью уничтожен. 2 августа армия не пыталась наступать, поскольку все 9 попыток форсирования Вислы окончились неудачей. 3 августа попытки 2-й дивизии переправиться были остановлены немецкой артиллерией.

10 сентября 1944 года советские и польские войска перешли в наступление в районе Варшавы и 14 сентября овладели Прагой – предместьем Варшавы на восточном берегу Вислы. Непосредственно после завершения боёв в этом районе части 1-й армии Войска Польского предприняли попытку переправиться на западный берег Вислы с целью оказать помощь восставшим.

В ночь с 15 на 16 сентября 1944 года в районе Саска – Кемпы началась переправа частей 3-й пехотной дивизии Войска Польского. Несмотря на ожесточённое противодействие противника, десантная операция продолжалась до 19 сентября 1944 года и была прекращена в связи с тяжёлыми потерями. 23 сентября 1944 года была произведена эвакуация ранее переправленных частей Войска Польского, а также группы присоединившихся к ним повстанцев на восточный берег Вислы. В ходе операции общие потери Войска Польского составили 3 764 солдата и офицера, в том числе 1 987 человек убитыми на западном берегу Вислы (1 921 военнослужащий 3-й пехотной дивизии Войска Польского и 366 военнослужащих 2-й дивизии Войска Польского), потери ранеными составили 289 военнослужащих.

12 января 1945 года началось новое советское наступление, в котором участвовала 1-я польская армия. 16–17 января 1945 года была освобождена Варшава, которую немцы превратили в руины.

В конце января 1945 года 1-я польская армия (93 тыс. человек) дислоцировалась в Померании. В феврале она перешла в наступление.

В феврале – марте 1945 года 1-я польская армия в течение десяти дней вела ожесточённые бои за город Кольберг, которому гитлеровское командование присвоило статус крепости. 18 марта 1945 года части 1-й армии Войска Польского установили контроль над городом. В боях за Кольберг немецкие войска потеряли 5 000 военнослужащих убитыми и 6 992 пленными.

13 апреля 1945 года части 1-й польской армии достигли реки Одер.

В январе 1945 года было завершено формирование 2-й армии Войска Польского. Она была перебросена к реке Нейсе, которую форсировала 17 апреля. На следующий день немецкие войска под командованием фельдмаршала Шёрнера, шедшие на защиту Берлина, частично отбросили, частично окружили части 2-й польской армии.

20 апреля немецкие войска оставили позиции на западном берегу Одера и стали отступать на запад.

В Берлинской наступательной операции приняли участие 1-я и 2-я армии Войска Польского, в составе которых к этому времени насчитывалось 36 частей и соединений общей численностью 185 тыс. человек (в том числе 10 пехотных дивизий, 14 полков и 20 отдельных батальонов), 3 тыс. орудий и миномётов, 508 танков и САУ, 320 самолётов.

Вклад польских воинов в победу получил высокую оценку: более 5 тыс. военнослужащих и 23 соединения и части Войска Польского были награждены советскими орденами, 13 раз Войско Польское было отмечено в приказах Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами СССР (при этом всего за период Великой Отечественной войны было издано 373 благодарственных приказа и ещё 5 приказов были изданы за войну с Японией). Лучшие воины Войска Польского принимали участие в Параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 года.

В мае – июне 1945 года Войско Польское насчитывало около 400 000 человек. Оно было крупнейшей регулярной воинской силой, сражавшейся вместе с советскими войсками. В составе Войска Польского (1-я, 2-я армии и Резерв Главного командования) имелось 2 армейских управления, 1 танковый корпус, 14 пехотных, 1 артиллерийская и 3 зенитные артиллерийские дивизии, 10 артиллерийских, 1 миномётная, 1 мотострелковая, 5 инженерно – саперных, 1 кавалерийская и 2 отдельные танковые бригады, 4 авиационные дивизии, а также ряд специальных, вспомогательных и тыловых частей и несколько военно – учебных заведений. На вооружении имелось 4 тыс. орудий и миномётов, 400 танков и САУ, 600 самолётов и 8 тыс. пулемётов.

Мой вывод из приведённых фактов: поляки с первого дня войны сражались с нацистами и сражались доблестно, даже в условиях чудовищной оккупации сумели наладить эффективное сопротивление врагу. Что же касается еврейского вопроса, то об этом поговорим отдельно.

В XIV в. казалось, что евреям Западной Европы пришёл конец, столь жестоким и беспощадным стало их преследование со стороны разбушевавшейся черни и религиозных фанатиков – христиан. «На нас возвели навет, чтобы напасть на нас, – записано в кинот, еврейских элегиях. – Нас обвиняют в том, что мы принесли яд в сосуде и бросили в воду. Но в действительности это нас напоили горькой водой... Обнажили меч злодеи и нашу кровь смешали с водой...»

Холодные слова хроники доносят до нас отголоски той катастрофы: в 1349 году были истреблены евреи во всей Германии – одни зарублены мечом, другие сожжены на костре. Именно тогда уцелевшие евреи смогли найти спокойное убежище ещё на несколько веков в Польше. Началом процветания евреев можно считать середину XIV в., эпоху правления короля Казимира III Великого (правил в 1333–1370 гг.), создателя централизованного польского государства. В 1367 году он выдал евреям Грамоту о привилегиях, каковых они не имели больше нигде. Положение евреев в средневековой Польше можно без преувеличения охарактеризовать как *status in statu* (государство в государстве, лат.), настолько широка была их автономность. В 1453 году, в год коронации Казимира IV из династии Ягеллонов, новый король издал грамоту: «Мы желаем, чтобы те евреи, которых мы охраняем для нас и королевства нашего как особую ценность, признали наше королевство добрым для них». Грамота предусматривала суровые наказания за нападения на евреев, осквернение еврейских кладбищ, нанесение ущерба синагоге, несанкционированный вход в их жилища, похищение еврейских детей, неказание помощи еврею в случае нападения на него, отказ торговцев продавать товары евреям, запрещалось вызывать евреев в церковный суд и так далее и так далее. Поэтому неудивительно, что вплоть до восстания Богдана Хмельницкого миграция в Европе протекала с запада на восток. Польское еврейство пережило разделы Польши, русскую оккупацию, превратившую Польшу в одну из камер «тюрьмы народов», Первую мировую войну, восстановление польского государства. После кровавой Гражданской войны в России многие евреи успели бежать из коммунистического «рая». О том, какими были взаимоотношения между евреями и поляками можно узнать, например, их книг Исаака Башевиса Зингера.

А затем на эту территорию пришёл нацистский враг, который поставил перед собой сверхзадачу – тотальное уничтожение евреев.

Создаётся впечатление, что Израиль сознательно забыл те славные страницы еврейско – польского братства по оружию, которое ещё совсем недавно столь жарко вспоминал добрым словом. В 2013 году государственное почтовое управление Израиля выпустило марку, посвященную 70-летию восстания в Варшавском гетто, на которой был изображён один из героев восстания, бейтаровец Павел Френкель, который руководил обороной главного штаба Еврейского воинского союза на Мурановской площади. Герои водрузили на одном из зданий бело – голубой флаг сионистского движения рядом с бело – красным флагом независимой Польши и в течение четырёх дней отбивали атаки отборных эсэсовских карателей, покрыв себя неувядае-

мой славой. В преддверии 70-летия начала восстания в Варшавском гетто, 18 апреля 2013 года, нижняя палата Национальной ассамблеи Республики Польша приняла резолюцию, в которой среди прочего говорится, что депутаты «отдают дань уважения жертвам и героям восстания, чье мужество и самопожертвование вызывают восхищение, уважение и останутся в памяти последующих поколений».

Отношения с польскими подпольными организациями

**(материал во многом взят из книги
«Холокост. Были и небыли» А. Буровского).**

«Жегота»

В декабре 1942 года на основе ранее существовавшей подпольной организации «Временный комитет помощи евреям» польское правительство в изгнании создало специальное агентство «Жегота», призванное помочь евреям на территории Польши. Агентство возглавила писательница Зофия Коссак – Щуцкая, выпустившая в августе 1942 года свой знаменитый манифест о помощи евреям. С еврейской стороны в руководстве «Жеготы» состоял Адольф Берман из партии Поалей – Цион.

Варшавская «Жегота» под руководством Ирены Сендлеровой (Сендлер) помогла спастись более чем 10 тыс. евреев, в том числе 2 500 детей, выведенных из пылавшего Варшавского гетто.

Армия Крайова

Отношение Делегатуры (эмигрантского польского правительства) и Армии Крайовой к восстанию в Варшавском гетто было неоднозначным.

С одной стороны, руководство АК разрешило оказание помощи; кроме того, активисты АК оказывали помощь в инициативном порядке. При этом АК помогала в основном организации сионистов – ревизионистов ŻZW под командованием польского офицера еврейского происхождения Павла Френкеля (но почти не оказывала помощи ŻOB – Еврейской боевой организации из – за её прокоммунистической ориентации).

Ещё до начала восстания, в ноябре 1942 года, офицер АК обучил группу еврейских антифашистов изготовлению бутылок с зажигательной смесью, минно – взрывных устройств и ловушек. Активисты АК помогали скрываться евреям, находившимся на нелегальном положении.

После начала восстания АК передала в гетто партию оружия, гранат и боеприпасов. Так, после обращения руководителей восстания к Армии Крайовой за помощью были получены 1 ручной пулемёт, 1 автомат, 70 пистолетов и 50 гранат.

19 апреля 1943 года была предпринята попытка взорвать стену гетто, но она оказалась безуспешной. 4 мая 1943 года глава польского правительства в изгнании Владислав Сикорский в радиобрещении к жителям Польши призвал их оказывать сопротивление немцам и помогать их жертвам (в том числе евреям).

С другой стороны, АК относилась к намерениям евреев сражаться достаточно скептически, несмотря на настояния горячего сторонника польско – еврейского сотрудничества Генрика Волиньского (Вацлава), референта по еврейским делам при Главном командовании АК. Но командующий АК Стефан Ровецкий сообщал в 1943 году главе польского правительства в изгнании Владиславу Сикорскому о том, что «евреи из различных коммунистических групп просят у АК оружия, как будто бы у нас его полные склады», и добавлял, что дал евреям «на пробу» несколько пистолетов, хотя и не уверен, что они будут использованы.

Лишь первые попытки вооружённого сопротивления евреев в гетто в январе 1943 года убедили Ровецкого в том, что оружие, переданное евреям, не останется неиспользованным. В феврале 1943 года Ровецкий отдал приказ по всей стране оказывать помощь жителям гетто в вооружённом сопротивлении немцам. Однако командиры АК, как правило, саботировали это распоряжение.

Другие организации

Польская Organizacja Wojskowa уже в 1940 году передала в гетто 40 пистолетов, патроны и гранаты. Кроме того, активисты OW провели в гетто несколько запряжённых в телеги лошадей (которые были пущены на мясо), поставляли продовольствие и информировали жителей гетто о событиях за его пределами. После начала восстания OW передала в гетто ещё 2 станковых пулемёта, не менее 10 ручных пулемётов, 3 лёгких пулемёта, 20 автоматов, 100 пистолетов, 1 тыс. ручных гранат, патроны.

Варшавская организация Гвардии Людовой установила контакты с еврейским антифашистским подпольем в варшавском гетто в феврале 1942 года, для связи с ним в гетто был направлен Петр Кортин (Анджей Шмидт), со стороны командования GL была оказана помощь в создании секции ППР, типографии и еврейской боевой группы. Секретарь организации ППР в варшавском гетто Э. Фондаминьский являлся членом штаба восстания. В состав штаба ŻOB от комитета ППР вошёл Михал Ройзенфельд (Михал Бялы). Также в гетто были переданы продукты питания, медикаменты и некоторое количество оружия. После начала восстания GL были предприняты попытки оказать помощь восставшим, совершив нападения на патрули, охранявшие периметр гетто, но боевые группы понесли потери.

20 апреля 1943 года группа GL под командованием Ф. Бартошка атаковала пост, охранявший периметр гетто, ими был уничтожен тяжёлый пулемёт.

Ночью 29 апреля 1943 года при выполнении боевой операции погиб один из руководителей варшавской организации Гвардии Людовой, Эдвард Бониславский (атакованный патруль был уничтожен, но на выстрелы прибыло подкрепление).

Кроме того, с целью отвлечь силы гитлеровцев от участия в операции, были предприняты несколько акций в других районах Варшавы: в ночь на 22 апреля 1943 года бойцы GL разрушили железнодорожные пути и подожгли вагоны военного эшелона.

23 апреля 1943 года бойцы GL забросали ручными гранатами автомашину с жандармами на улице Фрета.

Кроме того, члены варшавской организации GL организовали тайную эвакуацию из гетто нескольких десятков евреев, в том числе детей.

29 апреля 1943 года коммунисты В. Гаик и Ф. Ленчицкий вывели через подземные каналы 40 членов ŻOB, которые были переправлены в леса.

8 мая 1943 года В. Гаик и Ф. Ратайзер начали вторую операцию по эвакуации, которая продолжалась более 30 часов. В результате 10 мая 1943 года были выведены ещё 34 повстанца ŻOB (в том числе – член штаба ŻOB Цивья Любеткин).

10 мая 1943 года началась третья операция, однако она была неудачной: погибли коммунисты Р. Мусельман и Ю. Золотов, которые вернулись в гетто, чтобы вывести через подземные коммуникации ещё одну группу повстанцев.

Подпольная организация «Корпус безопасности» (Państwowy Korpus Bezpieczeństwa) передала повстанцам некоторое количество боеприпасов.

Кроме того, подпольщикам гетто помогали Социалистическая боевая организация (СОБ), возглавляемая Лешекком Раабе, и примыкавшая к АК молодёжная организация «Серые шеренги», в которой выделялся дружеским расположением к евреям Александр Каминьский.

Ну, и конечно, главный герой Варшавского гетто, руководитель Еврейской боевой организации Мордехай Анелевич, подпольная кличка Малахи (польск. Mordechaj Anielewicz), активно сотрудничавший с зарождавшейся коммунистической Гвардией Людовой. После

войны он был посмертно награждён польскими орденами: Крестом Храбрых (Армия Крайова, 1944) и Крестом Грюнвальда 3-ей степени (1945, Народное войско польское). В годы войны имя Анелевича носил также отряд Гвардии Людовой, созданный в основном из выживших бойцов Варшавского гетто.

В Варшаве на месте последних боёв восставших евреев установлен памятник героям гетто. В его честь названа одна из улиц города, на которой во время оккупации находилась тюрьма – концлагерь Генсиувка.

Тему совместной еврейско – польской борьбы можно было бы продолжать. Но и так ясно, что она была и в значительных масштабах.

К сожалению, была и тёмная страница в еврейско – польских отношениях, чёрная полоса чудовищных преступлений против еврейского народа, которые имели парадоксальное продолжение даже после окончания войны.

Ракетный террор

На сегодняшний день стала привычной невыносимая ситуация, при которой на мирные израильские города время от времени обрушиваются удары тысяч ракет, выпускаемых террористической организацией «Хамас» из сектора Газа. Я бы хотел обратить внимание читателей на то, что первым ракетным террористом в мире был не кто иной, как Адольф Гитлер. Так что исламские фанатики не изобрели ничего нового, их образ мышления практически не отличается от человеконенавистнического мировоззрения нацистов.

* * *

Генерал Вальтер Дорнбергер, руководивший в Третьем рейхе экспериментальной программой по созданию дальнобойных ракет, в книге «Фау-2. Сверхоружие Третьего рейха», пишет:

«Внезапно распахнулась дверь, и мы услышали чей – то возглас: «Фюрер!». Появился Гитлер в сопровождении Кейтеля, Йодля, Буле, Шпеера и личных адъютантов. Больше никто не был допущен в это помещение. Меня поразила перемена в Гитлере. Просторный черный плащ с капюшоном прикрывал его сутулые плечи и согбенную спину. На нем были китель мышинового цвета и черные брюки. Лицо выглядело усталым. Жили только глаза. От них на лице, покрытом нездоровой бледностью от постоянного пребывания в закрытых помещениях и убежищах, остались, как казалось, только зрачки.

Отрывисто поздоровавшись с нами, он сел между Кейтелем и Шпеером в первом ряду кресел амфитеатра. После нескольких моих вступительных слов в помещении медленно померк свет. На экране возникла картина исторического взлета «А-4», который в то время так восхитил нас, а потом и всех, кто видел его. Комментарии давал фон Браун. Зрелище было потрясающим. Пришли в движение огромные, почти 30 метров вышиной, раздвижные ворота большого сборочного зала испытательного стенда номер 7. На могучей металлической раме ракета «А-4» в полной сборке поползла к стартовой площадке, где ей предстояло пройти статическую проверку. Она воздвиглась над большим туннелем с водой для отвода раскаленных газов, утопленным в земле. Рядом с гигантской конструкцией лесов, напоминающих дом на колесах, люди казались муравьями. Прошла статическая проверка, когда ракета удерживалась на месте специальными упорами; крупным планом был показан механизм управления стабилизаторами. Затем ракета была погружена на подвижный лафет, предназначенный для полевых условий. Испытания на прямых и извилистых участках дороги доказали, что ракету без труда можно перемещать с места на место.

Солдаты, управляющие гидравлическим подъемником, поставили ракету, конструкция которой была на удивление проста, на стартовый стол в вертикальном положении. Гидравлическая техника транспортера управлялась с 14-метровой ракетой весом 4,5 т, как с игрушкой. Затем была показана последовательность процедуры заправки и подготовки к запуску, еще раз доказавших, что ракету можно использовать в полевых условиях. И наконец, подошла пора запуска. Уникальные крупные кадры показали, как ракета снимается со стартовой позиции и, стоя на хвосте пламени, начинает вертикальный подъем. Различные этапы подготовки и старта ракеты были показаны в замедленном режиме.

За кино – и фотодокументами последовали мультипликационные картинки траектории полета с указанием скорости, высоты и расстояния, достигнутых в этот день.

Последние несколько футов ленты демонстрировали в ритме рапида ключевые моменты всей операции: прибытие стартовой команды на испытательный стенд, статическая проверка,

работа командного пункта и, наконец, сам запуск. В конце фильма появились слова, заполнившие весь экран: «Мы всё же это сделали!»

Фильм завершился. Комментарии фон Брауна смолкли. Наступило молчание. Никто не осмеливался произнести хоть слово.

Бросалось в глаза, что Гитлер был тронут и возбужден. Погруженный в свои мысли, он откинулся на спинку кресла, рассеянно глядя куда – то в пространство. Когда спустя какое – то время я пустился в объяснения, он с самого начала внимательно слушал меня, не скрывая неподдельного интереса. Казалось, что прежде, чем я произносил слова, он по моему лицу и губам читал их. Время от времени он качал головой или кивал, соглашаясь.

Я кратко подвел итог сегодняшнего положения дел, рассказал, как это оружие может быть использовано и что для этого необходимо сделать. Затем объяснил процедуру запуска из большого бункера и с подвижных установок. От темы промышленного выпуска – я привел данные по объему выпуска и графикам поставок – я перешел к вопросу о стартовых командах, как их надо комплектовать и готовить. С помощью наших моделей, чертежей и карт я старался создать впечатляющую картину наших трудов, которые годами не давали нам перевести дыхание.

Во время моей речи Гитлер вскочил с места и подошел к столу, на котором мы устроили небольшую выставку наших моделей. Он непрерывно переводил взгляд с них на меня. Наконец я сказал все, что считал нужным, и, замолчав, стал ждать вопросов.

Гитлер подошел и пожал мне руку. «Я благодарю вас, – сказал он шепотом. – Почему же я не верил в успех вашей работы? Если бы такие ракеты были у нас в 1939 году, не пришлось бы вести эту войну... – Его взгляд, казалось, снова растворился в пространстве. Теперь он больше не смотрел на меня, а лишь шевелил губами. – И Европа, и мир теперь станут слишком малы, чтобы вести войны. При таком оружии человечество их не выдержит»».

Трудно представить себе, каким именно размышлениям предавался бесноватый фюрер в эти минуты. Нам доподлинно известно лишь то, что он весьма впечатлился демонстрацией технических достижений своих конструкторов и дал зеленый свет на форсирование работ по массовому выпуску ракет. Что двигало им в этот момент?

Министр вооружений Третьего рейха, Альберт Шпеер, в своих мемуарах написал, что Гитлер, «одержимый жадной мести, решил использовать новые ракеты для обстрела Англии».

Очевидно, где – то глубоко в подсознании диктатора прочно засели воспоминания о том, как во время Первой мировой войны германские цеппелины наводили ужас на англичан, терроризируя их бомбардировками с воздуха.

Кроме того, доктрина «Дуэ» (доктрина ведения войны путем тотального уничтожения промышленности вражеской страны глубоко в тылу, а также в прифронтовой полосе массированным применением бомбовых ударов с воздуха) была весьма популярна у нацистов, особенно в начале Второй мировой войны. Расправившись с Францией в 1940 году, в победном угаре рейхсмаршал Геринг уверял Гитлера в том, что вполне возможно нанести поражение Британии силами одной только авиации, уничтожив английский флот, армию и промышленность с воздуха. Результатом развернувшейся в воздухе «Битвы за Англию» летом – осенью 1940 года было первое поражение нацистов, похоронившее план вторжения в Великобританию под кодовым названием «Морской лев». Тем не менее, потери гражданского населения в результате налётов составили 92 566 человек, а экономике Британии был нанесен серьёзный ущерб. На момент демонстрации Гитлеру возможностей ракетного оружия решающее превосходство в воздухе уже перешло к союзникам по антигитлеровской коалиции. Но крылатые и баллистические ракеты, казалось, открывали новые возможности для террора мирного населения. Поэтому Гитлер ухватился за этот шанс если и не победить, то по крайней мере заставить Англию и США заключить с ним сепаратный мир.

Нацистские ракеты были двух типов: Aggregat-2 и Aggregat-4. Но в историю они вошли под названием «Оружие возмездия» (Vergeltungswaffe) или просто Фау.

Фау-1 (Vergeltungswaffe-1, Оружие возмездия-1) – управляемая крылатая ракета. Масса Фау-1–2 200 кг, длина 7,5 м, максимальная скорость 600 км/ч, дальность полета до 370 км, высота полета 150–200 м. Боевая часть содержала 700 кг взрывчатого вещества. Запуск производился с помощью 45-метровой катапульты (позднее проводились эксперименты по запуску с самолета). После старта включалась система управления ракетой, которая состояла из гироскопа, магнитного компаса и автопилота. Когда реактивный снаряд оказывался над целью, автоматика выключала двигатель, и ракета планировала к земле. Двигатель Фау-1 – пульсирующий воздушно – реактивный – работал на обычном бензине.

Жители Лондона прозвали германские крылатые ракеты «жужжащими бомбами» из – за характерного звука пульсирующего воздушно – реактивного двигателя. Перед самым взрывом двигатель замолкал, и эти несколько секунд тишины, как рассказывают уцелевшие свидетели, были самыми страшными. Жужжащий звук этого самолета – снаряда жители Лондона впервые услышали ранним утром 13 июня 1944 года. В тот день немцы выпустили по Англии десять Фау-1.

Хотя лишь четыре из них долетели до Британии, тем не менее одна ракета упала на одной из центральных улиц Лондона, убив шесть человек.

После этого ракеты стали падать на Англию ежедневно. Самым тяжелым днем оказалось 2 июля 1944 года, когда Ла – Манш пересекла 161 ракета Фау-1.

Всего было запущено около 10 тыс. Фау-1, из которых лишь около 3 тыс. долетели до Англии.

В своих мемуарах «Вторая мировая война» У. Черчилль пишет: «С течением времени все районы Лондона подверглись бомбардировке. Наибольший ущерб был причинен районам, простирающимся от Степни и Поплара на юго – запад до Уондсуорта и Митчема. Из отдельных районов больше всего пострадали Кройдон, на который в течение одного дня было сброшено восемь бомб, затем Уондсуорт, Льюисхем, Камберуэлл, Вулидж и Гринвич, Бекенхем, Ламбет, Орпингтон, Кулдсдон и Перли, Уэст – Хэм, Числхерст и Митчем. Около 750 тыс. домов было повреждено, причём 23 тыс. уже нельзя было восстановить. Хотя Лондон пострадал больше всех, жертвы и разрушения были и во многих других городах».

Далее он пишет: «По расчетам Гитлера, это новое оружие должно были иметь «решающее» значение в осуществлении его сумасбродного плана достижения мира. Даже его военные советники, которые были менее одержимыми, чем их хозяин, надеялись, что муки Лондона заставят нас использовать часть наших армий для обреченного на гибель десанта на побережье Па – де – Кале в попытке захватить пусковые площадки. Однако ни Лондон, ни правительство не дрогнули, и 18 июня я мог заверить генерала Эйзенхауэра, что мы выдержим испытание до конца и не просим никаких изменений его стратегии во Франции».

Фау-2 (Vergeltungswaffe-2, Оружие возмездия-2) – одноступенчатая баллистическая ракета. Длина – 14 м, вес 13 т, из которых 800 кг приходилось на боевую часть со взрывчатым веществом. Жидкостный реактивный двигатель работал и на жидком кислороде (около 5 т), и на 75-процентном этиловом спирте (примерно 3,5 т). Расход топлива составлял 125 л смеси в секунду. Максимальная скорость – порядка 6000 км/ч, высота баллистической траектории – 100 км, радиус действия до 320 км. Запуск ракеты осуществлялся со стартового стола вертикально. После отключения двигателя включалась система управления, гироскопы отдавали команды рулям, следуя указаниям программного механизма и прибора измерения скорости.

Первая запущенная гитлеровцами ракета Фау-2 долетела до Лондона, на одной из центральных улиц которого она и разорвалась, поразив главный газопровод города. Раздался оглушительный взрыв, все дома, находившиеся вблизи от эпицентра, были полностью или частично разрушены. На месте падения ракеты образовалась воронка глубиной не менее 8 м. Эффект применения нового оружия был воистину устрашающим.

Однако в дальнейшем эффективность боевого применения Фау-2 была крайне мала: ракеты имели малую точность попадания (в круг диаметром 10 км попадало только 50 % запущенных ракет) и низкую надёжность (из 4 300 запущенных ракет более 2 000 взорвались на земле или в воздухе при запуске, либо вышли из строя в полёте).

Черчилль пишет: «Общее число жертв в Англии в результате взрывов Фау-2 составило 2 724 убитыми и 6 467 серьезно ранеными. В среднем каждый снаряд Фау-2 вызывал примерно в два раза больше жертв, чем самолет – снаряд. Хотя боевой заряд у них был приблизительно одинаковых размеров, резкий звук, издаваемый двигателем самолета – снаряда, служил сигналом для населения спешить в укрытие. Ракетный же снаряд появлялся бесшумно».

Если у нацистов и могли возникнуть иллюзии о том, что при помощи нового оружия можно реализовать доктрину тотального уничтожения тылов противника (поскольку ракеты находились в процессе разработки и можно было ожидать некоего технического прорыва), то у руководства террористической организации «Хамас» таких мыслей не может возникнуть по определению. Технические характеристики ракет, состоящих на вооружении этих духовных наследников Гитлера, давно изучены. Никакого неожиданного эффекта они не могут явить. Ракеты, имеющиеся в арсеналах террористов из сектора Газа, можно разделить на 4 группы:

1. Твердотопливные неуправляемые ракеты «Касам» и их многочисленные модификации: «Кассам-1», «Кассам-2», «Кассам-3» и «Эль – Кудс-101». Хотя это и кустарное производство, тем не менее последние модели этих ракет могут пролетать расстояние до 18 км.

2. Реактивные системы залпового огня (РСЗО) иранского производства с компактной 12-ствольной установкой со снарядами калибром 107 мм (длина 0,84 м, масса до 20 кг, дальность полёта до 10 км). Эти ракеты мобильны и малой массы. Поэтому их можно использовать почти как ручное оружие.

3. Реактивная система залпового огня БМ-21 «Град», дальность поражения цели от 20 до 40 км. Это очень эффективное и мощное оружие. «Град» укомплектован 122-мм осколочно – фугасным снарядом, который способен уничтожить живую силу, боевую технику и узлы сопротивления противника. Использование этого оружия против мирных городов имеет невероятный устрашающий эффект, попадание даже одного снаряда в жилой дом оставляет от него лишь руины.

4. Иранские реактивные установки «Фаджр-5», получившие у «Хамаса» название М-75. Эта установка стреляет реактивным снарядом (калибр 333 мм) длиной 5,5 м, масса установки – 915 кг, масса снаряда 90 кг, радиус действия 70–80 км. Модификации этих установок Р-160 позволяют обстреливать гражданские объекты на расстоянии до 180 км.

Всё это типичное оружие террора, направленное на убийство мирных граждан Израиля.

* * *

В целом же У. Черчилль охарактеризовал использование ракетного оружия нацистами как «бессмысленную бомбардировку». Но мне кажется, что он был прав лишь отчасти. Нацисты сознательно сделали своим главным оружием террор, а моральные нормы отвергли, как химеру. Правящие в секторе Газа террористические организации всё больше и больше становятся похожи на гитлеровцев. После терактов 11 сентября в США президент Дж. Буш – младший использовал выражение «исламофашизм» в официальном заявлении: «Противостояние терроризму – первостепенная задача XXI в. Это только начало длительной борьбы с идеологией, идеологией реальной и глубокой. Это – исламофашизм. Он выступает в разных обликах, но его последователи применяют единую тактику, направленную на уничтожение людей и имущества ради воцарения хаоса, в надежде на то, что их видение мира станет доминирующим на Ближнем Востоке». Американский философ, политолог, политический экономист и писатель Френсис Фукуяма ещё в 2002 году утверждал, что сегодняшний «конфликт цивилиза-

ций» – это не просто борьба с терроризмом и не борьба с исламом как религией или цивилизацией, а скорее «борьба с исламофашизмом», то есть с радикально нетерпимой и, как он пишет, «антисовременной доктриной», отрицающей ценности западной цивилизации, которая получила распространение во многих частях исламского мира. События последних лет в Сирии, Траке, секторе Газа и т. д. полностью подтверждают слова бывшего американского президента и теорию Фукуямы.

В своей работе «Тоталитарная диктатура и автократия», написанной в 1965 году, Карл Фридрих и Збигнев Бжезинский на основе сравнения сталинского СССР, гитлеровской Германии и фашистской Италии под властью Муссолини сформулировали девять признаков, определяющих тоталитарное общество:

1. Наличие единственной партии, как правило, руководимой диктатором, которая сливается с государственным аппаратом.
2. Крайне высокая роль государственного аппарата, проникновение государства практически во все сферы жизни общества.
3. Отсутствие плюрализма в средствах массовой информации.
4. Большая роль государственной пропаганды, манипуляция массовым сознанием населения.
5. Отрицание традиций, в том числе традиционной морали, и полное подчинение выбора средств поставленным целям (построить «новое общество»).
6. Массовые репрессии и террор со стороны силовых структур.
7. Уничтожение индивидуальных гражданских прав и свобод.
8. Централизованное планирование экономики.
9. Почти всеобъемлющий контроль правящей партии над вооружёнными силами.

Несомненно, что по большинству пунктов ситуация в секторе Газа соответствует такому определению. Как и в знаменитом романе Дж. Оруэлла «1984», непрекращающаяся война с Израилем нужна «Хамасу» исключительно ради тотального контроля за гражданами и сохранения своей жалкой власти. «Хамас» последовательно выступает против самого факта существования Израиля, жестоко расправляясь со всеми, кто придерживается иной точки зрения. И хотя лозунги исламистов заведомо нереальны, тем не менее свершившимся фактом стала тотальная исламизация всего сектора Газа и превращение его граждан в заложников преступного режима. Лидеры «Хамаса», как и гитлеровцы, не задумываясь ни на минуту, цинично используют своих собственных мирных жителей, словно спички для растопки конфликта. Не жаль им, естественно, и мирных жителей Израиля. Причём абсолютно не важно, погибнут ли в результате обстрелов евреи или арабы. Важен результат – убитые и раненые, разрушенные дома и предприятия. Главной же их задачей является вселить ужас в сердца людей.

Террор давно стал важным оружием в руках радикальных исламистов. Однако нет сомнения, что результатом применения ракетного оружия для террора может быть лишь полное уничтожение «Хамаса». Если бы исламисты хоть немного изучали историю, то поняли бы это на примере нацистов, которые своими безумными обстрелами вызвали неизбежное возмездие со стороны войск союзников. Стратегические бомбардировки Германии, прерванные весной 1944 года, возобновились с новой силой после варварских ракетных ударов нацистов по Лондону, причём исключительно в рамках библейской заповеди: «Око за око, зуб за зуб» (Левит 24:19–20). В середине сентября 1944 года стратегические бомбардировки Германии снова стали приоритетными для ВВС союзников. ВВС США бомбили Германию днем, а авиация Великобритании – ночью. Сначала бомбили только промышленный Рур, а потом начались атаки на Берлин, Кассель, Майнц, Пфорцхайм. Кульминацией стало уничтожение Дрездена. Это было неизбежное возмездие, а гибель мирных немцев, как и мирных англичан, осталась полностью на совести нацистов. Точно так же и сейчас за гибель мирных палестинцев в результате военной опе-

рации от огня АОИ, как и израильских граждан от хамасовских ракет, в полной мере несет руководство террористов «Хамаса».

В новейшей истории можно вспомнить недоброй памяти Саддама Хусейна, который обстреливал Израиль ракетами «Скад», взрывающимися в Тель – Авиве и Хайфе. Обстрелы продолжались почти два месяца, однако Израиль проявил в тот раз сдержанность, а авиация НАТО вскоре стерла в порошок армию Саддама. Даже война в Заливе не научила иракского диктатора уму – разуму, он продолжил свои оскорбительные высказывания в адрес Запада, и в результате Ирак был занят американцами, а Саддам закончил свои дни, болтаясь в петле.

Печальная участь иракского диктатора никак не повлияла на исламистов, в 2006 году «Хизбалла» в ходе Второй ливанской войны обстреливала север страны, по территории Израиля было выпущено около 4 000 ракет. В ответ АОИ нанесла ряд ударов по террористам, а ВВС стерли с лица земли все известные разведке строения «Хизбаллы» и дома террористов в шиитских кварталах Бейрута, сотни боевиков были убиты в боях. С тех пор «Хизбалла» утратила свою активность.

Террористам «Хамаса» стоит понять простую вещь: да, ракетные обстрелы Израиля наглядно показали, насколько уязвимы коммуникации страны, а главное – мирное население. Но именно это делает неизбежным полное уничтожение всей инфраструктуры террора, несмотря на уже привычное осуждение Израиля со стороны ООН. Руководству страны, причём неважно, левому или правому, при наличии стратегической угрозы государству неизбежно придется отдать приказ о полном искоренении гнезда террора. Увы, тогда палестинцам придется заплатить большую цену, поскольку неизбежны большие потери среди мирного населения. Можно ли это предотвратить? Разумеется. Для этого нужно лишь лишить террор оправдания в глазах общественности, как писал Л. Н. Толстой: «Если сила плохих людей в том, что они вместе, то хорошим людям, чтобы стать силой, надо сделать тоже самое». А главное – дать понять главарям террористов, что за свои преступления им придется платить не жизнями других, а своей собственной жизнью.

Катастрофа и героизм. Маша Брускина, Минск, 1941 год

Работу над продолжением рассказа о восстании в лагере смерти Собибор и подвиге Александра Печерского мне неожиданно пришлось отложить из – за начавшейся в социальных сетях дискуссии после публикации первой части. Неожиданно я стал получать отклики даже от мало-знакомых и незнакомых людей, которые начали делиться воспоминаниями своих родственников старшего поколения. Буквально у всех на передний план выходит горькая обида за то, что в Советском Союзе подвиги и великие свершения их родных в грозные годы войны (да и после тоже) никак не поощрялись и, более того, сознательно замалчивались властями. Происходило планомерное выхолащивание истории, в которой героям – фронтовикам, труженикам тыла, партизанам и подпольщикам, организаторам антинацистских восстаний в гетто и лагерях уничтожения **еврейской национальности** не оставалось места. Увы, такова была политика государственного антисемитизма в СССР.

Внезапно в памяти возник светлый образ моего глубокоуважаемого и любимого родственника, Аркадия Бржозовского (ברוך), который навсегда ушёл от нас в 2009 году. Это был потрясающий человек, эрудит и умница, искрящийся дружелюбием. Все родственники его просто обожали и всегда ставили в пример детям как образец порядочного и интеллигентного человека. Великолепный журналист, талантливый поэт и прозаик. О нём можно говорить бесконечно, но одно качество я хотел бы отметить особо: он никогда не проходил мимо чужого горя, обладал повышенной чувствительностью, что сказалось на его сердце, которое в конце концов не выдержало внутреннего горения...

Последний раз мы с ним встречались в Иерусалиме в середине 90-х годов минувшего века, когда он в составе белорусской делегации приехал на международную книжную ярмарку. Не вдаваясь в подробности нашей встречи, скажу лишь, что я предложил ему посетить музей Катастрофы «Яд ва-Шем» и во время поездки туда стал жарко рассказывать ему про основные моменты геноцида еврейского народа (Холокост), которые в бывшем СССР старательно замалчивали. Аркадий Самуилович грустно посмотрел на меня и сказал: «Максим, но ведь я это давно уже всё знаю». Лишь тогда я вспомнил, КТО стоит передо мной, – человек, заслуги которого перед еврейским народом начались ещё тогда, когда я ещё пешком под стол ходил. Он встречался и брал интервью у людей, которые могли рассказать про Холокост не в пересказе...

Тогда он с невыразимой грустью поведал мне жуткую историю сознательного замалчивания советскими властями подвига минчанки Маши Брускиной из – за её еврейского происхождения. А также рассказал мне и о том, что эта история вовсе не являлась исключением из правил, отнюдь, это была сознательная антисемитская политика СССР. Я тогда подумал, что война, выходит, не была окончена в 1945 году. Я не ошибся, преступления прошлого продолжают убивать и сегодня, но об этом позже.

1

Уинстон Черчилль в книге «Вторая мировая война» пишет о том, что летом 1932 года в связи с работой над книгой «Жизнь Мальборо» он посетил Нидерланды и Германию. В Германии – тогда ещё Веймарской республике – он поселился в отеле «Регина». Здесь с ним встретился нацист по имени Эрнст Франц Седжвик Ганфштенгель (Ernst Hanfstaengl), один из друзей и последователей Гитлера. Он мечтал организовать встречу своего кумира со столь видным английским политиком, как Черчилль. Но сэр Уинстон задал вопрос: «Почему ваш вождь так жестоко ненавидит евреев? Я могу понять ожесточение против евреев, которые в чем –нибудь провинились или выступают против своей страны, мне понятно также, когда противодействуют их попыткам захватить господствующее положение в какой бы то ни было области. Но как можно быть против человека только потому, что он от рождения принадлежит к той или другой нации? Разве человек властен над своим рождением?»

Нацисты таких вопросов не задавали. В том далёком 1932 году нацистская партия лишь набирала силу, Ганфштенгель был всего лишь одним из миллионов антисемитов, которых пруд пруди во всех странах мира. Однако, придя ко власти, эти люди объявили еврейский вопрос основным в своей политике. Шесть лет их диктатуры ознаменовались последовательной

демонизацией и невиданным преследованием евреев Германии. После начала Второй мировой войны даже Хрустальная ночь показалась детским праздником. Всюду, где ступала подошва нацистского солдата, евреев ожидала лишь одна участь – смерть. Эвфемизм «окончательное решение еврейского вопроса» скрывал план планомерного геноцида. Впрочем, иногда нацисты и не скрывали своих замыслов, а выражались предельно ясно, как сегодня иранские аятоллы в отношении Израиля. Например, ещё 30 января 1939 года Гитлер, который буквально горел идеей реваншизма и жаждал новой войны, громогласно провозгласил с трибуны Рейхстага, что если евреи ввергнут Европу в войну (заранее делая из них козла отпущения собственных преступлений), то «результатом войны будет не большевизация мира и, следовательно, триумф еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе».

Работа над историческими материалами может повергнуть любого человека в шоковое состояние, поскольку представляется совершенно невероятным, до какой низости может пасть человек, на какие преступления он способен... Зверства нацистов были настолько чудовищны, что не поддаются никакому логическому объяснению. У меня лично создалось впечатление, что это не германские войска перешли границу и атаковали СССР в 1941 году, а стая бешеных псов, которая повсюду сеяла смерть и разрушения. Впрочем, мёртвая голова с костями на фуражках эсэсовцев являлась вполне адекватным символом того, что несли орды нацистов народам мира.

2

22 июня 1941 года нацистская Германия неожиданно для всех разорвала союз со Сталиным и напала на Советский Союз. Повторилась ситуация сентября 1939 года, когда два хищника набросились на Польскую республику, только на этот раз один хищник, коричневый, впился клыками в горло другого, красного. За несколько месяцев ожесточённых боевых действий безжалостными захватчиками была оккупирована территория, на которой до войны проживало около трёх миллионов евреев. Лишь немногим удалось спастись бегством и эвакуироваться на восток, поскольку никто не мог предположить столь скорого разгрома войск Красной армии и стремительного продвижения нацистов вглубь советской территории.

«Приграничное сражение» было полностью проиграно Красной армией, нацистские войска захватили невероятное количество пленных и боевых трофеев, уничтожили тысячи советских танков и боевых самолётов, а линия фронта стремительно катилась на восток. Советские солдаты попадали в котлы, из которых невозможно было вырваться, погибали или сдавались. Нацисты воспользовались ошеломляющим эффектом внезапности своего нападения на недавнего союзника не только для того, чтобы деморализовать и разгромить Красную армию, но и для незамедлительной реализации своего преступного плана физического уничтожения всех Untermensch («недочеловеков»), то есть, согласно нацистской идеологии, «низших людей», прежде всего – евреев. Еще в 1935 году рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер писал: «Пока на земле существуют люди, борьба между человеком и недочеловеком будет историческим правилом; борьба, которая ведется евреями против остальных народов, если мы заглянем в далекое прошлое, принадлежит к естественному течению жизни на нашей планете. Можно легко убедиться в том, что эта борьба на жизнь и на смерть является законом природы, напоминающим борьбу инфекции против здорового организма». В брошюре *Der Untermensch*, изданной гигантским тиражом в четыре миллиона экземпляров, эта мысль военного преступника ещё более конкретизировалась: «Так, как ночь восстает против дня, как свет и тьма находятся в вечной вражде – так и недочеловек является величайшим врагом человека, господствующего в мире. Недочеловек – это биологическое существо, созданное природой, имеющее руки, ноги, подобие мозга, с глазами и ртом. Тем не менее это ужасное существо является человеком лишь частично. Оно носит черты лица подобные человеческим – однако духовно и психологически недочеловек стоит ниже, чем любое животное. Внутри этого существа – хаос диких, необузданных страстей: безымянная потребность разрушать, самые примитивные желания и неприкрытая подлость. Недочеловек – и ничего более!» От себя я хотел бы отметить, что такая характеристика очень подходит для самого Гиммлера и его подручных, а главное – для их бесноватого фюрера.

Демонизировав и объявив вне закона евреев, нацистская Германия создала первую в мире антисемитскую армию, поставившую перед собой цель тотального истребления евреев. Предварительно хорошенько обработав человеконенавистнической пропагандой свои коричневые орды, с началом вторжения в СССР нацисты приступили к уничтожению евреев неза-

медлительно, без капли сострадания и не зная жалости. В преступлениях им активно помогали коллаборационисты. Сейчас не слишком популярно об этом писать, но практически во всех оккупированных нацистами странах и союзных Третьему рейху государствах находились активные пособники гитлеровских палачей. Война, как известно, резко понижает моральную планку, а в тотальной войне этой планки для нацистов не существовало вовсе. Надо признать, что вся вина на войне без всяких ограничений в основном лежит на нацистской Германии, поскольку ещё 27 июня 1941 года нарком иностранных дел В. М. Молотов от имени советского правительства заявил о согласии с предложением «Международного комитета Красного Креста относительно представления сведений о военнопленных, если такие же сведения будут предоставлены воюющими с советским государством странами». Ответа на это не было, точнее, ответом явились неслыханные бесчинства нацистов как в отношении военнопленных (из почти шести миллионов советских солдат и офицеров, попавших в германский плен, выжило меньше половины), так и в отношении мирного населения на захваченных территориях. А позднее международные соглашения было уже бессмысленно соблюдать.

Вслед за наступающей германской армией продвигались айнзатцгруппы СС (Einsatzgruppen SS), которые с помощью местных коллаборационистов, отрядов полиции и вермахта (участие регулярных войск также долгое время замалчивалось в ФРГ) систематически уничтожали всё еврейское население Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины и России в ходе массовых казней. Чудом уцелевших после этого евреев бросали в тюрьмы, концлагеря и заключали в гетто. Для гитлеровцев это была временная мера, они лишь давали небольшую отсрочку обречённым на гибель. Не было ни малейшего шанса на спасение, несчастных ожидала лишь мучительная смерть в невиданных до этого масштабах. Айнзатцгруппами командовали офицеры из ведомства Гимmlера: полиции безопасности (Зипо) и службы безопасности (СД), тщательно подобранными карателями, которые были фанатично преданны нацистской идеологии и лично рейхсфюреру. В их задачи среди прочего входило убийство расовых (евреев и цыган) и политических (коммунистов и политработников, государственных деятелей) врагов нацистского рейха на оккупированной территории СССР. Список лиц, подлежавших уничто-

жению, включал евреев, цыган, а также коммунистов, советских партийных и государственных работников, комиссаров Красной армии. Заместитель рейхсфюрера СС, начальник полиции безопасности и СД Рейнхард Гейдрих, будущий председатель на печально известной конференции в Ванзее, постановившей уничтожить всех евреев, был более конкретен. В оперативном приказе № 8 от 17 июля 1941 года командам, которые регулярно проверяли лагеря военнопленных, он дал следующие указания: «Прежде всего следует выявлять: всех крупных государственных и партийных работников, (...) всех бывших политкомиссаров Красной армии, (...) руководящих хозяйственных работников, советско – русских интеллигентов, всех евреев, всех лиц, которые установлены как подстрекатели или фанатичные коммунисты». Одновременно были истреблены тысячи людей с умственными и физическими недостатками, находившихся в больницах и лечебницах на захваченной территории. Впрочем, это была обычная практика нацистов, которую они успешно опробовали впервые на собственном, немецком населении задолго до начала войны: чистокровные немцы, страдавшие душевными болезнями, эпилепсией и прочие инвалиды объявлялись «унтерменшами» и подлежали тотальному убийству.

Систематическое и массовое физическое уничтожение евреев на оккупированных территориях Советского Союза айнзатцгруппами и батальонами германской полиции порядка (Ordnungspolizei) сегодня рассматривается как первый этап тотального убийства европейских евреев.

3

Чрезвычайно важно отметить, что евреи в СССР были совершенно не готовы к столь ужасному развитию событий, поскольку пресса в сталинском СССР почти ничего не сообщала о нацистской антисемитской пропаганде и чудовищной практике нацистов в оккупированных странах. Были распространены книги Леона Фейхтвангера «Еврей Зюсс» и «Семья Опперман», но все считали их не более чем литературным вымыслом. После подписания 23 августа 1939 года пакта Молотова – Риббентропа (Deutsch – sowjetischer Nichtangriffspakt), а особенно после раздела Польши и подписания Договора о дружбе и границе между СССР и Германией 28 сентября 1939 года нацистская Германия вообще не подвергалась никакой критике советскими СМИ. Напротив, во всех бедах винили Англию. Два диктатора – хищника тогда рвали Европу на части и до поры до времени воздерживались от того, чтобы вцепиться друг другу в горло. Поэтому в Украине, например, измученные голодомором и большевизмом жители целого ряда городов и населенных пунктов восприняли гитлеровцев подобно кайзеровской армии 1918 года и приветствовали немцев как освободителей от коммунистической тирании хлебом с солью. Поразительный пример абсолютного неведения привёл в своём рапорте от 12 июля 1941 года руководству по СС командир орудовавшей на территории Белоруссии айнзатцгруппы «В» оберфюрер СС Артур Небе (Arthur Nebe)²³: «Бросается в глаза, что евреи плохо проинформированы о нашем к ним отношении». Нацистские каратели пользовались этим и расстреливали поражённых людей, которые искренне рассчитывали на освобождение от советской диктатуры и установление нормальной жизни. Все эти ожидания оказались иллюзией.

Дело порой доходило до курьёза: из – за абсолютной неосведомлённости даже некоторые неевреи выдавали себя за евреев, поскольку ошибочно полагали, что это поставит их в привилегированное положение по сравнению с остальными. Например, в июле 1941 года нацисты пригнали, словно скот на бойню, более 100 тыс. военнопленных Красной армии в наскоро созданный импровизированный концлагерь возле местечка Дрозды, окружённый колючей проволокой и сторожевыми вышками. Пленных не кормили и вынуждали часами сидеть на земле без движения. Любая попытка пленных солдат пошевелиться немедленно пресекалась выстрелами с караульной вышки.

Пленные солдаты не в переносном, а в буквальном смысле этого слова **умирали** от жажды, беспомощно взирая на воды журчащей рядом речки. Страдания от летней жары, голода и жажды были невыносимы. «Пленные, согнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные надобности там, где стоят... По отношению к пленным единственно возможный язык слабой охраны, сутками несущей бессменную службу, это огнестрельное оружие, которое она беспощадно применяет...» «Однажды пленным, доведенным до безумия многодневным голоданием и жаждой, фашисты разрешили напиться из реки Свислочь. Те бросились к берегу толпой, и в это время охрана открыла по ним шквальный пулеметный и автоматный огонь. Горы трупов лежали потом на жаре, разлагаясь и отравляя воздух»²⁴.

Спустя несколько дней нацисты решили отделить евреев от остальных пленных. Видя в этом надежду на спасение, несколько тысяч человек от отчаяния назвались евреями. Их построили в колонны, затем погнали в гораздо более серьезно охраняемый лагерь смерти Тростенец, где всех планомерно казнили.

Такое положение дел было весьма выгодно гитлеровским палачам, поскольку их жертвы на первых порах практически не оказывали никакого сопротивления и не пытались бежать. Айнзатцгруппы следовали по пятам наступавшего вермахта и повсюду сеяли смерть. Иногда они появлялись даже в тех городах, где ещё продолжались уличные бои и устраивали резню под грохот продолжающихся боёв. В крупнейшие города Прибалтики они также вступили одновременно с наступающими войсками вермахта. На Украине – одновременно с прорвавшимися танками 1-й танковой группы (Panzergruppe I) при взятии Житомира, а айнзатцгруппа «4С» стала орудовать в Киеве уже в день его падения, 19 сентября 1941 года! Всего за два дня, 29 и 30 сентября 1941 года, эти палачи под командованием штандартенфюрера Пауля Блобеля успели расстрелять более 30 тыс. человек в Бабьем Яру. Всего по территории Советского Союза вслед за вермахтом следовало четыре айнзатцгруппы, каждая численностью равная батальону военного времени. Айнзатцгруппа «А» двигалась из Восточной Пруссии через Литву, Латвию

и Эстонию по направлению к Санкт – Петербургу. Эта группа истребляла евреев в Каунасе (Ковно), Риге и Вильнюсе (Вильно). Айнзатцгруппа «В» отправилась из Варшавы в оккупированной Польше и шла через Белоруссию к Смоленску и Минску, убивая евреев в Гродно, Минске, Бресте, Слониме, Гомеле, Могилеве и других городах. Айнзатцгруппа «С» начала операции в районе Кракова, а затем через западную Украину двинулась к Харькову и Ростову – на – Дону. В её задачи входили массовые убийства во Львове, Тернополе, Золочеве, Кременце, Харькове, Житомире и, как я уже отметил, в Киеве. Последняя из четырех групп, айнзатцгруппа «D», действовала на юге. Она осуществляла массовые убийства на юге Украины – Николаеве, Херсоне и так далее. Затем их кровавый путь можно проследить во всех крупных городах захваченного гитлеровцами Крыма. По мере продвижения нацистов вглубь территории СССР каратели совершали всё новые военные преступления, масштаб их действий не был ограничен. Основной целью были города, в которых значительный процент населения составляли евреи. Каратели врываются в населённые пункты, устраивали облавы, а затем систематически и безжалостно убивали схваченных евреев. Остальных изолировали в гетто.

Кроме массовых расстрелов карателями также активно применялись газвагены (Gaswagen), т. е. передвижные газовые камеры, установленные на шасси грузовика, в которые из выхлопной трубы грузовика подавался угарный газ, карбон монооксид, убивая всех, кто находился внутри. Смерть жертв была долгой и мучительной.

Первым местом применения таких «душегубок» стал концлагерь Хелмно в Польше, который нацисты называли Kulmhof. Массовые убийства там начались в начале декабря 1941 года. Вот как описывает этот процесс Электронная еврейская энциклопедия: «Узников привозили на площадь перед замком; шум работающих «душегубок» им объясняли тем, что это рабочий лагерь. До вселения в жилье прибывшие должны были пройти «санобработку», а всю одежду сдать «для дезинфекции». После этого их разделяли на группы по 50 или 70 человек – в каждой группе были мужчины, женщины и дети – и отводили в первый этаж здания, где приказывали раздеться. Ценные вещи складывались в особые корзины, в каждую из которых укладывалась и карточка с именем владельца. Далее узники направлялись в туннель, где висели указатели с надписями «В душевую». В конце туннеля стоял крытый грузовик с распахнутой

задней дверью кузова. Когда жертвы подходили к нему, показная гуманность охранников исчезала, узников с большой жестокостью загоняли в кузов, и дверь «душегубки» закрывалась. В Хелмно действовали три «душегубки», это были грузовики завода «Рено» – два средних и один большой; они были оборудованы герметичными кузовами шириной в 2,2 м, высотой в 2 м. Длина среднего грузовика была 4 м, большого – 5 м. Снаружи грузовики были оформлены как машины для перевозки мебели. От выхлопных труб мотора отходили специальные шланги с кранами для подачи газа в кузов. Когда 50 (в большом грузовике – 70) узников оказывались в кузове, дверь снаружи закрывали на висячий замок. Включался мотор. За десять минут жертвы погибали от удушья. После этого шланги подачи газа отключались, и грузовик направлялся в «лесной лагерь». Кроме Хелмно нацисты широко использовали Gaswagen также и в Минске (там «душегубки» действовали почти открыто, наводя ужас на жителей), а также в Киеве, Полтаве, Риге и т. д. Из докладного письма начальника полиции безопасности и СД Остланд гауптштурмфюрера Трюгеса: «Транспорты с евреями, которые должны быть подвергнуты особому способу обращения, прибывают еженедельно в управление начальника полиции безопасности и службы безопасности Белоруссии. Три газовых автомобиля, которые имеются там, недостаточны для этой цели. Я прошу, чтобы прислали ещё один газовый автомобиль (пяти тонн). В то же время я прошу, чтобы переправили 20 газовых труб для трёх автомашин, которыми мы располагаем (две – «Диамонд», одна – «Заурер»), так как имеющиеся трубы уже пропускают газ»».

Сухая статистика свидетельствует о том, что каратели преуспели в своей гнусной деятельности: уже к весне 1943 года айзатцгруппы и батальоны полиции порядка уничтожили на захваченной территории более миллиона евреев, десятки тысяч советских комиссаров, партизан, цыган и пациентов психиатрических лечебниц. Однако даже такой темп убийств показался им недостаточным, поскольку на совещании представителей правительства и руководителей нацистской партии Германии, состоявшемся 20 января 1942 года на озере Ванзее на вилле Марлир в Берлине, было чётко указано **полностью уничтожить всех евреев** в кратчайший срок²⁵. Чтобы придать ускорение процессу массовых убийств, нацисты разработали и построили стационарные газовые установки в лагерях смерти, создав настоящий конвейер смерти. Военный преступник Рудольф Гёсс (комендант лагеря уничтожения в Освенциме) свидетельствовал: «В июне 1941 года я получил приказ установить в Аушвице (Освенциме) оборудование для истребления евреев. Когда я оборудовал здание для истребления в Аушвице, то приспособил его для использования газа «Циклон Б», который представлял собой кристаллическую синильную кислоту. Другим усовершенствованием, сделанным нами, было строительство газовых камер с разовой пропускной способностью в 2 тыс. человек, в то время как в десяти газовых камерах Трешлинка можно было истреблять за один раз только по 200 человек в каждой». То есть надо признать, что пресловутое окончательное решение еврейского вопроса было принято даже не на конференции в Ванзее 20 января 1942 года, а гораздо раньше.

4

Вильгельм Кубе, сентиментальный палач Белоруссии

Чтобы лучше понять, ЧТО творили в Минске гитлеровцы, рассмотрим самую отвратительную фигуру из ряда высокопоставленных палачей. Националистически настроенный гражданин Германии по имени Вильгельм Кубе связал свою судьбу с НСДАП в 1927 году. 1 декабря ему был вручен членский билет № 71682, то есть он являлся ветераном нацистского движения.

Спустя год после вступления в партию, 13 сентября, карьера гитлеровца пошла в гору. Фюрер назначил Кубе руководителем фракции НСДАП в Рейхстаге и гауляйтером провинции Остмарк. В 1928 году Кубе возглавил нацистскую фракцию прусского парламента. Вильгельм Кубе был хорошо образован и называл себя историком. Он также мнил себя писателем, сочинял стихи и пьесы, например, его перу принадлежит историческая драма «Тотила», повествующая о короле остготов и его войне с римлянами. При каждой возможности он демонстрировал свои твёрдые антисемитские убеждения. В 1935 году в своём артикуле «О еврейском вопросе» он писал: «То, что для здорового человека означают бляшки, туберкулез или сифилис, то же самое означает еврейство для жизнедеятельности белых рас... Бациллоносители этой болезни должны быть изолированы и уничтожены». Талант антисемита получил гораздо большее признание со стороны фюрера: 29 сентября 1933 года Кубе получил звание оберфюрера СС, а 27 января 1934-го – почетного группенфюрера СС и был награжден золотым партийным значком. Несколько лет бесконечного триумфа и блистательной карьеры закончились в 1936 году: Кубе был выведен из СС за антипартийное поведение, растрату денежных средств, клевету на члена партии, а также был лишен должности гауляйтера провинции Курмарк. Основанием для такого решения послужило анонимное письмо, в котором руководитель высшего партийного суда рейхсляйтер Вальтер Бух обвинялся в том, что его жена (зятком которой оказался не кто иной, как Мартин Борман!) является наполовину еврейкой. (Стоит напомнить, что М. Борман уже тогда был одной из самых сильных фигур в иерархии Третьего рейха, так что Кубе заимел себе врага на самом верху партийной пирамиды.) Автором анонимного письма признали Кубе. И наказали: в результате пять лет Кубе нигде не работал и практически отсутствовал на политической арене. Но, помня его старые заслуги перед партией, Гитлер распорядился оставить Кубе членом партии и рейхстага, а также сохранить титул гауляйтера. Кроме того, это было частью политики Гитлера – постоянно срамливать своих соратников друг с другом, не давая получить всю полноту власти. Превратности судьбы Кубе использовал себе на пользу: бросил жену Маргарет Шмидт и детей и в возрасте 46 лет женился на молодой актрисе Аните Лиден 22 лет.

В апреле 1941 года он напомнил о себе Гитлеру, направив своему фюреру поздравление с днём рождения. Фюрер его простил, вероятно, ему импонировала бдительность соратника в еврейском вопросе. Сохранившаяся переписка по вопросу трудоустройства Кубе показывает, что проштрафившемуся гитлеровцу предлагались разные варианты. В мае 1941-го года шёл разговор о месте куратора высшей технической школы и медицинской академии в оккупированном польском Данциге, в начале июня – о месте куратора Кёнигсбергского университета.

27 июня Борман (к тому времени сменивший на посту заместителя фюрера по партии Гёсса) уведомил рейхсминистра доктора Ганса Ламмерса: «Фюрер не пожелал такого назначения гауляйтера в отставке Кубе, он желает, чтобы Кубе непременно был назначен на ответственную должность на востоке». Так после опалы он был прощён и назначен гауляйтером Белоруссии (точнее – генерального комиссариата Белорутения (Generalkommissariat Weißruthenien)).

Как же он проявил себя на этом новом поприще? В памяти жителей Белоруссии он навсегда останется кровавым палачом и маниакальным убийцей. С первых дней оккупации Минска при деятельном участии генерального комиссара установился режим тотального террора. Сам гауляйтер **постоянно** участвовал в разных репрессивных акциях. 10 июля 1942 года издал циркуляр, в котором подчёркивал, что никакая экономическая польза от евреев не превышает их опасности как партизан. Советский художественный фильм 1958 года «Часы остановились в полночь» содержит эпизод, где Кубе раздаёт конфеты детям, отправляемым на смерть. Мне лично, когда я смотрел этот фильм, это казалось «режиссерской находкой» Николая Фигуровского, то есть безусловным вымыслом, поскольку человек не мог быть таким чудовищем. Но, оказывается, что именно так и обстояли дела в оккупированном Минске... Среди прочего в отчете Гоффмана описывается то, как гауляйтер присутствовал на массовом расстреле в гетто и его «чувства» были оскорблены криками ужаса и рыданиями жертв. Гоффман докладывал в Берлин: «Кубе признаёт, что у него проявилось человеческое сочувствие, и наиболее громко рыдающему ребенку он дал 3–5 конфет, потребовал, чтобы такого рода акции проводились вне города». Этот эпизод дает ему наилучшую характеристику: **сентиментальный палач**.

Таких в нацистском рейхе было великое множество: они могли заботливо ухаживать за домашними животными и одновременно отправлять детей в крематорий. Кроме того, Кубе в короткий срок сумел рассориться с другими представителями оккупационной власти. Здесь следует отметить, что конфликт у гауляйтера с СС и другими структурами возник не только на почве еврейского вопроса. Эсэсовцы Гимmlера полагали, что Кубе являлся проводником идей, противоречащих политике Рейха, а также неоднократно жаловались на присвоение им всех властных полномочий. Например, всех коллаборационистов руководство СС намерева-

лось использовать по своему усмотрению. Кубе же всех их подчинил непосредственно себе (за исключением 13-го отдельного полицейского батальона СД (Weissruthenische – Polizei (SD) – Bataillon № 13)). Это было прямое противодействие приказу Гимmlера «О задачах полиции на оккупированных территориях» от 25 июля 1941 года. Руководство СС негодовало, но фюрера, похоже, такое положение вещей вполне устраивало – принцип разделяй и властвуй в действии.

13 июля 1941 года Гимmlер выступил перед руководителями СС в Штеттине. Среди прочего он сказал следующее: «Это война идеологий и борьба рас. На одной стороне стоит национал – социализм: идеология, основанная на ценностях нашей германской, нордической крови. (...) На другой стороне стоит 180-миллионный народ, смесь рас и народов, чьи имена непроницаемы и чья физическая сущность такова, что единственное, что с ними можно сделать – это расстреливать без всякой жалости и милосердия». А теперь посмотрим на Кубе и сравним с его риторикой.

В сентябре 1941 года Кубе опубликовал воззвание, в котором в частности говорилось: «Белорусы! Первый раз в вашей истории победа Германии дает возможность обеспечить вашему народу свободное развитие и светлое будущее без российско – азиатского угнетения и чуждого национального господства... Если белорусы хотят плодотворного созидания, то такое может быть только под защитой немецкого меча».

Это воззвание также шло вразрез с официальной политикой Третьего рейха, в которой никакого будущего для белорусов как представителей низшей расы не предусматривалось. Гимmlер чётко высказался – всех их нужно расстрелять! А историк Кубе в своих речах договорился до «нордической крови» белорусов, которую они сумели сохранить на протяжении своей тысячелетней истории! Эти слова уже граничили с преступлением в государстве расовой ненависти. Все его высказывания аккуратно записывались, шифровались и передавались в Берлин, где кроме бесноватого фюрера у него не было высоких покровителей, зато было множество врагов.

спасением, поскольку они вызывали у населения Белоруссии лишь праведный гнев и ненависть к оккупантам, массовое сопротивление и рост партизанского движения. Даже некоторую ностальгию по советской власти, по привычной и менее деспотичной сталинской диктатуре. 3 июня 1943 года Кубе переслал Розенбергу донесение представителя отдела пропаганды генерального комиссариата Лауха, принимавшего участие в карательной операции, которой командовал Курт фон Готтберг.

В сопроводительной записке Кубе писал: «Проведение пропаганды после такого рода операций, которые заканчиваются массовым расстрелом населения, совершенно бессмысленно». В дополнение к этому посланию Кубе сообщал: «Если в такой форме, как до сих пор действовала полиция, будут продолжать действовать вермахт и ОТ, то в следующую зиму мы будем иметь не только партизан, а восстание всей страны...» В ответ Кубе получил от патологического антисемита министра оккупированных территорий Розенберга выговор и строгое предупреждение.

В конце июля на стол фон Баха легла докладная начальника СС и полиции Беларуси Курта фон Готтберга. Он подробно описал обстоятельства, при которых Кубе порвал сотрудничество с СД, и об оскорблениях в адрес руководства СС. Фон Бах получил также рапорт начальника полиции безопасности и СД Эдуарда Штрауха, обвинявшего Кубе в полной несостоятельности как администратора и беспомощности как руководителя. После того, как с этими документами ознакомился Гиммлер, он переслал их Розенбергу, который возмутился и направил в Минск своего заместителя Альфреда Мейера, чтобы «серьезно предупредить Кубе». За месяц до гибели гауляйтер взялся доказывать Берлину нецелесообразность войны против гражданского населения Белоруссии (его «возмутила» карательная операция «Котбус», 13 тыс. жертв), что обострило его давний конфликт с высшими чинами СС. Как свидетельствуют документы, Вильгельм Кубе «был в шоке от массовых убийств в генеральном округе». Он направил в 1942 году письмо рейхскомиссару Остланда, в котором были такие слова: «Это недостойно немцев, недостойно Германии Канта и Гете». Когда вешали и расстреливали по его приказу – это, вероятно, было, в его понимании, весьма достойно. Видимо, в конце концов он окончательно надоел начальству своими склоками, постоянным вмешательством в директивы сверху. Кроме того, он вольно или невольно вбил клин между разными ведомствами, фактически власть в Белоруссии перешла к шефу гестапо Готтбергу – в обход партии и Розенберга. Между тем война принимала крутой оборот, Германия проигрывала, и нацистам было не до сантиментов. Самый лучший выход из положения, вероятно, представлялся начальству СС (и не только!) в том, что Кубе «ликвидируют» извне. Мне представляется интересной версия польского историка белорусского происхождения Ю. Туронка, высказанная им в книге «Беларусь пад нямецкай акупацыяй» (Минск, 1993): «Такім чынам, нельга адкінуць версіі, што пакушэнне на Кубэ падрыхтавала СС. На карысць такой гіпотэзы сведчаць наступныя акалічнасці, што вынікаюць з аналізу справаздачы Камісіі Бондарфа... Следства праводзілася усяго некалькі дзён – ужо 29.09.1943 г. шэф мінскага СД распусціў камісію... Адначасова, у надзвычайна кароткі тэрмін, былі выкрыты ўсе падпольшчыкі, што удзельнічалі ў пакушэнні на Кубэ, і ні адзін з іх не выкарыстаў магчымасці ўцячы адразу пасля гібелі гауляйтэра. Гэта сведчыла альбо пра надзвычайныя здольнасці СС, альбо пра фабрыкацыю усёй справы, тым больш што усіх сведкаў знішчылі, так што сляды былі замеценыя цалкам...» (Таким образом, нельзя отбросить версию, что покушение на Кубе подготовила СС. В пользу такой гипотезы свидетельствуют подробности, которые возникают из анализа выводов комиссии Бондорфа (штурмбанфюрер СС, криминальный советник – М. Б.)... Следствие проводилось всего несколько дней – уже 29.09.1943 г. шэф Минского СД распустил комиссию... Одновременно в чрезвычайно короткий срок были раскрыты все подпольщики, которые участвовали в покушении на Кубе, и не один из них не воспользовался возможностью бежать сразу после гибели гауляйтера. Это свидетельствовало

либо о чрезвычайных возможностях СС, либо о фабрикации всего дела, тем более что всех свидетелей уничтожили, так что следы были заметены полностью. Перевод – М. Б.).

В чём же состоял феномен Кубе, неожиданно проникшегося большой любовью и состраданием к евреям, которых раньше хладнокровно и планомерно истреблял? В том, что, увидев несколько тысяч немецких евреев, депортированных в Минск для уничтожения, неожиданно превратился в их защитника?

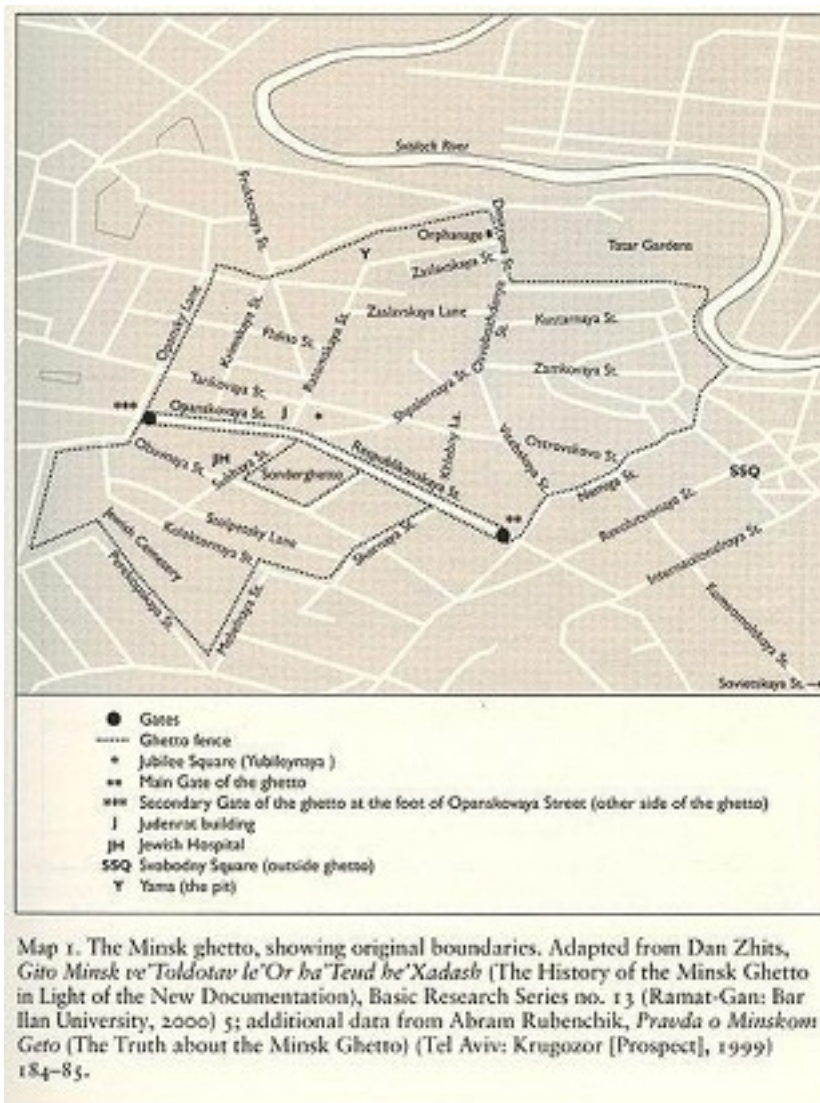
Рассмотрим факты. Кубе узнал, что среди этих евреев были бывшие немецкие солдаты Первой мировой войны, даже награжденные кайзером орденами и медалями. Тогда гауляйтер составил список таких людей и обратился в главное управление имперской безопасности с просьбой об их помиловании! Сыграл в дурака, будто бы никогда и не слышал об «окончательном решении еврейского вопроса», как будто сам никогда не сравнивал евреев со смертельной болезнью! Кубе не ограничился тем, что назвал карателей, непосредственно участвующими в убийствах, варварами. Он заменил свою эсэсовскую охрану на преданных лично ему телохранителей и стал активно саботировать приказ о ликвидации евреев где только мог. Например, на 1 марта 1942 года Штраух запланировал проведение очередной акции по уничтожению евреев, отдав распоряжение о сборе 5000 евреев в определенном месте для «переселения». От сотрудников Кубе евреи получили полную информацию об истинных целях этой операции и отсоветовали соплеменникам идти на место сбора. Так что эсэсовцам удалось арестовать лишь отдельных людей. Говоря о поведении генерального комиссара, оберштурмбанфюрер СС Штраух отмечал: «Он накричал на моих людей, обзывая их и понося всячески. Выражения «Это – свинство» и «Мы еще поговорим об этом» были самыми мягкими». Новую акцию СС (то есть массовую казнь евреев) – операцию «Котбус» – преподносили как антипартизанскую, Кубе вновь подверг её резкой критике. В своем донесении Розенбергу он назвал подобные действия «опустошительными и разорительными», так как полиция расстреливает не столько партизан, сколько обыкновенных крестьян («У 4 500 убитых было захвачено всего 492 винтовки»). Наконец, сам Гиммлер просто сиял, заявив по поводу смерти Кубе: «Это просто счастье для отечества» и «Хорошо, что его убили партизаны, иначе он кончил бы в концлагере». Но не слишком ли этого мало для того, чтобы реабилитировать этого палача?

Что же заставило его столь радикально «изменить свои взгляды»? Тут можно говорить о двух аспектах. Во – первых, маятник войны к тому времени качнулся в сторону поражения Германии. Поражение под Москвой знаменовало собой крах блицкрига и начало затяжной войны, в которой Германия была обречена на поражение. Возможно, именно поэтому, опасаясь грядущего возмездия, нацист стал строить себе алиби, выступая как борец против «перегибов». Известно, что очень многие высшие офицеры СС всеми правдами и неправдами старались уклониться от карательных функций, поскольку сходили с ума из – за своих преступлений и боязни ответственности в случае поражения Германии. Кубе мало интересовала судьба советских евреев, которых (как это видно из сохранившихся документов) он искренне считал основной социальной базой и движущей силой партизанского движения и городского подполья, а главное – из – за патологического антисемитизма. Одновременно Кубе просил не использовать его подчиненных для акций уничтожения, а возложить их на литовских и латышских полицейских, «которые чужды и местному населению». Таким образом, после разгрома он мог всё свалить на СС и на пособников из Прибалтийских республик, а самому выступить в роли оппозиционера режиму Гитлера. Такие примеры были. Уже упомянутый нацистский преступник группенфюрер СС Артур Небе, например, принимал участие в заговоре 20 июля 1944 года против Адольфа Гитлера. После провала заговора Небе удалось скрыться, поскольку никто и представить себе не мог, что генерал – лейтенант СС станет заговорщиком. Когда выяснилась его роль в заговоре, то Гитлер пришёл в неопишемую ярость и назначил за его голову вознаграждение в миллион рейхсмарок. Когда его поймали, то зверски пытали и затем повесили. Можно ли назвать этого убийцу борцом против диктатуры?

А во – вторых, трения Кубе с СС объясняются главным образом борьбой за власть и сферы компетенций. Вот отрывок из его отчета за 31 июля 1942 года: «...нами ликвидировано в Белоруссии за последние десять недель около 55 000 евреев. В области Минска еврейство полностью уничтожено, без того, чтобы поставить под угрозу обеспечение рабочей силой». Только один этот документ доказывает, что ни о каком раскаянии или изменении взглядов и речи быть не может! Кубе не изменился, он был нацистом до мозга костей, но, в отличие от прямолинейных эсэсовцев, у которых руки были по локоть в крови, он лишь предлагал применять другие методы оккупационной политики: сначала заставить поработать на фатерлянд до полного изнеможения, а только потом расстрелять. Кубе понимал, что экономике страны угрожает неминуемый крах, поскольку евреи составляли основную массу квалифицированных рабочих и мастеровых людей. Вместе с тем его возмутило и то, что эсэсовские команды приступили к своим действиям, даже не поставив его в известность.

«Гуманный» Кубе добился того, что транспорты с евреями из Западной Европы стали направлять как правило не в минское гетто, а сразу к местам уничтожения, а в гетто продолжались погромы и «акции». В сентябре 1943 года в минском гетто, насчитывавшем в начале войны около 80 тыс. человек, осталось примерно 8 тыс. Именно Кубе был главой генерального округа, где совершались, по его же выражению, «кровавые оргии», гибли сотни тысяч людей, стирались с лица земли населенные пункты вместе с жителями. Всё это ассоциировалось с его именем. Поэтому, если и можно говорить о нем как о феномене, то только в русле предельной деградации человеческой личности. Даже если он погиб в результате заговора со стороны руководства СС или партийных структур, недовольных его «либерализмом», или сознательного просчёта контрразведки, это ни в малейшей степени не реабилитирует его. Приговор Кубе и его «гуманизму» вынесла сама история, навсегда вписав в ряды самых одиозных злодеев и военных преступников.

Гетто в Минске

Известно, что самым крупным гетто в оккупированной нацистами Европе было Варшавское, где томилось в нечеловеческих условиях около полумиллиона человек еврейской национальности. Именно национальности, поскольку нацисты не считались с религиозной принадлежностью и согнали туда также всех христиан, в чьих жилах текла хоть капля еврейской крови. Профессор Чикагского университета Питер Дембовский в своей книге «Христиане в Варшавском гетто» (University of Notre Dame Press), опубликованной в 2005 году, утверждает, что таких крещёных евреев – католиков было около 5 тыс.! На территории гетто функционировало три церкви – св. Августина, Всех Святых и Рождества Пресвятой Девы Марии (известной также как церковь Кармеля). Евреи – католики были убиты вместе со всеми остальными обитателями гетто.

Гитлер бросил главные силы своих наступающих армий через Минск, Оршу и Смоленск на Москву, 28 июня фашистские танки, прорвав оборону на стыке 64-й и 100-й дивизий, ворва-

лись в Минск, так что к исходу дня столица Советской Белоруссии была захвачена. Продолжалась оккупация 1100 дней!

В 1941 году в Минске до войны проживало более 300 000 жителей, из них – 53 686 евреев. Кроме того, немалое число евреев проживало и в окрестностях белорусской столицы. Лишь небольшой части удалось эвакуироваться на восток, поэтому Минское гетто лишь немногим уступало Варшавскому, оно являлось одним из самых крупных в Европе. По количеству несчастных, обреченных на уничтожение (на территории СССР, оккупированной нацистами), оно уступало лишь Львовскому (где томилось более 136 тыс. обречённых на смерть).

Особо хочу подчеркнуть: всего в годы войны в Минске было не одно, а целых три гетто.

Первое, так называемое большое гетто, существовало с августа 1941 по 21–23 октября 1943 года. Оно включало в себя 39 улиц и переулков в районе Юбилейной площади.

Второе, малое гетто, находилось в районе завода им. Молотова (радио завод), с 1941 до конца июня 1944 года.

Третье именовалось зловещим названием «зондергетто» и располагалось на улицах Сухой и Обувной. В зондергетто были брошены тысячи евреев, депортированных нацистами из семи стран Западной, Центральной и Восточной Европы. Зондергетто существовало с ноября 1941 по сентябрь 1943 года.

19 июля 1941 года, через три недели после захвата Минска вермахтом (других дел у нацистских палачей, видимо, не нашлось), в Минске состоялось совещание командующего частями обеспечения и тылом группы армий «Центр» генерала от инфантерии (то есть генерал – полковника) фон Шенкендорфа и руководителя СС (Sicherheitspolizei и SS) генерального округа «Белоруссия» бригаденфюрера СС Ценнера, на котором рассматривались вопросы взаимодействия в процессе уничтожения евреев. В этот день комендант полевой полиции Минска подписал распоряжение комендатуры о создании гетто, которое было обнародовано на следующий день – 20 июля 1941 года.

За городом зверства нацистов начались с первого дня оккупации. Наиболее известным фактом был визит рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера в концлагеря возле Минска, который 15 августа присутствовал на массовом показательном убийстве, которое осуществлял 322-й полицейский батальон. Визитом сверхубийца оказался недоволен и приказал увеличить темпы истребления людей.

Несколько ранее, 7 июля (сами посчитайте, сколько времени прошло с момента захвата города) 1941 года, фон Шенкендорф издал Указ № 1, согласно которому вводились обязательные для ношения евреями с 10 лет нарукавные повязки белого цвета с шестиконечной жёлтой звездой Давида. В соответствии с приказом немецкого полевого коменданта Минска нацисты объявили о создании еврейского жилого района – гетто. Всего оно просуществовало два года. В городе ещё был хаос и мародёрство, а оккупанты уже обтянули колючей проволокой несколько минских улиц и насильно согнали туда сначала 80 тыс., а затем уже более 100 тыс. еврейских узников. Евреи до войны проживали во всех районах Минска, а также в его пригородах. Оккупационные власти опубликовали очередной драконовский приказ, которым обязывали евреев в течение пяти дней переселиться в районы улиц Революционная, Республиканская, Островского, Интернациональная, Колхозная, Заславская, Немига, Коллекторная, Перекопская, Обувная, Шорная, а также переулков Колхозного, Мебельного и Второго Опанского. За неисполнение приказа, как всегда, полагался расстрел на месте, поскольку иные меры воздействия нацисты не признавали. Для решения вопросов внутреннего общежития и исполнения немецких приказов, как и в других захваченных странах, был создан юденрат.

Здесь надо сделать небольшое отступление и сказать, что юденрат города Минска очень отличался от всех прочих юденратов в оккупированной нацистами Европе. В Белоруссии и Минске после большевистского переворота 1917 года, благодаря проводимой ВКП(б) политике, просто не существовало больше еврейских общин. Все они повсеместно были разрушены

большевиками ещё на заре советской власти, а в массы активно внедрялся образ нового, советского человека, стоящего вне национальности и религии. В 1938 году были закрыты последние еврейские школы, отделы и сектора.

Для меня лично настоящим откровением была экскурсия в израильский национальный мемориал Катастрофы (Холокоста) и Героизма, где создана Долина уничтоженных общин – монумент, расположенный в западной части «Яд ва-Шем», где названия более 5 000 еврейских общин, частично или полностью уничтоженных во время Катастрофы, выбиты на 107 стенах. А на территории СССР никаких общин не было, поскольку большевики уничтожили их ещё на заре советской власти. Чтобы заполнить пустоту и увековечить хоть как – то память советских евреев, дирекция музея поставила в Долине монумент, на котором выбито название – Бабий Яр.

Тем не менее нацисты преуспели в реализации своего преступного плана. Посредством насилия и угрозы расстрела на месте гетто во главе с юденратом было создано, однако нацисты достигли своей цели лишь частично: уже вскоре юденрат превратился в ячейку подполья.

Кроме того, евреев обложили данью, обязали незамедлительно сдать 30 000 червонцев «конрибуции» в городскую управу, для чего были взяты заложники.

Как я уже писал, политика нацистов в Белоруссии поощряла национализм, поскольку гитлеровцы хотели, чтобы их воспринимали как освободителей от сталинизма, а евреев – как коммунистов. Нашлись и добровольные пособники нацистов. Но этого было мало, поэтому нацисты передислоцировали в Минск батальон литовских карателей (Schutzmannschaftsbatallion), которых использовали в качестве добровольных палачей.

По свидетельствам выживших узников, гетто опоясали густыми рядами колючей проволоки, установили сторожевые вышки и круглосуточное наблюдение. Через определенные интервалы времени вдоль ограды следовали вооруженные патрули жандармерии и полиции. По тем, кто рисковал подойти к проволочному заграждению, охранники немедленно стреляли без предупреждения. Вскоре в гетто Минска согнали также евреев из близлежащих местечек и сел. Скученность населения достигла невероятных размеров. Юденрат был вынужден распределять жилую площадь из расчета полтора квадратных метра на одного взрослого человека, без учёта детей. Поэтому уже с самых первых дней в гетто сложилась невыносимая ситуация с жильем, царил невероятная скученность и антисанитарные условия, не было воды и отопления. Даже в Варшавском гетто нацисты позволили одной из санитарных компаний работать, поскольку опасались распространения эпидемий. Здесь же они вели себя иначе, с предельной жестокостью, для большинства узников смерть казалась избавлением от страданий. Например, больных тифом тайно свозили в двухэтажный дом на Обувной улице, где до войны размещался детский сад. В один из дней нацисты получили об этом информацию, окружили здание и при помощи огнеметов сожгли здание и его обитателей заживо.

К 75 000 минчан вскоре добавили 25 000 евреев – беженцев из районов Западной Белоруссии и Польши. В дополнение к этому в промежутки времени между ноябрем 1941 и октябрём 1942 годов в Минск были депортированы евреи из Германии, Австрии, Франции, нацистского «протектората Богемия и Моравия» (Чехословакии) и ряда других стран, всего 35 442 человека. Зачастую уже на вокзале несчастных ожидали «душегубки», куда их грузили, предварительно ограбив и избив. Судьба остальных была ещё более ужасна.

Каждый еврей был обязан – под угрозой расстрела на месте – носить на своей одежде специальную отличительную нашивку желтого цвета: куски желтой материи, вырезанные кружком. В Минске немцы не требовали, чтобы желтые звезды были действительно звездами. Как правило вопрос отличительного знака для евреев был прерогативой местного начальства и на различных частях оккупационной территории решался по – своему, основной же задачей оккупантов было лишить людей не только чувства собственного достоинства, но и человеческого

облика. Оповестительные знаки, голод, холод, лохмотья – всё это было лишь звеньями одной цепи.

Минское гетто не стали окружать каменной стеной, как поначалу приказал военный комендант города. В планы нацистов совсем не входило обнесение надежной стеной гетто, которое бы существовало долгое время. Они планировали лишь уничтожение, причём в предельно сжатые сроки. Поэтому гетто только оградили от основной части города колючей проволокой в пять рядов. Главные ворота, размещенные в конце Шорной улицы, охраняли немцы из Schutz Polizei и дружинники созданной нацистами еврейской службы охраны порядка Ordnungsdienst. Со временем сделали ещё несколько выходов специально для прохода рабочих колонн, где в качестве охраны дежурили дружинники из Ordnungsdienst. Именно эти, позже оборудованные выходы стали играть главную роль в движении сопротивления минских евреев. Вокруг гетто вскоре обосновались и специально созданные для казней команды. Как и на всей остальной оккупированной ими территории, нацисты и в Минске применили свою излюбленную тактику: прежде чем приступить к тотальному уничтожению еврейского населения, они ликвидировали сначала его самую активную и способную к сопротивлению часть – мужчин, начиная с самых молодых. Максимум через месяц после возникновения гетто количество его жителей превышало 100 000 человек. Наплыв в гетто неожиданно большого количества евреев в начале 1942 года стал результатом уничтожения айнцацкомандами всех еврейских общин в местечках вокруг Минска. Оттуда некоторым удавалось бежать, но как правило дороги вели их в Минск. Ещё большее количество квалифицированных рабочих из соседних сел и местечек стогнали в белорусскую столицу сами немцы. Минск стал центральным пунктом «доставки» евреев, депортированных из Германского рейха и Западной Европы. На минскую железнодорожную станцию прибывали эшелоны с евреями из разных европейских стран: Германии и Франции, Польши и Чехословакии, Венгрии и даже Греции. В уголовном деле бывшего начальника полиции безопасности и СД в Минске оберштурмбанфюрера СС Г. Хойзера, начальника лагеря смерти Тростенец, фигурировал график прибытия эшелонами обреченных на смерть из разных стран Европы за период 8–28 ноября 1941 года и за время от 11 мая до 9 октября 1942 года. Станцией назначения был Минск. Часть иностранных евреев размещали в зондергетто Минска, а некоторые эшелоны шли прямо в лагерь смерти Тростенец (бел. Малы Трасцянец), где были зверски казнены сотни тысяч человек.

Таким образом, в район Минска в 1941–1942 годах было направлено 7 транспортов с евреями из Германии (6 428 человек), 11 транспортов из Австрии (10 476 человек) и 7 транспортов из Чехии (7 000 человек). Итого, в 25 транспортах было депортировано 23 904 человека.

Основное Минское гетто пережило целый ряд массовых погромов, так называемых акций, после чего было окончательно уничтожено 21–23 октября 1943 года. Часть несчастных перевезли и убили в лагере смерти Собибор во второй половине 1943 года, а остальных расстреляли в Малом Тростенце. Относительно долгий, более чем двухлетний срок его существования объясняется несколькими причинами. Прежде всего, необходимостью использовать квалифицированную рабочую силу из гетто, которая без ограничения обслуживала тыл группы армий «Центр». Кроме того, нацисты предпочитали ликвидировать узников поэтапно, от акции к акции. Подтверждение этому мы находим в рапорте Кубе от 31 июля 1942 года, составленном на имя рейхскомиссара Остланда гауляйтера Генриха Лозе: «В Минске сохранится и в будущем наибольшее средоточие евреев ввиду скопления в этом районе большого количества военных предприятий и важной роли железнодорожного транспорта... Естественно, я и СД желали бы, чтобы еврейство в Генеральном округе Белоруссия было окончательно устранено после того, как его труд более не будет необходим вермахту – главному потребителю труда евреев». Собственно, эти строки только лишний раз подтверждают то, что я писал о Кубе выше.

Здесь следует объяснить, что такое Генеральный округ Белоруссия. Это вовсе не вся территория бывшей Советской Белоруссии. В округ вошли 68 из 192 сельских и 9 городских рай-

онов довоенной БССР с населением 3,1 млн человек, разделенные на 10 округов, по – немецки Gebiet: Барановичский, Борисовский, Вилейский, Ганцевичский, Глубокский, Лидский, Минский, Новогрудский, Слонимский, Слуцкий. Город Минск приравнивали к округу.

Минское гетто представляло собой сложную систему по массовому и систематическому уничтожению евреев. Уничтожение здесь, как уже было сказано, производилось гораздо более жесткими и менее завуалированными методами по сравнению с гетто на территории Европы. К тому же Минск представлялся нацистам идеальным местом для уничтожения европейских евреев, поскольку находился на большом удалении от Германии и вообще Западной Европы. Это, согласно логике нацистов, позволяло заняться массовым уничтожением наряду с местными евреями также и евреев, депортируемых из Рейха, без опаски навлечь на себя осуждение со стороны общественности или церкви (как это было в случае с умерщвлением людей с психическими отклонениями в самой Германии). Кроме того, благодаря целому ряду факторов, гетто в Минске просуществовало значительно больше, чем все остальные, созданные на оккупированной советской территории. Гетто в других местах исчезали благодаря нечеловеческой жестокости нацистов значительно быстрее.

Хроника гибели гетто. Из свидетельства Берты Маломед²⁶, узницы Минского гетто:

14, 26, 31 августа 1941 года

Немцы врвались в еврейские дома. С криками и побоями всех мужчин сгоняли на Юбилейную площадь, а после вывозили на Тучинку и на Широкую, где расстреливали. 31 августа забирали уже и женщин. За августовские погромы расстреляно около **5 000** человек.

7–8 и 20 ноября 1941 года

Схваченных вывозили или гнали на расстрел в Тучинку. В первый погром уничтожено от **5 000** до **18 000** человек, во второй – до **15 000** человек.

21 января 1942 года

Немцы любили приурочивать многочисленные расстрелы к знаменательным датам: в день смерти В. И. Ленина было расстреляно более **12 000** евреев.

2 марта 1942 года

Погром продолжался два дня, в течение которых часть людей убили в самом гетто, а часть вывезли и расстреляли. В этот же день, не насчитав необходимого количества людей, немцы построили детей, медперсонал и воспитателей из детского дома. Всех сбросили в яму. Погибло не менее **5 000** человек, в том числе **200–300** детей и сотрудников детского дома.

23 апреля 1942 года

Погром длился с 17 до 23 часов. Убили **500** узников гетто.

7 мая 1942 года

Ночью немцы и полиция окружили два четырехэтажных густозаселенных дома на улице Замковая и подожгли. Живьем сгорело **несколько сотен** человек.

28–31 июля 1942 года

Людей убивали в гетто, а также вывозили в душегубках, в которых узники умирали от удушья еще до прибытия на место назначения, и обычных машинах в Тростенец. Согласно показаниям свидетелей, около 30 грузовиков и 4 душегубки курсировали между гетто и Тростенцом все эти четыре дня. Уничтожено около **25 000 человек**.

21 (или 21–23) октября 1943 года

Конец Минского гетто. В ходе итоговой ликвидации гетто погибло около **22 000** человек.

Зверства нацистов, по моему глубокому убеждению, как ни странно, ускорили крах Третьего рейха. Массовые убийства требовали привлечения значительных сил полиции, формирований СС, а также отрядов коллаборационистов. А также армии! Известно, что уже с первых дней оккупации в карательных акциях была задействована целая дивизия (707-я пехотная дивизия под командованием генерал – майора Густава фон Маухенхайма – Бехтольсхайма), к 1944 году действия против партизан по числу воинских соединений уже напоминали второй

фронт. Требовались значительные технические средства. А также транспорт, что имело решающее значение на территории СССР, стране со слаборазвитой инфраструктурой. Вместо того, чтобы сосредоточить усилия на снабжении вермахта всем необходимым и своевременным подкреплением выбывших из строя частей, руководство Рейха сосредоточило усилия на массовых убийствах и терроре. Кроме того, евреи, сумевшие бежать, становились бесстрашными мстителями, и нацисты несли страшные потери.

В Минске подполье возглавил вовсе не какой – нибудь крупный партийный начальник, а Исая Павлович (Пинхусович) Казинец, белорусский инженер еврейского происхождения.

Его ближайшими помощниками по подполью были Гирш Смоляр и Михаил Гебелев, также евреи. Писатель Иван Новиков посвятил Исаю Казинцу и его соратникам по подполью книгу «Руины стреляют в упор», одну из немногих честных книг о войне в СССР. Приведу лишь один пример: в последние годы, особенно после выхода в Голливуде фильма *Defiance* с Дэниелом Крейгом, Львом Шрайбером и Джейми Беллом в главных ролях, широкую известность получили подвиги братьев Тувыи, Асаэля, Зуся и Арона Бельских. Они создали еврейский партизанский отряд, действовавший на территории Белоруссии. Братья Бельские не только спасли больше тысячи евреев, но и нанесли немалый урон живой силе и технике гитлеровцев, пускали под откос поезда. Это неудивительно, поскольку многие жители Белоруссии, особенно Западной, поначалу воспринимали нацистское воинство как освободителей от сталинской диктатуры. Страдания населения при коммунистах были ужасны, число погибших во время коллективизации и репрессий не поддаётся подсчёту. Вспомним, ведь даже во время панического бегства июня – июля 1941 года сотрудники НКВД успели расстрелять всех политических заключенных, которые сидели в тюрьмах, десятки тысяч человек в одной только Белоруссии. До войны в местечке Куропаты и прочих местах массовых расстрелов, а также в ГУЛАГе было убито огромное число невинных людей, а всего в результате сталинских репрессий ДО войны пострадало 600–700 тыс. жителей Беларуси²⁷. Так что у белорусского населения заняло некоторое время разобраться в том, что именно несёт пресловутый новый

нацистский порядок. А евреям всё стало ясно с первой минуты, их выбор был прост – победить или умереть. Впрочем, поведение нацистов вскоре всё расставило на свои места. Не только организованные властями убийства, но и индивидуальный грабёж, насилие и убийства без всякого повода мирного белорусского населения со стороны отдельных солдат и офицеров СС и вермахта вскоре стали обыденным явлением. Начальство было не против бессмысленного проявлений насилия, а напротив, всячески его поощряло. Всё это привело к массовому движению сопротивления.

Многие евреи старались перейти линию фронта и влиться в состав Красной армии, в рядах которой воевало более 500 тыс. евреев.

Всего только на территории Белоруссии действовало более 15 тыс. евреев – партизан, так что земля горела под ногами нацистов.

6

По – прежнему не нашедшим достойного признания остаётся светлый образ Маши Брускиной, да будет благословенна её память.

Маша (по не вполне проверенным данным – Мирьям) Брускина родилась в 1924 году в Минске. Поскольку большевики после октябрьского переворота последовательно и полностью разрушили всю еврейскую общинную жизнь на территории Белоруссии, то Мирьям вскоре переименовали в Машу, и она росла, как и многие другие, в полном отрыве от еврейской традиции. Мать, Людмила (Лия Моисеевна) Бугакова, работала старшим товароведом Управления книжной торговли Госиздата БССР. Отец – Борис Брускин. О Маше известно немного, лишь то, что она хорошо училась и была очень начитанной. Росла, что называется, советским человеком: была пионервожатой и даже членом комитета комсомола 28-й школы города Минска, которую закончила накануне войны, в июне 1941 года. Получить аттестат о среднем образовании она не успела, поскольку началась война и уже на шестой день с начала боевых действий Минск был захвачен гитлеровцами. С этого момента и сама Маша, и все её родственники подлежали немедленному физическому уничтожению за еврейское происхождение. Маша не собиралась безропотно ожидать своей горькой участи. Она перекрасилась в блондинку, чтобы не походить на еврейку и немедленно вступила в борьбу с озверелым врагом. Она связалась с антигитлеровским подпольем и стала выполнять посильные задания. Что именно она делала? В те страшные первые месяцы войны в плен попали миллионы советских солдат. Зачастую это были раненые бойцы, которым просто не представился случай сразиться с врагом, поскольку они в бессознательном состоянии становились лёгкой добычей нацистов. В бывшем политехническом институте разместили лазарет для раненых бойцов Красной армии. Это удивительно, но факт: из – за огромного числа военнопленных нацисты были вынуждены разместить часть даже в самом центре Минска, поскольку не существовало никакой другой возможности, все окрестности города и так были заняты. Этим немедленно воспользовались подпольщики и внедрили Машу в штат госпиталя, устроив медсестрой. Её юный возраст не внушал опасений, так что уже в самом скором времени ей удалось организовать побег группы пленных офицеров. Она помогала добывать медикаменты и провизию для раненых, участвовала в изготовлении поддельных документов, фотографировала военнопленных для фальшивых документов. Также ей удавалось доставать гражданскую одежду для военнопленных. В конце концов ей вместе с товарищами удалось организовать хорошо отлаженную схему бегства военнопленных: их снабжали фальшивыми документами, помогали бежать на конспиративные квартиры (в семьях О. Ф. Щербацевич и её сестры Н. Ф. Янушкевич) в Минске, где их переодевали в гражданскую одежду и тайно выводили из города. Известно, что однажды таким образом подпольщикам в стареньком грузовике удалось вывезти за город несколько десятков людей за раз!

Для Маши всё закончилось в начале октября 1941 года. Она в очередной раз вывела из города очередную группу спасённых офицеров. К сожалению, в их числе был и бывший лейтенант Красной армии по имени Борис Рудзянко. Он оказался предателем: воспользовавшись услугами подпольщиков, он вернулся в Минск, был задержан военным патрулём, арестован и вскоре перевербован Абвером.

К тому времени в Минске уже начал активно действовать контрразведывательный орган абвернебенштелле (АНСТ) «Минск», который вел активную борьбу против советской разведки, партизанского движения и партийного подполья. Штаб – квартира Абвера располагалась в здании бывшей партшколы компартии Белоруссии на улице К. Маркса, командовал центром подполковник Абвера Вильгельм Крибитц. Именно туда и был доставлен Рудзянко. Зачастую Абвер28 представляют чуть ли не оппозиционной гитлеровскому режиму организацией. Это, мягко говоря, не так. Хотя в Нюрнберге судьи и не объявили Абвер преступной организацией, это вовсе не обеляет зловещих преступлений этой силовой структуры гитлеровцев. Именно сотрудники АНСТ «Минск» выявили и жестоко истребили минское подполье весной и осенью 1942 года. На их совести убийство сотен минских патриотов. А главное – предотвращение готовившегося широкомасштабного восстания военнопленных в концлагере по улице Широкой в Минске.

Рудзянко очень скоро после ареста заявил о том, что является врагом советской власти и готов к сотрудничеству. Хорошо известно, что долго убеждать его не пришлось. Вероятно, ему просто показали приказ Сталина от 16.08.1942 г. № 270, объявивший сдавшихся в плен изменниками Родины и призвавший их уничтожать всеми средствами, а семьи репрессировать. Совершенно очевидно, что предатель быстро представил себе, что его ждёт, если он каким – то чудом попадёт на восток. Бывший шифровальщик, попавший в плен, не мог рассчитывать на снисхождение. Поэтому Рудзянко быстро согласился работать на Абвер. Чтобы доказать свою лояльность новым хозяевам, он выдал гитлеровцам всех, кого только мог: Машу, Володю Щербацевича, Володину маму и тетю, маминых братьев, рабочего минского вагоноремонтного завода Трусова (Труса), который являлся истинным организатором и руководителем подпольной группы. Всех их нацисты немедленно арестовали и подвергли жестоким пыткам. Добиться от арестованных абверовцы тем не менее ничего не смогли. А подпольщикам было что рассказать! Масштаб планов даже сегодня потрясает воображение, поскольку окончательной целью подпольщиков была организация вооружённого восстания и захват Минска!

Дело в том, что во дворе политехнического института – того самого, где работала Маша, – стояли сараи, в которых нацисты хранили захваченное в боях огнестрельное оружие: винтовки и пулеметы, а также патроны и гранаты. Поскольку оружия было очень много и поначалу нацисты были в угаре от своих лёгких побед, подпольщикам удалось тайно и незаметно похищать оружие и боеприпасы, а затем тайно переносить и складировать на территории лагерей для военнопленных. Таким образом удалось незаметно вынести немало единиц огнестрельного оружия и боеприпасов. Постепенно были созданы настоящие склады оружия и амуниции. Был разработан план восстания. Согласно замыслу подпольщиков, ударная группа в составе 300 человек должна была внезапно напасть на врага и захватить склады оружия и боеприпасов, а также освободить более 30 тыс. военнопленных, которых нацисты держали за колючей проволокой в Минске (в политехническом институте, институте физкультуры, а также и во многих других местах – фактически весь город был превращён в один огромный концлагерь). Намечалось вывести из строя телефонную связь, атаковать комендатуру города, здания охранной полиции, окружного комиссариата, штаба танковых войск, аэродром «Восток» и все лагеря военнопленных. Словом, захватить все ключевые точки в городе. Подпольщикам удалось даже наладить связь с Москвой! Восточнее Минска к атаке изготавилась крупная партизанская группа (около 700 человек), которая при поддержке воздушного десанта, обещанного Москвой, намеревалась захватить танки. Если бы это удалось, даже частично, то врагу был

бы нанесен болезненный удар, который мог надолго парализовать основные коммуникации, и части вермахта на фронте остались бы без должного снабжения...

Сведений о готовящемся восстании нацистам в октябре узнать не удалось, поскольку никто из группы патриотов не раскололся. К сожалению, этот великолепный план не осуществился: предатель Рудзянко, ставший платным нацистским агентом, сумел внедриться в ряды подпольщиков, и из – за этого все усилия были потрачены напрасно, тысячи людей, готовившихся к восстанию, были уничтожены гитлеровцами. Это был его первый триумф, обернувшийся чудовищной трагедией для тысяч людей. Но, к сожалению, не последний...

Информация, полученная от предателя, стала смертным приговором для всей группы: изготовление фальшивых документов, использование фотографической техники, организация успешных побегов для пленных солдат – всё это каралось смертной казнью.

Вскоре гауляйтер Кубе, которому почтительно доложили о поимке группы подпольщиков, санкционировал показательную казнь. В четырёх местах соорудили виселицы и принудительно согнали жителей наблюдать за казнью, чтобы вселить ужас в их сердца. Узников вывели из тюрьмы, на грудь им повесили фанерную доску с надписью: «Мы партизаны, стрелявшие по германским войскам».

Владимиру Щербацевичу в этот день, 26 октября 1941 года, исполнилось 16 лет. Маше было 17 лет. Володю, Кирилла и Машу повесили на воротах старого дрожжевого завода, сейчас это улица Октябрьская, Володиных маму и тетю повесили на Комаровской площади, сейчас это площадь Якуба Коласа. Наверное, не осталось в Минске ни одного дюйма, не пропитанного кровью патриотов. В конце концов благодаря их самопожертвованию и героизму была одержана самая великая победа в истории человечества.

7

Теперь я хочу привести полную статью А. С. Бржозовского, поскольку не считаю себя в праве вычеркнуть ни одной буквы.

Улица Маши Брускиной

Аркадий БРЖОЗОВСКИЙ

«Улица Маши Брускиной» – табличку с такой надписью мечтал увидеть на месте гибели героини своего очерка минский журналист Владимир Фрейдин.

Он был один из немногих приглашенных в новую столичную газету «со стороны» – из Бреста, чем сразу вызвал по отношению к себе ревнивое недоверие коллег: что, своих журналистов в Минске не хватило для будущей «вечерки»? Признаюсь, поначалу среди таких скептиков оказался и я, амбициозный репортер молодежной газеты, прошедший конкурсный отбор в новую журналистскую команду вопреки своей «пятой графе», которая сделала нас союзниками, когда над Владимиром Абрамовичем разразилась неожиданная гроза...

Обстоятельства его появления в Минске недолго оставались тайной. Журналистская репутация Фрейдина была высокой не только по «провинциальным» меркам брестской областной газеты, где он заведовал отделом информации. Его подпись время от времени появлялась на страницах «Правды», что в те годы считалось весьма престижным. А вскоре после того, как мы оказались в одном отделе уже здесь, в Минске, он показал мне книгу о Брестской крепости с дарственной надписью «первооткрывателя» этой темы Сергея Смирнова. Беру это слово в кавычки, потому что на самом деле одним из тех, кто задолго до появления знаменитой книги Сергея Смирнова начал писать о защитниках героической крепости, был брестский журналист Владимир Фрейдин.

Поэтому не удивительно, что и на новом месте он остался верен своей главной теме, которая сделала ему имя, – поиску неизвестных или незаслуженно забытых героев минувшей войны.

Как – то однажды, через несколько месяцев после выхода первого номера «вечерки», Владимир Абрамович положил передо мной снимок, знакомый по многочисленным публикациям о Великой Отечественной: момент публичной казни трех минских подпольщиков в октябре 41-го.

– Что ты скажешь об этой фотографии? – поинтересовался он, зная, что я собираю материалы о Минском гетто для очередного сборника многотомной серии «Герои подполья».

– Ничего нового, – пожал я плечами. – А что ты имеешь в виду?

– Тебе известны имена всех троих? И этой девушки?

Мне ничего не оставалось, как признаться в своем неведении. Он посмотрел на меня, как врач на безнадежно больного пациента.

– Именем этого мальчика, Володи Щербацевича, назван океанский теплоход. Имя мужчины тоже известно: это Кирилл Трус, по – видимому, руководитель подпольной группы. А вот кто эта девушка, до сих пор не установлено. Эрик поручил мне заняться этим делом.

(Эрнст Николаевич Коляденко, первый заместитель главного редактора, еще подростком побывавший в гестаповских застенках как член боевой группы Николая Кедышко, по понятным причинам был неравнодушен к теме, как тогда говорили, военно – патриотического воспитания.)

Начав с музея Великой Отечественной войны, Фрейдин вышел на тогдашнего собкора «Пионерской правды» в Белоруссии Вячеслава Морозова, автора документальной повести и киносценария о младшем из трех героев, запечатленных на снимке, – 15-летнем Володе Щербацевиче. От этого журналиста Владимир Абрамович, по его словам, и услышал впервые имя девушки, которая значилась в его блокноте как Неизвестная. Морозов сообщил, что во время показа кадров из его фильма по телевидению на студию позвонил один из довоенных выпуск-

ников 28-й минской школы, который узнал в девушке, названной неизвестной, свою соученицу Машу Брускину.

В ходе поиска нашлись и другие свидетели – довоенный директор 28-й школы Н. И. Стельман, бывший комсорг этой школы, участник войны Е. М. Каменкович, секретарь секции бывших узников фашистских концлагерей республиканского Совета ветеранов войны С. А. Давидович и, наконец, известный скульптор З. И. Азгур – как оказалось, двоюродный брат Машиной матери, погибшей в Минском гетто...

Очерк Владимира Фрейдина «Они не стали на колени», опубликованный в трех апрельских номерах за 1968 год, неожиданно для всех нас вызвал грандиозный скандал. Редактор, перепуганный грозным звонком из горкома партии, предложил автору материала написать объяснительную записку. Она заняла ни много ни мало 12 страниц, где подробнейшим образом излагалась история журналистского поиска, результатом которого и явилась газетная публикация. Как стало известно позже, объяснений потребовали высокие партийные инстанции, заподозрившие автора в «тенденциозном» подборе и «пристрастном» изложении фактов. Хотя ничего не говорилось напрямую, проницательному Владимиру Абрамовичу не составило большого труда понять, что имеется в виду. «Неизвестная» оказалась девушкой из гетто, а многие из тех, на кого ссылался журналист, – впрочем, как и сам автор очерка, – были её единоплеменниками, сродненными всё той же злополучной «пятой графой». Взрывоопасное совпадение по тем временам, когда после известных событий на Ближнем Востоке начался очередной «крестовый поход» против сионизма.

Под его железную пяту и попал бедный рыцарь без страха и упрека Владимир Абрамович, наивно полагававший, что новое имя, вписанное им в историю Великой Отечественной, будет с благодарностью внесено в неполные списки героев Минского подполья, хранящиеся в архивах Института истории партии. И уж совсем не мог он предположить, что детонатором взрыва, который последует за публикацией в «вечерке», окажется его коллега по журналистскому цеху, всемогущий собкор «Правды» в Белоруссии.

По этическим соображениям – о мертвых либо хорошо, либо ничего – не буду называть его фамилию. Уважаемый автор документальной повести о Минском подполье и её многосерийной экранизации, по тем временам чуть ли не главный авторитет в исследовании этой темы, вероятно, не мог допустить, чтобы «белые пятна» в его книге заполнял невесть откуда взявшийся самозванец. Статус собкора «Правды» по тогдашней табели о рангах приравнивался к должности заведующего отделом республиканского ЦК. Слишком уж разными оказались «весовые категории» претендентов на выяснение истины.

Исход поединка был предрешен: если в архивных документах истпарта никакой Маши Брускиной не значится, пусть девушка на известном снимке как была, так и остается Неизвестной. А что же многочисленные свидетельства, на которые ссылался автор публикации в «Вечернем Минске»? Заир Исаакович Азгур, в мастерской которого я бывал частым гостем, позже рассказывал мне, что он был вызван в ЦК на предмет выяснения своих родственных связей с героиней фрейдинского очерка. Никаких документальных подтверждений этого факта старый скульптор, потерявший в годы войны почти всех родных и близких, представить не мог, а профессиональная зрительная память художника не была принята во внимание.

Но вернемся к Фрейдину. После публикации в «вечерке» очерка «Они не стали на колени» Владимир Абрамович по партийной линии получил строгий выговор «с занесением», и ему было предложено подать заявление об уходе «по собственному желанию». Чтобы сохранить хоть какую – то возможность продолжить работу в журналистике, без которой он просто не мыслил своей жизни, Владимир Абрамович, заручившись поддержкой коллег из БелТА и Союза журналистов, написал такое заявление. Судьба отца, репрессированного в 37-м, видимо, послужила ему горьким уроком, внушив, что нет смысла теленку бодаться с дубом.

А роль диссидента, тем более борца с режимом, была явно не для него, носившего на лацкане пиджака миниатюрный значок с ленинским силуэтом...

Наши дружеские отношения не прекратились с его уходом из редакции, где, впрочем, после этих событий ненадолго задержался и я. Мы часто встречались и в рабочей, и в домашней обстановке, обсуждали проблемы творческие и личные. Жизнь продолжала испытывать его: казавшаяся благополучной семья распалась, жена уехала в Израиль, дочь – в Америку, где вскоре умерла от рака. Итогом связанных со всем этим переживаний явился инфаркт, ранний для его тогда еще далеко не преклонного возраста.

И до, и после болезни Владимир Абрамович во время наших встреч находил повод упомянуть о своей папке с материалами, посвященными Маше Брускиной. Все эти годы она постоянно пополнялась. Теперь здесь были не только его собственные публикации, записи, фотоматериалы, но и вырезки из различных изданий, в том числе и зарубежных, где всё чаще рядом с именем казненной в Минске девушки из гетто упоминалась фамилия написавшего о ней журналиста. Чувствуя, что судьбой отмерено ему не так уж много времени, он хотел передать эту папку в надежные руки и как – то признался, что надеется увидеть на одном из минских домов табличку с надписью: «Улица Маши Брускиной». Увы, этой надежде не было дано осуществиться. Второго инфаркта сердце, изъеденное столькими переживаниями, уже не выдержало...

С тех пор прошло больше десяти лет. И всё это время меня не оставляет мысль, что творится величайшая несправедливость по отношению к делу, которому мой коллега и друг, не побоюсь высоких слов, отдал свою жизнь.

Не говоря уж о еще большей несправедливости в отношении к памяти его непризнанной героини, чья судьба удивительным образом перекликается с судьбой героини общепризнанной – Зои Космодемьянской.

Мне довелось побывать в подмосковной деревне Петрицево, где в начале декабря 1941-го, через месяц с небольшим после гибели её ровесницы – минчанки, была повешена фашистами юная москвичка, схваченная при попытке поджечь дом, где разместились оккупанты, и назвавшая себя Таней. Очерк Петра Лидова, довоенного белорусского собкора «Правды», опубликованный в этой газете после разгрома немцев под Москвой, так и назывался – «Таня». Я запомнил увиденную в далеком военном детстве газету по фотоснимку мертвой девушки с обрывком веревки на шее – эта жуткая картина еще долго не давала мне заснуть.

Много лет спустя, оказавшись в музее Зои Космодемьянской на месте её гибели, я поинтересовался обстоятельствами, при которых Таня стала Зоей. «На очерк и фотоснимок в «Правде», – пояснила экскурсовод музея, – откликнулась москвичка Любовь Тимофеевна Космодемьянская, которая узнала на снимке свою дочь». «Почему же девушка назвалась Таней – не своим мучителям во время допроса, а ночью шепнув тайком хозяйке дома Прасковье Яковлевне Кулик, своей, русской женщине? Зачем ей было скрывать своё имя перед казнью, в неизбежности которой уже не приходилось сомневаться? Какую тайну она выдала бы, назвавшись Зоей, – если это действительно было её настоящее имя?..»

Увы, убедительного ответа на все эти вопросы я так и не получил. Напротив, возникли новые вопросы, когда выяснилось, что среди убитых горем женщин, признавших на правдинском фотоснимке и позже, на опознании эксгумированного трупа, свою без вести пропавшую дочь, была далеко не одна только Любовь Тимофеевна... Имя московской героини, несмотря на все сомнения в его подлинности, увековечено в памятниках и названиях улиц. Кажется, оно присвоено даже городу. А юная минчанка, вызволявшая наших военнопленных из временного госпиталя, откуда им была прямая дорога в концлагерь, до сих пор остается Неизвестной. Неужели это имя звучит лучше, чем Маша Брускина?

Скульптор Азгур, которого партийные власти когда – то заподозрили в намерении «проташить в героини» свою племянницу, много лет спустя изваял горельеф Трифона Лукьяновича

для мемориальной доски у входа в главный корпус теперь уже бывшего завода им. Ленина – довоенного Минского радиозавода, где, по свидетельству писателя Бориса Полевого, трудился этот герой Великой Отечественной. Будущий автор «Повести о настоящем человеке» встретился с ним в Берлине, где шли последние и потому особенно ожесточенные уличные бои. Солдат – белорус Лукьянович был ранен, спасая под вражеским обстрелом оставшуюся без матери немецкую девочку, и умер в госпитале.

Считается, что он, один из многих, кто совершил подобный подвиг, послужил прообразом солдата с ребенком на руках, памятник которому установлен в берлинском Трептов – парке.

Готовя телепередачу к очередному Дню Победы (в которой, кстати, участвовал и Заир Азгур, близко знакомый с автором знаменитого памятника, скульптором Евгением Вучетичем), я обратился на бывший радиозавод с просьбой найти какие – либо материалы, связанные с именем нашего героя – земляка. Как оказалось, едва ли не единственным документальным свидетельством его причастности к Минскому радиозаводу была запись в блокноте военного корреспондента, воспроизведенная позже в книге фронтовых воспоминаний Бориса Полевого. В заводских списках, как мне было сказано, человек по имени Трифон Лукьянович не значился. Возможно, корреспондент не расслышал или неточно записал либо имя, либо адрес умирающего солдата. Это, однако, не помешало имени Лукьяновича появиться не только на мемориальной доске с его, надо полагать, символическим изображением, но и в названии одной из минских улиц. Кому сегодня придет в голову подвергать сомнению обоснованность этих актов – сомнению, оскорбительному для памяти о погибшем герое...

Почему же с иными мерками надо подходить к героине очерка Владимира Фрейдина, а теперь и многих других публикаций в нашей стране и за рубежом, посвященных Маше Брускиной?

Несколько лет назад, получив приглашение на Международную книжную ярмарку в Иерусалиме, я побывал в знаменитом музее истории Холокоста «Яд ва-Шем». И с понятным волнением обратил внимание на увеличенную знакомую фотографию, где казненная нацистами девушка – минчанка значится под собственным именем. Не кажется ли странным, что в родном городе героини её упорно продолжают именовать Неизвестной? Как это согласуется с нашим лозунгом, который уже много лет звучит привычным, непререкаемым афоризмом: «Никто не забыт, ничто не забыто»?

Сейчас, в преддверии 60-летия Великой Победы, самое время отдать должное подвигу девушки из гетто, где погибли десятки тысяч известных и еще больше безымянных жертв нацистского геноцида. Отдать должное памяти юной патриотки, которая, пусть даже символически, если это нельзя подтвердить документально, именуется Машей Брускиной. Чью честь, чье достоинство, чьи интересы это заденет?

Едва ли не каждый месяц в Минске появляется новая улица, для которой специалисты по городской топонимике ищут подходящее название. Появилась уже и улица Азгура, бульвар Луначарского недавно стал бульваром Мулявина. Но сколько еще остается на карте нашего города непонятных, а нередко и бессмысленных названий: улица Амураторская, 1-я и 2-я Базисные, один Круглый переулок и аж восемь Путепроводных... Трудно поверить, что среди множества старых и новых названий в городе – герое Минске не найдется место для таблички, которую так хотел увидеть, но не успел до этого дожить журналист Владимир Фрейдин: «Улица Маши Брускиной».

«Авив», январь – февраль 2005 г.

Первой моей мыслью после прочтения статьи было: а может быть, это такой промысел Божий, а именно четвёртая его составляющая? Ведь это уже даже не антисемитизм, это богооставленность: состояние, когда человек живет в нераскаянном упорстве и бесчувствии, навлекая тем самым на себя такое состояние, когда Бог оставляет его, обрекая на погибель...

Как можно понять, уже в 1968 году журналисты Владимир Фрейдин, Лев Аркадьев и Ада Дихтярь собрали свидетельства выживших в кровавом водовороте войны людей, которые лично знали Машу: бывшего директора 28-й школы (еврейской) Натана Стельмана, уцелевших подпольщиков, одноклассников, очевидцев казни. Они совершили журналистский подвиг и доподлинно установили, что неизвестная девушка, повешенная вместе с Кириллом Трусовым (Трусом) и Володей Щербацевичем – Маша Брускина. Это подтвердили также и её родственники, прежде всего – отец, Борис Брускин. И дядя – легендарный белорусский скульптор, действительный член Академии художеств СССР Заир Азгур.

Были и другие свидетельские показания, сегодня общеизвестные. Из воспоминаний Елены Григорьевны Шварцман (Элькинд): «Я сама родом из Минска. Со второго по седьмой класс училась в одном классе и дружила с Машей Брускиной. Мы были отличницами...

Вновь я встретилась с Машей, когда в Минск вошли немцы (в июле 1941 года). Она была одета в кожанку, и волосы были покрашены в светлый цвет (она осветлила волосы), скорее всего в целях конспирации, чтобы не жить в гетто. Надо полагать, что она жила по чужому паспорту. Иначе ведь нельзя было жить за пределами гетто.

Однажды осенью 1941 года мой отец пришел с работы очень расстроенный и сказал моей матери (на идише): «Хайке! Маше гинкт!» («Хайка! Маша повешена!»). А мама ему ответила: «Тише, тише, чтобы Лена не слышала». Но я слышала, но им ничего не сказала. Мама боялась, чтобы это не повлияло на мою психику...

Не помню, как я нашла адрес матери Маши, которая жила как будто на улице Замковой в гетто. Скорее всего, этот адрес мне дала моя учительница по грамматике из учительских курсов Шмерлинг. Я нашла этот дом. Когда открыла дверь, Машина мать стояла перед зеркалом (зеркального шкафа) и кружилась, махая руками, как будто танцевала.

Когда я это увидела, то очень испугалась, понимая, что она сошла с ума.

Я убежала и больше никому об этом ничего не рассказывала. Сколько лет прошло, а это мне запомнилось на всю жизнь».

И каков же был результат этого расследования? Святую память растоптали грязным болшевицким сапогом, сломали карьеру и жизнь Фрейдину.

А могло ли быть иначе? Разве война закончилась в 1968 году? Неужели ДО этого никто не предпринимал попыток докопаться до правды?

Наверное, такие попытки были.

Но разве в стране государственного антисемитизма такие попытки могли иметь шанс на успех?

Вспомним, ведь это только сегодня с РФ с гордостью говорят о том, что нацистский лагерь уничтожения Аушвиц (Освенцим) освободила Красная армия. А когда в конце войны, точнее – в мае 1945 года, появилось официальное сообщение об освобождении лагеря смерти, о погибших там евреях не было сказано ни слова! Начальник Главного политического управления Красной армии, главный пропагандист СССР А. С. Щербаков до самой смерти не позволял освещать «еврейскую тему» в СМИ. После его смерти положение лишь ухудшилось. Лишь на Нюрнбергском процессе советские представители согласились с предъявлением нацистам обвинения в геноциде евреев. Но и протоколы Нюрнбергского процесса были в основном засекречены от широкой публики в СССР. После войны полным ходом заработал маховик

насильственной ассимиляции, сопровождающейся закрытием всех без исключения еврейских национальных учреждений. А уже в конце 1946 года чекистами было сфабриковано дело о заговоре в окружении Сталина. Заговорщики, якобы через родственников вождя и их друзей еврейского происхождения, внедрили на самый высший уровень руководства страны. В конце 1947 года аресты продолжились, были выбиты показания о существовании сионистско – шпионского заговора. Это было лишь начало...

Рассмотрим отношения Советского Союза с государством Израиль, образованным вскоре после победы над нацизмом.

Сталин дал указание послу СССР в ООН поддержать становление Израиля как независимого государства в противовес Англии. Что и было сделано: таким, парадоксальным образом, благодаря антибританской политике Сталина Израиль получил поддержку при голосовании в ООН и, главное, оружие, которое все остальные страны категорически отказывались продать евреям (поскольку существовало американское эмбарго на поставки оружия Израилю), однако к окончанию боевых действий Войны за независимость Израиля ситуация уже радикально изменилась. Отношения с Израилем радикально ухудшились, кратковременная поддержка со стороны СССР окончилась, сменившись откровенной враждой и ненавистью. Еврейский народ испытал на себе ярость диктатора и внутри СССР – убийство Михоэlsa в ночь на 13 января 1948 года стало началом страшной террористической юдофобской «пятилетки». Были закрыты еврейские театры в Минске, Киеве, Кишиневе, прекращено издание книг на идише, закрыта еврейская газета «Эйникайт» («Единство»), даже историко – этнографический музей грузинского еврейства в Тбилиси. Всё происходящее всё больше и больше напоминало Третий рейх. В феврале Политбюро приняло решение о роспуске всех объединений еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске. В ноябре 1948 года сталинское Политбюро постановило: «... немедленно распустить ЕАК, так как он является центром антисоветской пропаганды и поставляет секретную информацию иностранным разведкам. Органы печати комитета закрыть, дела конфисковать». 26 марта 1948 года министр госбезопасности В. Абакумов послал Сталину докладную записку: «Министерством государственной безопасности СССР в результате проведенных чекистских мероприятий установлено, что руководители Еврейского антифашистского комитета, являясь активными националистами и ориентируясь на американцев, по существу проводят антисоветскую националистическую работу... Михоэls и его единомышленники, как выяснено их агентурной разработкой и следствием по делам еврейских националистов, использовали Еврейский антифашистский комитет как прикрытие для проведения антисоветской работы». Эта записка имела последствия: Еврейский антифашистский комитет был расстрелян в полном составе, за исключением академика Лины Соломоновны Штерн. **Много лет я размышляю над тем, как можно назвать палачей, хладнокровно убивших пламенных антифашистов?**

13 января 1953 года все центральные газеты СССР под рубрикой «Хроника» поместили следующее сообщение ТАСС: «АРЕСТ ГРУППЫ ВРАЧЕЙ-ВРЕДИТЕЛЕЙ». Главный рупор большевистского руководства, газета «Правда», напечатала редакционную статью, где среди всего прочего было написано: «Большинство участников террористической группы – Вовси, Б. Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие – были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки – международной еврейской буржуазно – националистической организацией «Джойнт». Грязное лицо этой шпионской сионистской организации, скрывающей свою подлую деятельность под маской благотворительности, полностью разоблачено.

Опираясь на группу растлѐнных еврейских буржуазных националистов, профессиональные шпионы и террористы из «Джойнт» по заданию и под руководством американской разведки развернули свою подрывную деятельность и на территории Советского Союза. Как показал на следствии арестованный Вовси, он получил директиву «об истреблении руководящих

кадров СССР» из США. Эту директиву ему передали от имени шпионско – террористической организации «Джойнт» врач Шимелиович и известный еврейский буржуазный националист Михоэлс.

Разоблачение шайки врачей – отравителей является ударом по международной еврейской сионистской организации. Теперь все могут видеть, какие «благодетели» и «друзья мира» скрываются под вывеской «Джойнт».

Вскоре после объявления об аресте «кремлевских врачей» начался новый этап антиеврейской кампании в СССР. Во время борьбы против «космополитов» слово «еврей» почти не упоминалось. Официально кампания была направлена против неких абстрактных космополитов, но среди репрессированных доля евреев составила 71 %, так что это была откровенно антисемитская истерия. Газеты ничего не сообщали о расстреле ведущих деятелей еврейской культуры в СССР в августе 1952 года. С января 1953 года шельмование евреев становится открытым. Термины «сионисты», «бундовцы», «еврейские буржуазные националисты» и «вредители» превращаются в синонимы. Пожалуй, ни до, ни после евреи в СССР не ощущали к себе такой острой ненависти со стороны советского государства и общества в целом. Как и прежде, коммунистические пропагандисты связали воедино образ внутреннего врага с врагом внешним. Но появились и новые моменты: подыгрывая бытовому антисемитизму, «Правда», «Литературная газета» и прочие печатные издания делали акцент на «связи» «врачей – вредителей» с зарубежными еврейскими организациями – «Джойнт дистрибьюшн комити», филиалом Американского еврейского комитета, которым якобы руководили воротилы «Уолл – стрит». «Пражский процесс и сообщение об аресте в Советском Союзе группы врачей – вредителей, – утверждал английский журналист Дерек Картэн, привлеченный агитпропом, – лишний раз подтвердили факт, вскрытый венгерским правительством: «Джойнт» является орудием американской разведки, используемым для подрывной заговорщической деятельности против стран социализма. Недаром он так тесно связан с Уолл – стрит».

Цикл статей, посвященных изображению империалистических связей США с Израилем, деятельности израильских спецслужб, появился на страницах советских газет после взрыва в советской миссии в Израиле. В статье «Террористический акт в Тель – Авиве и фальшивая игра правителей Израиля» подчеркивалось, что взрыв был совершен после того, «как органы государственной безопасности СССР и ряда стран народной демократии обрубili кровавые щупальца международной еврейской буржуазно – националистической организации «Джойнт».

Новый Холокост не состоялся лишь по причине смерти «вождя всех народов». На некоторое время отношения СССР с Израилем несколько стабилизировались по причине жесткой внутривосточной борьбы в СССР (было не до Израиля, шла грызня за Кремль). Но когда окончательно победил Н. Хрущев и утвердился в кресле первого секретаря, то своим лучшим другом на Ближнем Востоке сделал «социалиста» Насера с его пусть убогим, нацистского типа, но социализмом.

Со времен «революции» в Египте СССР периодически и в грубой форме угрожал Израилю. В 1956 году ТАСС опубликовал ряд сообщений, из которых следовало, что тысячи советских добровольцев осаждают посольство Египта в Москве, добиваясь отправки в эту страну, для того чтобы воевать с Израилем, а советское руководство направило Бен – Гуриону ноту, которую он позднее охарактеризовал так: «Это письмо [Булганина] вполне могло принадлежать перу Гитлера...»

В 1967 году, после катастрофического поражения своих арабских союзников, Советский Союз окончательно разорвал с Израилем дипломатические отношения и заявил о готовности применить соответствующие меры против «интервентов», в том числе пригрозив применением ядерного оружия. Израиль прочно вошел в тройку главных врагов Москвы и «всего прогрессивного человечества», наряду с «империализмом» и «китайским ревизионизмом». Еврейское

государство называли не иначе как «раковой опухолью, пустившей корни в арабскую землю», а сионизм – разновидностью расизма.

И теперь я хочу задать вопрос: разве имел место шанс в тот момент возвести в ранг национальной героини Белоруссии и СССР еврейскую девушку?

9

Но и в наши дни положение не намного лучше. История, увы, стала заложницей политики. В Минске повесили табличку с именами патриотов и Маши на месте казни. Но отчего же **не более?**

У меня лично на этот счёт есть несколько соображений. Дело в том, что, хотя, безусловно, вся ответственность за убийство героев лежит на немецких нацистах, тем не менее непосредственно обязанности палачей исполняли коллаборационисты из второго литовского батальона вспомогательной полицейской службы под командованием Антанаса Импулявичуса. Этот палач спустя короткий срок с тем же рвением полностью уничтожит всех евреев в Служком гетто. В советские времена этот факт никак не афишировался, да и сегодня никто не хочет ещё больше нагнетать и без того взрывоопасную обстановку, напоминая независимой Литве о том, что немалая часть населения этой страны принимала активное участие в реализации преступных планов гитлеровцев и в убийстве евреев. Одно дело внутренняя критика Руты Вангайте, написавшей книгу о неслыханных преступлениях своих земляков в годы Второй мировой войны, и совсем другое – дипломатический скандал между Литвой и Израилем, вызванный напоминанием о роли второго батальона литовцев в Холокосте.

Спустя годы страшные преступления нацистов продолжают убивать. В ФРГ в рамках развенчания мифа о том, что вермахт не принимал участия в преступлениях нацистов, гамбургским институтом социологических исследований была организована выставка «Преступления вермахта». На этой передвижной выставке были выставлены тысячи подлинных фотографий времён войны, на которых запечатлены казни мирных людей, массовые и индивидуальные убийства. За несколько дней фотовыставку посетило более 100 тыс. человек. А затем разразился скандал. Прямо в выставочном зале одна из посетительниц потеряла сознание. Вскоре выяснилось, что этой посетительницей была известная журналистка по имени Аннегрит Айххорн. Потеряла сознание она не случайно, а в результате шока: на фотографии она увидела своего отца, который затягивал петлю на шее Маши Брускиной. Аннегрит всегда считала своего отца солдатом, который честно защищал фатерланд, а на деле он оказался нацистским преступником и палачом! В результате Аннегрит дала интервью своей коллеге из «Зюддойче цайтунг», которое вышло под заголовком «Мой отец, военный преступник». Интервью вызвало шквал отрицательных откликов. Аннегрит Айххорн не смогла справиться с нахлынувшими эмоциями и покончила с собой. Так, спустя почти пятьдесят лет, преступление нацистов продолжило свой кровавый путь. Спустя некоторое время было проведено доскональное журналистское расследование, которое установило, что отец Аннегрит Айххорн – Карл Шайдеманн – невиновен. На фотографии не он, а похожий на него внешне каратель – литовец.

Я лично убеждён, что нас ждут новые смерти, пока не будут расставлены все точки над *i*, без нагромождений лжи. Это было жестокое время, и если мы не желаем его повторения, то надо дать окончательную и беспристрастную оценку событиям тех лет – и последующим тоже.

Аркадий Бржозовский, Владимир Фрейдин, Лев Аркадьев и Ада Дихтярь совершили журналистский подвиг и вернули имя неизвестной героине. Мария (Маша) Брускина, пожертвовавшая своей молодой жизнью ради победы над нацизмом, одна из первых подпольщиц в оккупированном врагом Минске. Она была еврейкой, при этом – патриотом СССР и Белоруссии. Её подвиг требует признания как на Родине, так и во всём мире, прежде всего в Израиле. Не помнящий прошлого человек лишает себя грядущего. Слава Богу, в Израиле помнят и свято чтят светлую память своих погибших. Просто дело в том, что подвиг девушки из гетто, Маши Брускиной, выводит на уровень, который в Израиле называют Катастрофой и Героизмом европейского еврейства. Это именно тот самый случай, когда человек пожертвовал жизнью за вашу и нашу свободу. **Это подвиг ради торжества сил добра над абсолютным злом, ради лучшего будущего для всего человечества. Да будет благословенна её память.**

Памяти Александра Печерского

1

Я хорошо помню один из зимних вечеров начала 1991 года. К этому моменту я уже вовсю втянулся во внезапно пробудившуюся от долгой спячки еврейскую жизнь Минска и, как обычно, пришёл на снятую Sochnut квартиру в центре города. Там на видеомagneтофоне крутили разные исторические фильмы на еврейскую тематику и про Израиль, доступ к которым в СССР был раньше запрещён, а после нескольких лет горбачёвской перестройки стал возможен. Работники Sochnut как правило по – русски не говорили, но это было и не так важно, поскольку фильмы были с русскими субтитрами. Посмотрев несколько фильмов, я будто бы соприкоснулся с некой альтернативной вселенной, о которой ничего не знал. В тот раз на видео был фильм *Escape from Sobibor* («Побег из Собибора»). Я даже не могу передать охватившие меня тогда эмоции, они просто захлестнули меня. По существу, именно тогда я впервые узнал про Холокост, про геноцид еврейского народа нацистами.

А ещё про то, что евреи смогли совершить неслыханный подвиг, на который кроме них не мог решиться никто: организовали успешное восстание, перебили эсэсовскую охрану и бежали из лагеря смерти. Это вызвало ужас и ярость самого главного палача Третьего рейха Г. Гимmlера, который после этого побега приказал лагерь уничтожить и замести следы своих преступлений. Позднее я узнал, что это был далеко не единственный случай героического сопротивления: за несколько месяцев до восстания в Собиборе произошло восстание евреев в Трeблинке, а в начале 1945 года группа узников Аушвица – Биркенау сумела взорвать один из крематориев, что положило конец этой фабрике смерти. Но всё это я узнал спустя годы, а тогда...

Ярчайшим эпизодом фильма было прибытие в Собибор лейтенанта Печерского во главе группы пленных солдат – евреев. Израненные, в изорванной форме, измождённые, они тем не менее сохранили неукротимый дух и презрение к нацистским палачам. Рутгер Хауэр в роли

Печерского был прекрасен. Пересказывать фильм я не буду, скажу лишь, что сюжет навсегда врезался мне в память. В конце полоснуло как бритвой: «Фильм основан на реальных событиях». А ведь не только я один – вообще никто в СССР ничего не слышал о мужестве и героизме евреев. Латентный антисемитизм тех лет рисовал обратную картину: еврейские трусы и дезертиры лишь и умели, что прятаться от фронта в Ташкенте. Я понимал, конечно, что всё это было очередным наветом, поскольку ВСЕ мои родственники, оставшиеся в живых и не павшие на полях сражений, были покрыты ранами и увешаны боевыми орденами. И тем не менее мерзкий яд антисемитской пропаганды отравлял саму атмосферу, в которой мы жили. На этом фоне фильм был просто – таки глотком чистой воды в пустыне.

Несколько лет тому назад я случайно прочёл статью о том, что один из выживших во время побега евреев, некто Томас Блатт, всю свою жизнь не оставлял попыток найти и встретиться с героем. В 1980 году его поиски увенчались успехом, и он приехал к Печерскому в Ростов!

Я лишь могу гадать, что происходило у них в душе. Но скупые строки статьи доносят кое – что до нашего сведения.

«Томас Блатт:

– Ты возглавлял самое успешное восстание нацистских узников во время Второй мировой войны. Тебе обязаны жизнью много людей. Получил ли твой подвиг признание?

Печерский ответил саркастически:

– Да, после войны я получил награду. Я был арестован, меня считали предателем, потому что я попал в плен к немцам. Считали так, даже несмотря на то, что немцы взяли меня раненым».

И дальше:

«Томас Блатт:

– Я спросил его, есть ли у него какая – то медаль от правительства.

Он ответил:

– Ничего.

– Почему?

Он открыл дверь, посмотрел, нет ли кого в коридоре, и сказал:

– Но ведь я же еврей...»

2

Подвиг Александра Печерского получил широкую огласку после фильма Хабенского «Собибор», где актёр попробовал свои силы в качестве режиссёра. Обсуждать этот фильм я не буду, поскольку он не документальный, а художественный, что позволяет режиссёру донести до зрителей своё видение исторических событий. Я лишь остановлюсь на некоторых фактах, которые дошли до нас, и попробую проанализировать их.

Из биографии героя нам известно, что он родился 22 февраля 1909 года в Кременчуге в еврейской семье, а в 1915 году семья переехала в Ростов – на – Дону. Его отец Аарон служил юристом в чаоторговой фирме Высоцкого, и переезд, вероятно, был связан с его переводом на новое место работы. Мать – Софья Марковна Печерская. У него были брат Константин (1907), сёстры Фаина (1906) и Зинаида (1921).

После прохождения срочной службы и демобилизации из рядов РККА А. Печерский успешно окончил Ростовский государственный университет. С 1936 года работал инспектором хозяйственной части в Ростовском финансово – экономическом институте. В свободное от работы время руководил музыкальным кружком и участвовал в любительских спектаклях.

22 июня 1941 года его призвали в армию. Поскольку он был человеком с высшим образованием, уже в сентябре ему присвоили звание техника – интенданта 2 ранга (соответствует лейтенанту). Он служил делопроизводителем 596-го корпусного артиллерийского полка 19-й армии. В районе Вязьмы, когда нацистские армии взяли в кольцо многотысячную группировку советских войск, Печерский получил ранение и попал в плен.

Из мемуаров Печерского:

«Мне и небольшой группе поручили выносить из окружения комиссара полка, который был тяжело ранен. Нашу группу возглавлял политрук т. Пушкин, но он имел глупость пригласить в землянку, когда мы были на отдыхе, двух гражданских с тем, чтобы кое – что узнать, и через полчаса нас окружили и забрали».

3

В сентябре 1945 года Печерский дал показания в Еврейском антифашистском комитете (спустя несколько лет, в 1952 году, все члены ЕАК были расстреляны за «связи с еврейскими националистическими организациями Америки»): «С октября по январь питались только дохлой кониной в любом её состоянии и вонючую варили. На шестьсот человек ведро муки и вареная дохлятина. Это все. Хлеба не давали. При таком питании тиф был неизбежен».

Находясь в плену, Печерский переболел тифом, но сумел скрыть это от охраны и только потому не был расстрелян, поскольку нацисты не церемонились и безжалостно уничтожали всех ослабленных военнопленных. В мае 1942 года он настолько поправился, что вместе с четырьмя другими заключенными предпринял первую попытку бежать, но безуспешно. Через штрафной лагерь в белорусском городе Борисове Печерского переслали в трудовой лагерь в Минске. В трудовом лагере он не задержался, поскольку выяснилось его еврейское происхождение (по одним данным во время медосмотра, по другим – на него донес что – то из числа своих же, военнопленных советских солдат). Печерского немедленно бросили в подземный карцер, без пищи и воды, а затем в октябре 1942 перевели в трудовой лагерь, располагавшийся на улице Широкой в Минске, где условия были просто невыносимы – узников умерщвляли непосильной работой. Тем не менее и оттуда он попытался бежать. И опять безуспешно. Эсэсовцы поймали всех, но зверской смерти предали 50 заключенных. Печерский пишет: «Всех их не просто убили, а долго пытали. Сначала беспощадно избивали плетьюми и натравляли на них собак. Затем глумливо провели через весь город с поднятыми вверх руками, потом загнали их в баню и, раздев до гола, обливали попеременно то горячей, то холодной водой. Только после этого фашисты выбросили их во двор на снег и открыли по ним огонь из автоматов». Печерского же хотя и не убили, тем не менее этапировали в лагерь смерти Собибор.

4

Нацистский лагерь смерти Собибор (SS-Sonderkommando Sobibor) был создан на юго – востоке Польши весной 1942 года. Просуществовал лагерь чуть менее полутора лет, и за это время в нём было уничтожено около 250 тыс. евреев из Польши и других европейских стран. Комендантом лагеря в этот период был гауптштурмфюрер СС Франц Штангль, под его командованием находилось около 30 унтер – офицеров СС. Охрану лагеря осуществляли коллаборационисты, преимущественно украинцы, так называемые «травники»: они прошли обучение в лагере Травники для подготовки карателей из числа добровольцев с захваченных территорий. Именно в это жуткое место пришёл эшелон с пленными, которых на протяжении всех четырёх дней пути не кормили и не поили. Печерскому опять повезло: после выгрузки он назвался столяром и его отделили от общей массы и погнали во внутренний двор лагеря. Там он познакомился с неким Борисом, говорившим по – русски, и тот сразу объяснил ему, что это за место.

Из воспоминаний Печерского: «А что это горит там? – показал я на багровое пламя, видневшееся в стороне от лагеря на расстоянии не более полукилометра. Борис осмотрелся по сторонам, взглянул пытливо на меня, потом ответил тихо: «Не смотрите туда, запрещено. Это горят трупы ваших товарищей по эшелону»».

Вот как он описал процесс уничтожения: «(Евреи) шли, выстроившись колонной, окруженные усиленной охраной, вдоль проволочного ограждения. Впереди женщины в одних сорочках и дети, позади – на расстоянии ста метров – голые мужчины. Вот наконец ворота, над ними надпись: «Лагерь № 3». Во дворе – большие каменные здания двух бань с маленькими оконцами, защищенными толстой железной решеткой. Женщины и дети вошли в одну баню, мужчины – в другую. Охрана осталась снаружи и тотчас же заперла за вошедшими тяжелые, обитые железом двери. Некоторые в бане, взяв тазы, подошли к кранам за водой. Но дикий, нечеловеческий крик заставил их оглянуться и оцепенеть. С потолка, через широкие металлические трубы ползли темные, густые клубы газа, нагнетаемые при помощи электромашин. . . Не прошло и пятнадцати минут, как всё было кончено. В двух банях на полу остались груды почерневших трупов». Чтобы заглушать несчастных, нацисты держали в лагере 300 гусей, которые начинали гоготать, когда нацисты начинали душить евреев газом.

Из его воспоминаний становится ясно, что Печерский уже в первый день начал строить план побега из лагеря. Основными его помощниками были, естественно, товарищи, с которыми он провёл в плену много месяцев и прибывшими сюда из Минска.

Но на этот раз он решил не ограничиться лишь несколькими посвященными в план побега людьми, а спасти всех узников, до единого человека. Для этого необходимо было завоевать авторитет у измученных евреев других стран. Ради этого Печерский и его товарищи устроили настоящий акт неповиновения – начав петь по пути на работу песню «Если завтра война». За это их избили плетьюми. Но экзекуция их не остановила. Желая выразить своё презрение к врагу, уже через несколько дней они запели, глядя прямо в лицо эсэсовскому начальнику охраны «Марш советских авиаторов». На этот раз плетьюми дело не обошлось, их избили до полусмерти. Здесь я должен отметить, что «Марш советских авиаторов» как две капли воды похож на нацистскую «Песню молодого рабочего» (Das Berliner Jungarbeiterlied), в которой поётся среди прочего про еврейский трон, который нацисты свергнут. Вряд ли эсэсовцы знали о марше «сталинских соколов», а вот свои марши они знали хорошо...

Но авторитет был завоеван, и всё больше и больше людей становилось вовлечено в подготовку восстания.

5

«Бежать отсюда очень трудно, почти невозможно. Каждый лагерь (то есть сектор лагеря – М. Б.) огорожен колючей проволокой высотой в три метра, затем идет заминированное поле шириной в пятнадцать метров, а за ним еще один ряд колючей проволоки. Не забудьте и о глубоком рве. Охрана, примерно, 120–130 человек, в том числе 14 офицеров».

Лагерь был расположен в глухом лесу рядом с железной дорогой, ветка которой заходила в тупик. Лагерь обнесли колючей проволокой в четыре ряда. Между третьим и четвертым рядами всё было заминировано. Между вторым и третьим рядами было организовано постоянное патрулирование. На вышках также постоянно находились часовые, вооружённые пулемётами.

Собибор делился на три «подлагеря»: в первом находился рабочий лагерь (мастерские и жилые бараки), во втором – парикмахерский барак и склады, где хранили и сортировали вещи убитых, в третьем находились замаскированные газовые камеры, в которых проходили массовые казни.

Поначалу узники хотели вырыть подкоп, но затем быстро отказались от этой идеи, поскольку понимали, что это потребует слишком много времени, которого у них нет, поскольку нацисты часто убивали заключенных и меняли весь состав лагеря. К тому же приближалась зима, которая сводила шансы на спасение к нулю.

Из воспоминаний Печерского: «Плохо то, что потребуется очень много времени, чтобы через подкоп длиной 35 метров проползли один за другим 600 человек. Да и не только проползли, но чтобы и дальше пробрались незаметно».

Большой удачей явился переход на сторону восставших нескольких капо (старших над заключенными). Они могли беспрепятственно перемещаться по территории лагеря и поддерживать связь между разными группами задействованных при подготовке к восстанию узников.

В лагерной кузнице в короткий срок было изготовлено 70 ножей. К 7 октября план был окончательно утверждён: «Бежать надо всем. Уничтожив предварительно всех немецких офицеров поодиночке и быстро, в течение одного часа, чтобы они не успели обнаружить исчезновение своих и поднять тревогу. Уничтожить их надо в мастерских, куда они будут вызваны под разными предлогами... В четыре часа надо перерезать связь, проходящую через второй лагерь в помещение резервной охраны. Также в четыре часа начать уничтожение офицеров в лагере № 1. В четыре с половиной часа Бжецкий (один из капо, перешедших на сторону

восставших) выставляет всех лагерников в колонну, якобы для работы, и они направляются к главным воротам. В первые ряды колонны становятся люди из СССР. По дороге они должны овладеть оружейным складом, после чего незаметно пристроиться к колонне, а дойдя до ворот, снять часового и напасть на караульное помещение».

6

В своём фильме про восстание Хабенский придумал сцену, в которой оберштурмфюрер СС Карл Френцель приказал ему расколоть пень. Вероятно, Хабенский думал, что эта сцена полна христианского символизма. Не мне осуждать или одобрять еврейского режиссёра за его религиозные убеждения, замечу лишь – на самом деле снятое в фильме не вполне соответствует реальной истории. Печерский рассказал об этом в 1984 году, и его свидетельство было записано на видео: «Мы кололи пни. Впереди меня стоял голландец – молодой человек в очках... Этот голландец не то что расколоть, он даже колун не мог поднимать, и вот это заметил [Френцель]. Подходит, становится сзади голландца, голландец поднимает колун, Френцель – плеть. Он любил бить людей так, чтобы был какой – то ритм. Я засмотрелся этой сценой, Френцель заметил и говорит: «Come, come» («Подойди, подойди»).

...Я подошел, он выбирает большой пень, ставит его, показывает на часы и говорит: «Пять минут. Расколешь – пачку сигарет, не расколешь – 25 плетей». И когда я расколол этот пень, он протягивает мне сигареты с улыбкой, показывает на часы и говорит: «4,5 минуты». Я ему говорю: «Спасибо, я не курю». Он... уходит и возвращается с половиной буханки хлеба и пачкой маргарина. Я знал, откуда он взял этот хлеб. – Здесь голос Печерского начинает дрожать от подступающих слез. – Он его взял во втором лагере (место, где прибывшие эшелонами люди оставляли все свои вещи и одежду, чтобы затем проследовать в третий лагерь – в газовые камеры). И мне показалось, что капает кровь с его пальцев, потому что хлеб привезли люди, которых всех уничтожили. И мне стало страшно, когда я увидел эти капли крови. Я сказал: «Спасибо, то, что я здесь получаю, для меня вполне достаточно». У него рука дрогнула».

Разумеется, воспоминаниям А. Печерского можно доверять, но при этом следует понимать, что даже во времена относительно «травоядные» в СССР он НЕ мог рассказать ВСЁ.

В воспоминаниях Александра Печерского, например, многократно упоминается молодая девушка по имени Люка. Он писал, что Люка – дочь коммуниста – антифашиста, что, по всей видимости, не соответствовало действительности: в лагерь уничтожения она попала как еврейка. Вольно или невольно, но благодаря их знакомству подготовка к восстанию получила новый импульс – в заговор теперь были вовлечены также и женщины. Теперь подготовка шла преимущественно в женском бараке или возле него, поскольку это было более безопасно – нацисты были уверены в том, что вечерние встречи носили интимный характер, что не вызывало особых подозрений у охраны. Люка не понимала русского языка и её, по всей вероятности, использовали как прикрытие, поскольку рассказать содержимое бесед о готовящемся побеге она не могла. По мере сил она дела всё возможное, чтобы быть полезной восстанию.

Вот что о ней известно. Люка – это её вымышленное имя. Настоящее имя – Гертруда Попперт (Gertrude Popper), урождённая Шёнборн (Schönborn).

Отец Гертруды – немец – католик Антон Шёнборн, маляр, затем коммивояжёр из Дортмунда. В 1909 году женился на еврейке Сельме Розенбаум. Через год у них родилась старшая дочь, Хильда, а через четыре года – младшая, Гертруда. Это значит, что на момент восстания в Собиборе Люка была не молоденькой девчушкой, но замужней женщиной возрастом под 30 лет. Обе девочки были записаны как иудейского вероисповедания. Известно, что перед Первой мировой войной Антон вместе с компаньоном организовали фирму по продаже бумажных и галантерейных товаров. Никаким коммунистом он не был, как раз наоборот: документы о браке его дочерей позволяют утверждать, что Антон стал членом нацистской партии (НСДАП). Антон Шёнборн скончался 17 декабря 1944 года в Дортмунде от сердечного приступа.

1 октября 1944 года мать Люки, Сельму, депортировали из Дортмунда в пересыльный лагерь в Берлине, где, по всей видимости, она и погибла.

О жизни Люки после прихода к власти нацистов можно лишь догадываться, известно лишь, что в 1938 году ей удалось уехать в Голландию. Официальной причиной эмиграции стало замужество: 22 декабря 1938 года она вышла замуж за Вальтера Михеля Попперта из Амстердама.

После оккупации Голландии нацистами молодоженам некоторое время удавалось спокойно жить, поскольку Люка, согласно расовым законам Третьего рейха, являлась полукровкой. Везение закончилось 30 апреля 1943 года: Гертруда и Вальтер Попперт были депортированы в пересыльный лагерь Вестерборк, а оттуда 18 мая 1943 года в Собибор.

Сохранились две открытки Вальтера и Гертруды, отправленные из Собибора, датированные июнем и августом 1943 года (нацисты позволяли обречённым отправлять такие открытки, чтобы замести следы своих преступлений). Из последней следует, что Гертруда ухаживает в лагере за кроликами, а Вальтер работает бригадиром в «лесной команде» по заготовке древесины. Именно благодаря наличию этих открыток удалось установить, что Люка из воспоминаний Александра Печерского на самом деле – Гертруда Попперт. Дальнейшая судьба Люки и её мужа неизвестны, по всей вероятности, они погибли во время восстания.

Её сестре Хильде Шёнборн повезло больше: в феврале 1940 года она вышла замуж в Дортмунде за Эриха Соломона Френкеля, после чего согласно расовым законам они были записаны полукровками первой степени и избежали репрессий, а затем и депортации. После того как мать депортировали, Хильда до конца войны скрывалась в Эйнхаузене, потом вернулась в Дортмунд. Её мужу Эриху Френкелю повезло чуть меньше, но он остался жив: после ареста 16 апреля 1944 года он был депортирован в трудовой лагерь на каторжные работы, откуда

через год был освобождён американцами. В 1951 году супруги выехали в США, а затем в 1958 году вернулись в Германию.

Налицо явная нестыковка с воспоминаниями Печерского, который писал, что Люка была родом из Гамбурга, была дочерью коммуниста, на вид ей было 18 или 19 лет, с коротко стриженными каштановыми волосами, много курила. Попала в лагерь из Голландии, вместе с матерью и двумя братьями. Накануне восстания Люка подарила Александру рубашку и попросила надеть её «на счастье», поскольку якобы отец – коммунист носил её словно талисман.

Вероятно, создание подобного образа было необходимо для дуболомов из СМЕРШа, которым могла не понравиться правда: Люка вовсе не была дочерью коммуниста (а совсем наоборот) и молоденькой девушкой, а взрослой женщиной, чей муж, Вальтер, был в лагере бригадиром по лесозаготовкам (что вполне естественно, поскольку немецкий был его родным языком и эсэсовцы могли давать ему задания, не боясь быть непонятыми). Вероятно, муж также был активно задействован в восстании. Они оба героически погибли, борясь с врагом, но для чекистов такая связь пленного офицера уже могла потянуть на 58 статью и жестокое наказание.

Впрочем, всё это не более чем мое предположение.

8

Восстание началось 14 октября около трёх часов дня. Первым ликвидировали унтерштурмфюрера (лейтенанта) СС Эрнста Берга, пришедшего в лагерную портняжную мастерскую, чтобы примерить новый костюм. Его зарубили топором, быстро, но не очень ловко. Впрочем, до того, как он успел закричать и поднять тревогу. Из воспоминаний Печерского: «Эрнст Берг всё время стоял лицом к Шубаеву (вероятно, одному из портных). Тогда (второй портной?) Юзеф повернул немца лицом к двери под предлогом, что так лучше делать примерку. Шубаев мгновенно схватил топор и со всего размаха хватил Берга обухом по голове. Из нее брызнула кровь. Фашист вскрикнул и зашатался. Лошадь (вероятно, стоявшая во дворе), услышав крик хозяина, шарахнулась от мастерской. Если бы она побежала по лагерю, то это могло сорвать все наши планы. К счастью, один из лагерников успел схватить лошадь под уздцы. Вторым ударом Шубаева Берг был добит. Труп его бросили под койку в мастерской и закидали вещами. Залитый кровью пол в мастерской быстро засыпали приготовленным заранее песком. Шубаев схватил пистолет Берга и принес его ко мне. Я обнял его».

Ровно через час в сапожной мастерской зарубили ещё одного эсэсовца по фамилии Гедтингер, а затем с небольшим перерывом ликвидировали ещё четверых палачей. Повредили связь. К половине пятого было убито уже десять унтер – офицеров СС. Восставшими было захвачено 11 пистолетов и автомат, которые добавили к заготовленным заранее винтовкам, захваченным в слесарных мастерских (находившихся там в ремонте).

Без пятнадцати пять участвующий в заговоре капо Бжецкий подал свистком знак для всеобщего построения на лагерном плацу. Затем события стали развиваться стремительно: «Во двор вошел начальник караула – немец из Поволжья – и стал ругаться. Он положил руку на кобуру, но не успел выхватить пистолета, как несколько топоров опустилось на его голову. Женщины заволновались (поскольку далеко не все из 550 заключенных были посвящены в заговор). В этот момент к нам приближалась колонна из второго лагеря. Нельзя было терять ни секунды. Я крикнул: «Товарищи! К воротам!» Все ринулись вперед. Сначала побежали к оружейному складу. Оставшиеся в живых немецкие офицеры попытались преградить дорогу толпе, открыв огонь из автоматов, но поднять общую тревогу они не успели. Некоторые стали перерезать проволоку возле офицерского домика. Остальные кинулись к центральным воротам. Сняв часового, побежали в лес, отстреливаясь на ходу из захваченных у убитых немцев пистолетов и винтовок. Те, у кого не было оружия, засыпали глаза фашистов песком, бросали

в них камни. Группа, бежавшая из второго лагеря во главе с Борисом, бросилась влево от центральных ворот. Им пришлось преодолевать заминированное поле, и здесь многие погибли. Я покинул лагерь одним из последних, только тогда, когда убедился, что все уходят из него».

Известно, что из 550 заключённых лишь 340 человек смогли скрыться в окружающих лесах, остальные погибли при побеге либо не смогли бежать и были уничтожены гитлеровцами. Спаслись, однако, далеко не все: нацисты немедленно организовали погоню, в ходе которой были пойманы и расстреляны 170 человек. Ещё 90 беглецов было выдано на расправу гитлеровцам местными жителями, всех их также убили. Местные жители получили награду за предательство. Я часто думаю о Константине Паустовском, который написал в своей книге «Начало неведомого века» такие слова: «Сила человеческой совести всё же так велика, что никогда нельзя окончательно терять в нее веру». Был ли он прав? Быть может, человеческая совесть – это удел немногих? Ведь если сравнить горстку праведников мира, спасавших евреев из лап гитлеровцев, с огромной армией коллаборационистов, то ответ на этот вопрос очевиден...

Сам Печерский находился во главе группы из восьми основных русскоязычных участников восстания, в которую вошли, по его словам, «Шубаев, Цыбульский, Аркадий Вайспир, Михаил Ицкович, Семен Мазуркевич и еще трое». Их спасло то, что они практически безостановочно двигались на восток и уже через три дня непрерывной гонки перешли через брод реку Буг, оказавшись на советской территории, оккупированной нацистами. Из воспоминаний Печерского: «В ночь на 20 октября мы вступили на землю Белоруссии. 22 октября мы встретили недалеко от Бреста партизан из отряда имени Ворошилова. А 23 октября мы уже получили первое боевое задание». Итак, 22 октября 1943 года Александр Печерский с другими бывшими узниками вступил в партизанский отряд имени Щорса. Здесь он стал подрывником и пускал под откос вражеские эшелоны (как минимум два) и уничтожал коммуникации.

9

Летом 1944 года началось освобождение регулярными частями Красной армии временно оккупированной советской территории. Партизанский отряд вошел в состав Красной армии, но Печерский был немедленно арестован офицерами особого отдела. Сдача в плен жестоко каралась, и ни еврейское происхождение (поскольку всем было хорошо известно, что нацисты евреев сразу уничтожают и ни о каком сотрудничестве с ними не могло быть и речи), ни пребывание в лагере смерти, ни героизм, проявленный в партизанском отряде, не спасли Печерского. За сдачу в плен его не восстановили в звании, а направили в 15-й штурмовой стрелковый батальон, другими словами – в штрафбат, «смыть кровью» пребывание в плену. Печерскому снова «повезло»: участвуя в тяжелых боях за город Бауск 20 августа 1944 года, он был тяжело ранен в бедро осколком мины.

Лечение было тяжёлым, он провел в госпитале более четырёх месяцев, после чего советская власть его простила, и он получил инвалидность, вернулся в Ростов – на – Дону и некоторое время работал администратором в Театре музыкальной комедии.

В 1948 году началась печально известная «антисемитская пятилетка» – время преследований так называемых безродных космополитов. Печерского уволили с работы, и в течение пяти лет он не мог устроиться ни на какую работу и жил на иждивении своей жены Ольги, настоящей святой русской женщины, с которой познакомился во время излечения в подмосковном госпитале. Лишь после смерти Сталина Печерский смог снова получить работу: в 1954 году на заводе «Ростметиз» его назначили мастером багетного цеха.

Никакого признания своих подвигов Печерский в СССР не получил.

Лучшей эпитафией восставшим в Собиборе, чем слова президента Польши Леха Валенсы, не придумать: «Евреи одержали моральную победу. Они спасли своё достоинство и честь, они отстаивали достоинство человеческого рода. Их деяния нельзя забыть».

Всё именно так. Нельзя забыть величайший триумф людей над нелюдью. До сих пор нацистская зараза не изжита до конца с лица земли. Реет гитлеровский флаг над сектором Газа, льётся кровь евреев по всему миру, их убивают лишь за то, что они родились евреями. Война не окончена, это священная война между силами добра и зла, между моралью и человеческим падением, между Б-гом и силами Ада. Александр Печерский и его товарищи победили в неравном сражении той войны, дав всем нам, живущим ныне, пример несгибаемого мужества. Вечная им память.

Вспоминая телеспектакль «Король Матиуш Первый»

Когда мне было 6 лет, по белорусскому ТВ совершенно неожиданно среди всякой советской пропагандистской дряни о якобы великих свершениях в стране развитого социализма, вдруг показали телеспектакль «Король Матиуш Первый». Позднее я узнал, что этот спектакль был дипломной работой начинающего режиссера Петра Фоменко, выбравшего для постановки лишь первую часть из сказки – дилогии Януша Корчака о юном короле, мечтавшем всех детей в мире или хотя бы в своём королевстве сделать счастливыми. У меня до сих пор мурашки по коже идут от воспоминаний о постановке. То, как артисты это сыграли, было явной антисоветской диверсией. Сам факт постановки в театре произведения величайшего ЕВРЕЙСКОГО педагога, убитого нацистами вместе со своими воспитанниками за своё национальное происхождение, уже был настоящей бомбой. В СССР Холокост в лучшем случае замалчивался, а в худшем... Мне совершенно неясно, как цензоры пропустили такой выпад против насквозь прогнившего советского строя, поражённого метастазами звериного антисемитизма. А также, на мой взгляд, для артистов это явилось реализованным шансом сыграть по – настоящему великое произведение.

Многие идут к этому всю жизнь, но шанса так и не выпадает. У них получилось, хотя, надо признать, заметили это немногие. Юного короля сыграла актриса Нина Антонова, у неё были огромные, словно озёра, глаза, которые были грустны, как, впрочем, и сама сказка.

И самое главное: спектакль не делал никаких скидок на возраст зрителя, под простыми словами скрывались серьёзные и совсем не детские проблемы. Уже начало спектакля трагично: у принца Матиуша умирает отец, и он, не успев пережить утрату, поневоле становится королём, взваливает на свои детские плечи всю тяжесть руководства страной. Пользуясь удобным случаем, соседи объявляют королевству войну. Матиуш, не желая без дела сидеть во дворце

и лишь принимать парады, инкогнито убегает вместе со своим другом на фронт, совершает подвиг и триумфально возвращается в столицу победителем, мечтая о реформах: устроить жизнь так, чтобы все в нём были счастливы. Начать он решает с детей, организует за неимением взрослого детский парламент. Но взрослые министры строят интриги, и король из – за неопытности и ошибок попадает в ловушку, все реформы заканчиваются фиаско. Малыша Матиуша свергают собственные министры, судят как государственного преступника и приговаривают к ссылке на необитаемый остров... Книга на этом не заканчивается, а вот спектакль – да. И этот несправедливый и печальный конец привёл меня тогда в замешательство, негодование, словом, в такое смятение чувств, которое я никогда до этого момента в своей жизни не испытывал. Думаю, это было моё первое сильное впечатление от литературного произведения и актёрской игры. И впервые промелькнуло – истина есть, она где – то рядом.

Разумеется, никто ничего не сказал о том, чем замечателен автор. Это вам не театр на Таганке, когда в конце постановки Любимов разворачивал портрет Булгакова, чтобы зрители стоя могли выразить свою признательность тени великого человека. Лишь много лет спустя в Израиле я прочитал его книги, биографию... Что сказать, словно в фильме «Похищение чародея», отправить бы такого гения в будущее...

Януш Корчак (Janusz Korczak), настоящее имя Хенрик Гольдшмидт (Henryk Goldszmit) – великий польский педагог еврейского происхождения, писатель, врач и общественный деятель, автор прекрасных детских книг «Дети улицы», «Дитя гостиной», «Лето в Михалувке», «Король Матиуш Первый» и др. Основатель и руководитель (с 1911 года и до конца жизни, с перерывом на Первую мировую войну) еврейского Дома сирот. Серьёзный учёный, написавший более 20 книг о воспитании! Всемирную известность получили «Как любить ребенка» (1914) и «Право ребенка на уважение» (1929).

Судьба Корчака была трагична. Он всю свою жизнь посвятил преподаванию, педагогике. Он буквально жил ради своих воспитанников, променял личную жизнь на приют, превращая сирот со сломанными судьбами в настоящих людей. Многим это не покажется чем – то великим, но это лишь для тех, кто никогда не сталкивался с жизнью во всех своих проявлениях. Иногда я думаю, что никакая буйная фантазия создателей фильмов ужасов не может сравниться с тем кошмаром и той нечеловеческой болью, с которыми мы РЕГУЛЯРНО сталкиваемся в своей жизни. Большинство из нас глухи к страданиям других. А вот Януш Корчак жил ради того, чтобы у маленьких людей появилось чувство собственного достоинства и уверенность в завтрашнем дне.

Всю свою жизнь он был атеистом. Но в Варшавском гетто, куда был брошен гитлеровцами вместе со своими воспитанниками, он переосмыслил своё отношение к жизни. Христианский мир, очевидно, полностью утратил для него свою моральную ценность. Равнодушие к страданиям и нечеловеческая жестокость нацистов не могли не отразиться на его мировосприятии. Находясь за колючей проволокой, он вместе с детьми начал изучать иврит и... основы иудаизма. Нельзя без содрогания читать о том, как незадолго до Песаха 1942 года он провел тайную церемонию на еврейском кладбище. С Торой в руках он взял с детей клятву быть хорошими евреями и честными людьми. И это в тот самый момент, когда мир превратился в ад, в жуткую мясорубку!

Корчак до последнего момента добывал дрова и уголь для растопки печи, пищу и медикаменты для своих воспитанников. Евреи и неевреи неоднократно пытались его спасти из гетто, но он отказался от всех предложений. В августе 1942 года зверства нацистов достигли крайней точки, они издали приказ о «депортации» Дома сирот. Для всех тогда было совершенно ясно, о чём идёт речь: о недолгой поездке в переполненном вагоне для скота в лагерь уничтожения Трешлинка, унижение и мученическая смерть в газовой камере с последующим сожжением в крематории. Вместе со своей помощницей и другом Стефанией Вильчинской, безнадежно влюблённой в него, Януш Корчак пошел на смерть рядом с детьми.

Я часто думаю о том, а был ли он прав? Быть может, вместо того чтобы построить детей и отправиться вместе с ними в товарный вагон, идущий на Треблинку под стягом короля Матиуша, надо было действовать иначе? Накануне собрать детей и персонал, рассказать, как обстоят дела, и приказать бы им бежать, кто куда сможет? Быть может, тогда хоть кто –нибудь сумел бы уцелеть?

Остаётся лишь утешаться, что, вероятно, у Бога свои планы, неведомые нам.

И ещё один вопрос мучит меня: есть ли будущее у человечества, которое сжигает маленьких детей и своих святых?

Лихой рейд на Берлин, 1757 год

Одним из самых прославленных военных деятелей Австрийской империи XVIII в. был уроженец Венгрии по имени Андраш Хадик фон Футах. Человек исключительных способностей, Андраш Хадик родился 16 октября 1710 года в городе Кёсег (Koszeg). Аристократическое происхождение открыло перед молодым человеком широкие возможности для прекрасного образования, помимо родного венгерского Андраш Хадик свободно владел немецким и французским языками, а также неплохо знал классическую латынь и греческий. Однако университетской учёности он предпочёл военную карьеру. В 1730 году добровольцем он поступает на службу в гусарский полк. Хадик принял участие в Австро – турецкой войне (1736–1739) и в Войне за польское наследство (1733–1735). Первое офицерское звание корнета (ensign) получил, сражаясь в рядах гусар. Вскоре он проявил себя в ряде сражений и дослужился до звания капитана. Война за австрийское наследство (1740–1748) стала новой вехой в его карьере, вначале войны его произвели в майоры, а после удачных действий против Пруссии его заметила сама императрица. Мария Терезия для начала присвоила ему чин подполковника и назначила командиром гусарского полка. А к концу войны, в 1748 году, императрица назначила его командиром кавалерийской бригады. Так, в возрасте 35 лет он стал генералом.

Семилетняя война явилась наивысшей точкой в его карьере. Уже в самом начале боевых действий Андраш Хадик своим своевременным и смелым вмешательством сумел переломить ход сражения при Лобозице. Внезапно контратаковав во главе своих гусар прусскую кавалерию, он спас от полного разгрома панически бежавшую с поля боя австрийскую пехоту и предотвратил неминуемый разгром. За это императрица произвела его в генерал – лейтенанты и поставила командовать кавалерийской дивизией. Во главе этой дивизии он вскоре вновь отличился в сражении под Колином, участвуя в прославленной, переломившей ход битвы кавалерийской атаке.

Звёздный час Андраша Хадика наступил в октябре 1757 года. Главные части прусской армии были сосредоточены в Силезии и Саксонии, где находился основной театр боевых действий. Принц Карл Александр Лотарингский решил воспользоваться моментом и нанести удар прямо в сердце Пруссии – захватить столицу Фридриха Великого, Берлин. Для выполнения этого задания австрийский главнокомандующий избрал Андраша Хадика с его гусарами. Тут надо сказать, что долго уговаривать его не пришлось, ему нужен был только приказ, поскольку война и подвиги составляли смысл его жизни. Вероятно, он быстро осознал, какие перспективы может иметь эта бравая вылазка.

Взятие Берлина австрийскими войсками

Убедившись, что дорога на Берлин свободна, он быстро объявил боевую готовность своим солдатам и с неслыханной для тех лет скоростью выступил в поход. Казалось, Андраш Хадик перенял опыт своего главного врага, короля Фридриха: пехота Хадика проходила до 32 миль в день вместо 8 предписанных уставом, что, безусловно, было новаторским решением для того времени. В составе его корпуса было 2 тыс. кавалеристов: гусар, драгун и кирасиров, а также более 3 тыс. пехотинцев при поддержке 6 орудий.

Почти сразу Андраш Хадик разделил свой корпус на две части: в городе Эльстерверда, Бранденбург, в 160 км от Берлина, он оставил в резерве 1,5 тыс. солдат во главе с генералом Клеefeldом. Остальные войска форсированным маршем по кратчайшей дороге бросились на Берлин. Эскадрон отборных гусар был выделен для обеспечения бесперебойной связи между двумя отрядами. 300 гусар постоянно находились в стороне от основной колонны, они занимались рекогносцировкой и грабежом окрестностей (увы, такие были времена), чтобы затруднить создание полной картины происходящего разведке противника.

В результате австрийским войскам удалось достичь абсолютной внезапности. Уже вечером 15 октября передовые отряды Хадика достигли городка Кёнигс – Вустерхаузен. Это уже предместье Берлина, но для создания эффекта ещё большей внезапности австрийцы стали пробираться к прусской столице прямо через ночной лес. В результате поутру 16 октября, аккурат к дню рождения Хадика, его передовой отряд уже стоял напротив Силезских ворот Берлина. Эффект внезапности был достигнут, 5,5 тыс. прусских солдат берлинского гарнизона были шокированы, когда увидели у стен города австрийского офицера с белым флагом в сопровождении трубача, который в ультимативной форме предложил им сдаться на милость победителя и выплатить огромную контрибуцию.

Комендант Берлина генерал Ганс Фридрих фон Рохов, бывший капитан полка «великанов» (солдат огромного роста и невероятной силы), отборного полка покойного отца Фридриха Великого, к тому времени уже нездоровый человек (из – за больной спины он даже не мог ездить верхом), тем не менее отказался не только капитулировать, но и выплатить даже минимальную контрибуцию. Тогда австрийцы предприняли попытку штурма Силезских ворот. Более 300 гусар ринулись в атаку. Что могли противопоставить этому напору малочисленные защитники города, сплошь состоящие из тыловиков, непригодных к строевой службе? После

краткого рукопашного боя им удалось ворваться в пределы городских укреплений. После короткой рукопашной схватки австрийцы овладели воротами и попытались ворваться в пределы городских укреплений. Но здесь их встретил новый ряд защитников города, для контратаки фон Рохов к этому моменту успел собрать 3 полных пехотных полка гарнизона. Казалось, что чаша весов победы качнулась обратно, прусские солдаты начали теснить австрийцев и их превосходство казалась подавляющим. Но к несчастью для фон Рохова в этот момент к городу успела подойти австрийская пехота. Австрийские солдаты с ходу атаковали полки фон Рохова и не позволили развернуться для боя. Австрийцы же, напротив, использовали до конца численное преимущество и широким фронтом атаковали центр и правый фланг противника. После недолгого рукопашного боя защитники города не выдержали натиска. Две сотни саксонских солдат, которых король Фридрих насильно включил в состав гарнизона, улучив момент, перебежали на сторону австрийцев. Гарнизон после этого был обращен в бегство.

Фон Рохов собрал свежие войска, которые по своему числу не уступали австрийцам и... под предлогом охраны королевы, увёл их всех с собой в укрепленную крепость Шпандау.

Одержав победу, Хадик тем не менее не отдал приказ занять весь город. Напротив, он сдержал наступательный порыв своих солдат и вновь вступил в переговоры, теперь уже с муниципалитетом. Парламентер предложил сохранить город в сохранности при условии уплаты 600 000 серебряных талеров. Члены муниципального совета согласились вести переговоры, хотя сумма показалась им чересчур завышенной, и потому совещание продолжалось весь остаток ночи. Австрийцы же не теряли времени даром, а приступили к грабежу и насилию. Основными жертвами мародёров стали жители Кёпеникского предместья, в котором проживали французские и чешские протестанты. После такого развития событий муниципалитет стал сговорчивей. Была выплачена контрибуция в размере 200 000 талеров для Хадика, его офицеров и дополнительно 15 000 для солдат. Справедливо решив, что больше из горожан денег не выколотить, 18 октября Хадик отошел от стен Берлина. По дороге назад войска Хадика успели собрать контрибуцию (30 000 талеров) также и с беззащитного Франкфурта – на – Одере. В ходе операции потери Хадик составили не более сотни солдат, при этом потери Пруссии составили 425 человек.

Поразительно, но факт: обладая самой лучшей разведкой в Европе, Фридрих Великий получил отрывочные известия о рейде австрийцев на Берлин лишь 13 октября. Отреагировал он незамедлительно, приказав генералу Морису Анхальт – Десаускому выступить из Лейпцига на защиту Берлина с 4 пехотными, 2 драгунскими и 2 гусарскими полками. А также были отправлены сильные отряды с целью перерезать возможные пути отхода австрийцев от Берлина. Однако все эти мероприятия не увенчались успехом.

Фридрих Великий, получив известия о столь неблагоприятном развитии событий, в одиночестве удалился в свои покои. Штабные офицеры могли наблюдать сквозь освещённые окна штаб – квартиры, как он наедине с собой часами декламировал строфы из трагедии Расина «Митридат». После чего уныние покинуло его, и он принялся разрабатывать план очередной операции. Ответный удар короля был воистину сокрушающим: 5 декабря 1757 года, спустя месяц с небольшим после того, как был отдан приказ на рейд в Берлин, имперский командующий принц Карл Александр Лотарингский получил ответный удар. Армия Фридриха II нанесла сокрушительное поражение его войскам в битве при Лейтене, что поставило жирный крест на всей военной карьере принца. Больше к командованию его не допускали.

Наибольшее презрение во всей этой истории заслужил комендант Берлина фон Рохов. Сограждане прозвали его «феноменальным ослом». После того, как он вернулся в столицу и выяснилось, что у него было по крайней мере в полтора раза больше солдат, чем у австрийцев, а он бежал, оставив город без защиты, берлинцы забросали его тухлыми яйцами и камнями, а также оплевали с головы до ног – за трусость и тугодумие. Тем не менее он продолжил оставаться на посту коменданта города. В 1760 году он умудрился столь же позорно сдать город

объединённому отряду русских и австрийцев, после чего остаток войны провёл в плену. Удивительным было отношение к нему со стороны Фридриха Великого: он считал его исполнительным чиновником и потому после возвращения из русского плена восстановил в должности коменданта столицы!

Императрица Мария Терезия была в полном восторге и усыпала всех участников рейда наградами. Андраш Хадик был награждён Большим крестом ордена Марии Терезии. В 1758 году он был назначен командующим кавалерией Главной армии. В 1762 м – главнокомандующим.

Прежний главнокомандующий, фельдмаршал, уступил командование Хадику 4 сентября 1762 года. Через месяц Фридрих Великий отдал ему долг – во время битвы при Фрайберге.

В сражении 29 октября 1762 года при Фрайберге сошлись в битве прусские войска (всего около 23 тыс. человек) под командованием брата Фридриха Великого, принца Генриха Прусского, и австрийская армия во главе с Андрашом Хадиком (всего чуть более 31 тыс. человек). Это было последнее большое сражение Семилетней войны.

Австрийские войска располагали 45 батальонами пехоты, 74 эскадронами кавалерии и 46 орудиями. Ожидался и подход подкрепления – корпуса принца Альберта Саксонского. Не давая австрийцам собраться с силами, принц Генрих атаковал превосходящие силы противника. Свою армию он разделил на четыре группы и, умело маневрируя и перемещая резервы на решающий участок сражения, добился полного успеха. Решающим моментом сражения стала атака прусской пехоты на левый фланг имперских войск, которую неожиданно возглавил кавалерийский генерал Зейдлиц. Сражение продлилось не более трёх часов, разгромленные австрийские части в панике отступали через реку Мульде. Австрийцы потеряли более 3 тыс. человек убитыми и ранеными, 4,5 тыс. солдат угодило в плен.

В роли полководца, а не лихого партизана Андраш Хадик потерпел унижительное поражение, позор бесславной сдачи Берлина был смыт. Вероятно, поэтому после войны, возвратившись в Венгрию, Андраш Хадик стал тяготиться военной службой, а всё больше времени стал посвящать делам гражданским, чтению книг и работе над трактатами по математике и механике, основанными на изучении трудов древнегреческих и древнеримских авторов. Даже пожалованное звание фельдмаршала, титул графа и назначение на пост президента Гофкригсрата (Верховного военного совета империи) мало повлияли на его дальнейшую судьбу, никаких больше воинских подвигов у него не было.

Тюильри, 10 августа 1792 года

Продолжая тему о том, что на самом деле представляла собой Французская революция, по недоразумению названная Великой, рассмотрим восстание 10 августа 1792 года. Это событие названо одним из определяющих в истории революции. Лозунг *Liberte, Egalite, Fraternite* («Свобода, равенство, братство»), с которого начиналась Французская революция, за три года, прошедших со времени взятия Бастилии, окончательно трансформировался в фиговый листочек, которым пытались прикрыть океан крови, ненависти, мародёрства и убийств, словом, жесточайшего террора и репрессий.

О штурме Тюильри в 1792 году написано немало, но, на мой взгляд, по – настоящему интересны свидетельства лишь трёх очевидцев тех событий.

Первый свидетель – Филипп Морис, писец, служивший тогда в одной из нотариальных контор. В те времена он был юношей 16 лет от роду. Его свидетельство наиболее объективно, поскольку он не принадлежал ни к революционерам, ни к роялистам. Филипп Морис совершенно не интересовался политикой, насколько это было вообще возможно в те годы. Это взгляд любопытного юноши.

Второй свидетель – уроженец Парижа, республиканец Луи – Себастьян Мерсье (Louis – Sebastien Mercier, 1740–1814), французский писатель и драматург. Его перу принадлежит утопический роман «Год 2440», а также книга «Новый Париж». Мерсье получил широкое признание после выхода в свет двенадцати томов «Картин Парижа» (первый том вышел ещё до революции, в 1781 году) – собрание более 1000 статей и очерков об укладе и бытовых подробностях жизни Парижа. Это был один из первых бестселлеров в истории Франции.

В 1789 году он радостно приветствовал Революцию и даже был избран в Конвент. Однако позднее у него, как и у многих других, наступил период разочарования: он выступал против террора, призывал к осуждению психопата Марата, голосовал против казни Людовика XVI, резко обличал и открыто назвал Робеспьера «крововластцем». Как и все республиканцы умеренных взглядов, он попал в жернова революционного террора: во время переворота 31 мая 1793 года протестовал против исключения из Конвента депутатов – жирондистов, за что сам был арестован. По неясной мне причине его не казнили, а лишь бросили в темницу. Счастливчику вернули свободу после падения якобинской диктатуры.

Третий свидетель – сам Наполеон Бонапарт, но к его свидетельству вернёмся позднее.

Ситуация, сложившаяся в Париже к 10 августа 1792 года, была такова: Дантону, который на том момент был наиболее сильной фигурой французской политики, надоела даже чисто формальная власть бессильного короля. Ему и его соратникам не нужна была монархия ни в какой форме. Не желая ждать постепенного отмирания монархии, Дантон отдал своим сторонникам приказ: «Осадить дворец, уничтожить там всех и особенно швейцарцев, захватить короля и его семью, препроводить их в Венсенн и охранять как заложников». Марат и Робеспьер, как вы понимаете, были настроены ещё более воинственно. Кроме того, в феврале 1792 года Австрия и Пруссия заключили военный союз против Франции, объединили войска и вторглись в пределы охваченной революцией страны. К лету войска австрийцев, пруссаков, гессенцев (наёмных войск гессенских фюрстов (князей), предоставляемых другим странам) и французских эмигрантских отрядов во главе с героем Семилетней войны Карлом Вильгельмом Фердинандом, герцогом Брауншвейгским, захватили крепость Лонгви и вплотную подошли к Вердену, после взятия которого им открылась бы прямая дорога на Париж. Так что Дантон хотел форсировать события, придать новый импульс революции, хотя бы ради того, чтобы отразить экспансию Австрии и Пруссии. Угрозы герцога Брауншвейгского (он предупреждал о том, что любое действие, направленное против королевской семьи, послужит поводом для жестоких репрессий со стороны коалиционных войск) вместо того, чтобы принудить население

Франции к повиновению и обеспечить безопасность короля Людовика, привели к обратному результату.

После взятия Тюильри Дантон намеревался официально упразднить монархию и торжественно провозгласить республику, реорганизовать армию, победить и перенести войну на вражескую территорию. В конце концов, как мы знаем, ему это удалось, но он и представить не мог, что на самом деле лишь укоротил свой и без того недолгий путь на эшафот.

* * *

Если сразу после переезда в Париж в 1789 году дворец Тюильри был полон придворными и знатными дворянами (пусть и напуганными революцией и взятием Бастилии), то летом 1792 года он больше походил на тонущий корабль, с которого бегут крысы.

Эту последнюю резиденцию короля, дворец Тюильри, по – настоящему охранял всего лишь один полк швейцарской гвардии, менее тысячи солдат и офицеров. Швейцарцы на протяжении веков верно служили Римскому папе, германским князьям, но наиболее почётной считалась служба у французских королей. Во французской армии швейцарские наёмники служили ещё с начала XVI столетия. Наиболее знаменитым из них был полк швейцарской гвардии. Это была отборная, элитная часть, насчитывающая к тому моменту более полутора веков славной боевой истории. Полк был набран из лучших сыновей швейцарских кантонов, между правительством кантонов и королём был заключён договор, согласно которому Франция выплачивала жалование гвардейцам, а также немалые суммы в Швейцарию. Швейцарские гвардейцы чувствовали двойную ответственность: перед Людовиком XVI и родной страной, которая могла остаться без средств.

По всей видимости, швейцарские гвардейцы отлично понимали, что им предстоит умереть, и были готовы к такому развитию событий. Гордость и долг не позволяли им бежать, так что, покидая свои казармы в окрестностях Парижа, они замуровали шесть своих знамен в одном из подвалов, чтобы они не достались врагу. Для последнего сражения гвардейцы оставили лишь белое знамя с золотыми королевскими лилиями генеральской роты полка и два знамени первого батальона. После чего отправились нести караул во дворец Тюильри.

* * *

Надо сказать несколько слов и о том, какие плоды принесли первые годы революции Франции. Бесчинства восставшей черни, полное отсутствие закона да и вообще твёрдой власти привели к массовой эмиграции дворянства и духовенства. Были разрушены сложившиеся веками торговые отношения: из – за отсутствия спроса разорились сотни мелких предприятий, армия безработных росла. Практически перестал функционировать ранее хорошо развитый строительный сектор. Резко увеличился выпуск ничем не обеспеченных ассигнаций, на которые мало что можно было купить. Восстания в колониях привели к исчезновению с прилавков кофе, чая, а главное – сахара. Налицо была гиперинфляция, перед всеми маячил призрак голода. Народ, по обыкновению, связывал все беды не с революцией, а с ненавистным королём и дворянством. Народу нужна была кровь.

25 июля в Париж прибыли сотни добровольцев из Бреста, а через пять дней к ним присоединилось ещё пять сотен радикалов из Марселя. Они – то и образовали ударную группу, к которой примкнуло ещё более 20 000 вооружённых людей из парижских низов.

С ночи улицы города заполнились разъярёнными мятежниками, которые двинулись к Тюильри. Король, по обыкновению, спасовал перед лицом опасности. Три года непрерывных унижений ничему его не научили. Сразу после первых звуков зазвучавшего набата он вместе с семьёй и министрами покинул дворец (по дороге горько посетовал на то, что за парком плохо

ухаживают) и отправился в Национальное собрание, где наивно надеялся договориться с лидерами революции.

Командир швейцарцев, маркиз Антуан Жан Галио де Манда, был вызван в городскую ратушу. Он опрометчиво принял приглашение и прибыл на место к величайшему изумлению и радости мятежников, которые объявили его изменником и немедленно убили.

Толпа перед дворцом всё увеличивалась в размерах. Ситуация осложнялась ещё и тем, что кроме швейцарских гвардейцев в охране дворца принимали участие ещё и 930 жандармов, 2 000 национальных гвардейцев, и 200–300 кавалеров ордена Святого Людовика (наивысший орден королевства) и прочих знатных монархистов. Когда же ситуация стала критической, наступил момент массовой измены присяге и долгу. Из толпы начали стрелять по окнам, бросать камни. Этого показалось «защитникам» вполне достаточным поводом для того, чтобы сбежать. А национальная гвардия в полном составе перешла на сторону мятежников, развернув оружие в сторону недавних товарищей. Швейцарская гвардия, лишённая командира, осталась одна перед лицом беснующейся толпы.

Руководство обороной принял на себя капитан Дюрлер. Преданный Дантону вожак восставшей черни Франсуа – Жозеф Вестерманн, в будущем печально известный как «мясник Вандеи», пытался повторить с Дюрлером тот же фокус, что и с его командиром, маркизом де Манда: уговорить сдаться без боя и затем убить. По свидетельству очевидцев, Вестерманн схватил Дюрлера за руку и истерически закричал: «Переходите к нам, с вами хорошо обойдутся, сдайтесь нации!» Дюрлер вырвал свою руку и гордо бросил в лицо негодяю: «Я сочту себя обеспеченным, если сдамся. Если вы оставите нас в покое, мы не причиним вам вреда, но если вы атакуете, то вынудите нас защищаться». Получив такой ответ, Вестерманн начал поливать гвардейцев площадной бранью и угрозами немедленной расправы. Капитан Дюрлер смело ответил беснующемуся Вестерманну, полностью утратившему человеческий облик: «Я отвечаю за своё поведение перед швейцарскими кантонами – моими суверенными властями. Я никогда не слою оружия». Тогда один из озверевших мятежников попытался ударить смельчака пикой, но тот легко отбил удар. Переговоры, если это можно так назвать, зашли в тупик. Всем стало ясно, что без кровопролития дело не закончится.

Начало боевых действий все описывают по – разному. Наиболее правдиво звучит версия одного из немногих выживших в этом аду защитников дворца, лейтенанта гвардейцев по имени де Люз: «Я клянусь перед Богом, что мы не открывали огня. Наш полк не стрелял до тех пор, пока Национальная гвардия не произвела три или четыре выстрела из пушек по дворцу». То есть виновниками были даже не радикалы из Бреста и Марселя, а предатели – национальные гвардейцы.

Впрочем, есть ещё и другие версии. По одной из них толпа выхватила при помощи пики с крюком двух гвардейцев и уже собралась их линчевать, когда остальные гвардейцы пришли на помощь попавшим в беду товарищам.

Бой в королевском дворе Тюильри

Так или иначе, начался бой. Перед огромной мятежной толпой, заполнившей королевский двор Тюильри, были выстроены четыре роты солдат швейцарской гвардии. По команде Дюрлера они произвели ружейный залп по толпе. Со своих позиций на верхних этажах дворца их поддерживали огнём размещённые там остальные подразделения полка, до сих пор воздерживающиеся от применения силы, хотя к тому времени во дворце уже практически не осталось целых стёкол. Залп произвёл опустошение в рядах мятежников, более сотни остались лежать убитыми или ранеными. В числе убитых был и руководитель марсельского батальона по имени Муассон, Вестерманну удалось ускользнуть. Остальные мятежники с воплями разбежались в разные стороны. Несколько десятков марсельцев, которые ещё минуту назад бесновались и требовали перебить всех швейцарцев, немедленно сменили тон. Они упали на колени и с плачем поползли навстречу гвардейцам, умоляя о пощаде. Капитан Дюрлер великодушно сохранил им жизнь, разоружил и приказал поместить в караульное помещение. Все пушки были брошены толпой, так что у гвардейцев появилась слабая надежда на спасение.

Однако к девяти часам утра подошли новые колонны восставших. Дворец теперь осаждало более 20 тыс. человек, причём прибывали всё новые и новые колонны. Подведённые ко дворцу Тюильри батареи открыли артиллерийский огонь. Гвардейцы, чьи ряды редели под залпами картечи, были вынуждены оставить свои позиции во внутреннем дворе и укрыться во дворце. Патронов у них оставалось всё меньше и меньше, но они держались.

Восставшие вновь заняли внутренний двор и ворвались во дворец, где огонь гвардейцев становился всё реже. Бой на лестницах, в коридорах, в покоях дворца перешёл в рукопашную схватку, где численное преимущество играет основную роль. К полудню дворец был взят мятежниками.

Последний акт драмы разыгрался в тот момент, когда из Национального собрания прибыл гонец короля, граф д'Эрвийи. Он передал записку: «Король приказывает швейцарцам отступить в свои казармы. Он находится внутри Собрания». Граф д'Эрвийи, однако, от волнения перепутал приказ короля и прокричал: «Приказ короля – прибыть в Собрание!» Это было логично – явиться прямо в змеиное логово и уничтожить всех главарей революции. План был

не таким уж безумным, поскольку наступающая на дворец чернь уже приступила к грабежу и мародёрству, так что у гвардейцев был некоторый запас времени. Ясно, что бой шёл во многих местах и не все могли слышать приказ.

Последний бой гвардейцев

Однако две сотни гвардейцев во главе с Дюрлером, подняв королевское знамя, сумели пробить брешь в рядах атакующих и вырвались из ловушки. Этот небольшой отряд сумел перебить всех, кто их попытался преследовать, после чего стал быстро продвигаться по направлению к Национальному собранию. Никто не смог сдержать их порыв, так что уже спустя короткий срок израненные и перепачканные кровью швейцарские гвардейцы ворвались в зал Национального собрания. Увидев вооружённых офицеров королевской гвардии, депутаты собрания стали трусливо выпрыгивать в окна. Однако Людовик не вышел из своего обычного амбула. Он так и не понял, что судьба посылает ему последний шанс для спасения. «Сдайте оружие Национальной гвардии, – сказал Дюрлеру Людовик, – я не хочу, чтобы столь храбрые люди, как вы, погибли». Капитан Дюрлер подчинился. Именно в этот момент с королевской властью во Франции было покончено, а Людовик обрёл себя самого и свою семью на унижения и смерть. Часть пленных швейцарцев немедленно притащили от Национального собрания к ратуше, где их зверски убили прямо под статуей Людовика XIV.

После того, как отряд Дюрлера удался из дворца, сопротивление было обречено. Остатки защитников были разгромлены и убиты, над их трупами глумилась толпа.

События, которые доводят до нашего сведения очевидцы, поистине ужасны. После того как сопротивление было окончательно сломлено, толпа первым делом устремилась на королевскую кухню, расположенную в подвале павильона Флоры. На глаза им попался поваренок. Его скрутили и затолкали в котёл, который поставили в горящую печь. Просто расстрелять его мятежникам показалось мало. Кроме обычного мародёрства, когда крали всё, что попадалось на глаза, чернь наконец дорвалась и до винных погребов. Пол был усеян толстым слоем раз-

битых бутылок, на котором валялись мертвецки пьяные победители. Мужчины и женщины, потерявшие человеческий облик, лежали на полу вперемешку с убитыми швейцарскими гвардейцами. Захлёбываясь в пьяном угаре сотни подонков пили вино и плясали на трупах под вестибюлем южной лестницы Тюильри.

Обезумевшие от вида текущей рекой крови санкюлотки жарили оторванные конечности убитых швейцарцев в ящиках для угля, украденных во время пожара из кордегардии, весело приплясывая при этом. Вился и летел по воздуху лёгкий пух из одеял и перин, вспоротых саблями мятежников. Грабили всё: письменные столы короля и королевы, принцессы Елизаветы, придворных дам. Ассигнации, золото, драгоценности и т. д. Никто не останавливал бандитов, так что дворец они разграбили полностью.

Третий очевидец – Наполеон Бонапарт – вспоминал о тех ужасных событиях, уже находясь в ссылке на острове Святой Елены: «После взятия дворца и отбытия короля я осмелился пробраться в сад. Никогда позже ни одно из моих полей сражений не производило на меня такого впечатления от множества трупов, как это, сплошь усеянное телами убитых швейцарцев. Быть может, причина этого заключалась в тесном пространстве. Или в том, что первое впечатление от подобного зрелища всегда немного сильнее. Я видел там женщин, совершавших самые дикие издевательства над трупами».

История в конце концов всё расставила по местам. Король, чья нерешительность погубила гвардейцев, спустя недолгий срок был лишен королевского титула, осуждён и гильотинирован. В ходе революционного террора погибла и вся его семья. Но и сами победители в гнусном мероприятии не долго упивались триумфом. После короля, духовенства и аристократов пришла очередь ложиться под топор гильотины и самим революционерам. Дантон, чья злая воля инициировала кровавые события 10 августа, вместе со всеми своими соратниками был обезглавлен.

Не удалось обмануть судьбу и мяснику Вандеи Вестерманну. 2 января 1794 года его отстранили от командования войсками и срочно вызвали в Париж. 7 января 1794 года он был арестован и вскоре предстал перед Революционным трибуналом. Судьи не знали к нему снисхождения, несмотря на огромный кровавый след, который этот каратель оставлял после себя. Вестерманн был приговорён к смертной казни и 5 апреля 1794 года гильотинирован вместе со своими патронами – Дантоном и Демуленом.

В 1821 году в швейцарском городе Люцерн властями был открыт памятник в честь подвига земляков в далеком Париже. Он представляет собой сражённого льва, покоящегося на сломанных копьях и двух щитах. На одном из них – королевские лилии Франции. На другом – швейцарский крест. Римские цифры напоминают о дате – 10 августа 1792 года. Памятник носит название «Люцернский лев». Всякий, кто бывает здесь, отдаёт дань светлой памяти героям, которые даже во время всеобщей смуты и измены нашли в себе силы для подвига. Их доблесть, воинская дисциплина, благородство и верность долгу служат примером грядущим поколениям.

Барон Фридрих фон дер Тренк

В первые месяцы Великой французской революции, а именно 10 октября 1789 года, на заседании Учредительного собрания выступил некто Жозеф Игнас Гильотен или, ещё правильно, Гийотен (Joseph – Ignace Guillotin), профессор анатомии. С первых же слов он решительно высказался против дискриминации граждан свободной Франции, осуждённых на смертную казнь, и призвал уравнивать всех их в правах. Среди прочего он также сказал: «Смертная казнь в новом государстве тоже должна быть демократичной». Вероятно, Гильотен имел в виду, что применявшиеся к простолюдинам четвертование, сожжение на костре, колесование или повешение должны быть заменены на казнь, к которой раньше приговаривались лишь аристократы

– благородное обезглавливание. Это будет по – настоящему революционный шаг в области лишения людей жизни! Как доктор и человек, облегчающий людям страдания, он призвал высокое собрание сделать смертную казнь наименее мучительной. Новое время требует принципиально нового подхода к такому важному делу! Смертная казнь, разумеется, остаётся временной, но необходимой мерой обуздания преступности и государственной измены, поэтому Гильотен пошёл ещё дальше и процесс благородного обезглавливания предложил модернизировать: «Я предлагаю не просто унифицировать способ смертной казни, ведь даже такой привилегированный метод умерщвления, как обезглавливание мечом, тоже имеет свои недостатки. Завершить дело при помощи меча можно лишь при соблюдении трех важнейших условий: исправности инструмента, ловкости исполнителя и абсолютного спокойствия приговоренного. Меч нужно затачивать после каждого удара, иначе быстрое достижение цели при публичных казнях станет проблематичным. Но времени на заточку, как правило, нет, да и осужденные, вынужденные наблюдать за гибелью своих предшественников, часто теряют присутствие духа». Одним словом, он предложил унифицировать способ умерщвления людей и использовать при этом механизм, обеспечивающий мгновенное отделение головы от туловища. Депутаты дружно одобрили подобный гуманизм добрейшего доктора. В результате ими был принят закон, который гарантировал гражданам, что «любому приговоренному к смерти отрубят голову». Публика приняла очередной революционный и гуманистический закон радостными воплями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.